ISSN 0131-0097

ОГОНЁК

№ 15 АПРЕЛЬ 1991

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 15 (3325)
6 — 13 апреля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Фотоплакат Олега Малеваного.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 18.03.91. Подписано к печати 02.04.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 276. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

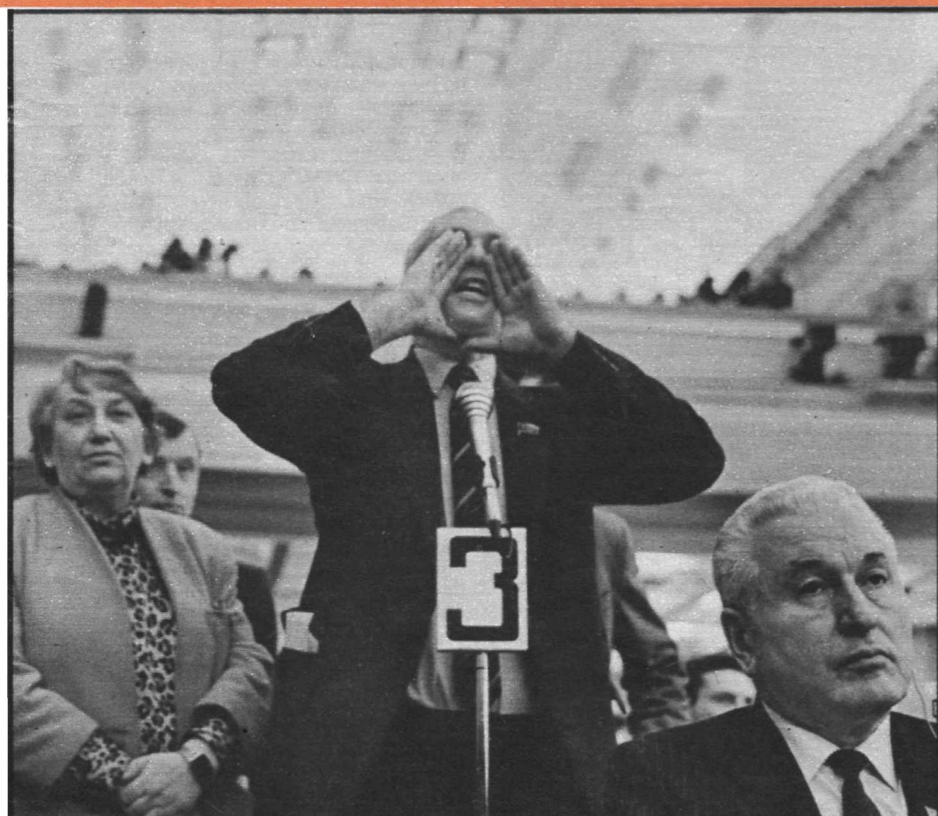
Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ

РЕПЕТИЦИЯ

Анатолий ГОЛОВКОВ,
обозреватель журнала «Огонек»
Фото
Льва ШЕРСТЕННИКОВА
и Юрия ФЕКЛИСТОВА

Войска, которыми так долго пугали москвичей большевики, наконец-то появились.

28 марта 1991 года, как и положено, на рассвете, они как-то деликатно и даже бесшумно, чтоб не будить детей, оккупировали столицу. По приказу подразделения украсили собой многие улицы и площади центра; во дворах были развернуты полевые кухни; советские воины, негромко переговариваясь и не вылезая из машин, курили, а также мочились на мусорные ящики, к большому неудовольствию активистов жэков. Другие от вынужденного бездействия играли в песочницах с детьми захваченного города или перемигивались с девушками. Все было ожидание.

Посмотреть со стороны, так можно подумать, что армия, а также отобранная у Моссовета милиция (которую раньше благодарили после каждого митинга за поддержание порядка) были стянуты в столицу, чтоб защитить от неведомых врагов народных депутатов России, которые с утра собрались на свой внеочередной съезд. Однако депутаты почему-то остались недовольны отеческой заботой Генерального штаба. И вместо того, чтобы задуматься, чем кормить Россию, сосредоточились на переговорах с Центром. Они быстро смекнули, что родная армия пришла в Москву вовсе не для того, чтоб их форум работал спокойнее, а для того, чтобы не пустить избирателей на митинг.

Забегая вперед, скажу: для многих осталось загадкой, отчего именно Манежная площадь, где столько раз собирались сотни тысяч людей, показалась Кабинету министров и Президенту столь важным стратегическим объектом? Чем хуже, к примеру, наш родной Арбат или площадь имени пролетарского поэта Маяковского? Наивные мы люди! Кто ж не знает, что от Манежа всего сотня-другая шагов до Кремля. А там — съезд. А на съезде коммунистическая фракция может поторопиться и призвать российское руководство к отставке не 1 апреля, как намечено, а 28 марта. И что тогда? Вдруг «деструктивные силы», прикинувшиеся очередью к закусочной Макдональдса, пойдут штурмовать Спасскую башню?

28 марта останется в памяти депутатов и избирателей, как день унижения и несломленной гордости. Горько было видеть днем в зале заседаний, как Хасбулатов вышел к микрофону и, не поднимая глаз, сообщил, что двухчасовые его переговоры с Президентом так ни к чему и не привели, войска сегодня не уйдут. Больно было ощущать, что и без того расколотый съезд никакой власти не имеет. Документы его, в том числе и постановление о «приостановлении» решения кабинета Павлова и Указа Президента насчет проведения в Москве митингов и манифестаций, никакой силой не обладают.

Да, в этот день, к счастью, в кремлевском зале так и не появился предполагаемый матрос Железняк со своею ратью. Но чувство унижения испытали все: и депутаты, и гости, и журналисты.

До самого вечера Москва (а с нею и вся страна) напряженно ждала: что будет? Населению словно бы хотели намекнуть: вот вы платите налоги, кормите, одеваете, вооружаете родную армию, а на что она способна, так и не испытали. Нам и до этого (как теперь ясно, не без основания!) твердили: пусть шахтеры затопят шахты, сталевары погасят домны, пусть население переходит на подножный корм по новым, павловским ценам... Пусть разрушение и тлен проникают во все поры государства... Пусть вообще все летит в тартарары! Но нельзя допустить, чтобы тлетворный демократический дух проник в «непобедимую и легендарную» — залог коммунистической твердыни.

Незачем прикидываться: сценарий Центра был с самого начала ясен каждому. Было совершенно понятно, для чего люди в касках и бронежилетах щитами преградили путь на Манеж. Почему на Тверской стояли пожарные машины, готовые в любую минуту обрушить ледяной душ на горячие головы. По какой причине перегородили улицы мощные самосвалы, а во дворах домов, где мы родились и выросли, стояла бронетехника. Союзная власть в сугубо большевистском стиле решилась на последний шаг: спровоцировать недовольных ее политикой москвичей на массовые беспорядки.

Что последовало бы за тем, как колонны избирателей решились бы двинуться не в сторону Маяковской, а в противоположном направлении (что и было заранее объявлено!), ясно всем! В особенности народным депутатам, которые, прервав съезд, сделали все для того, чтобы избежать беды... И Центр в очередной раз проиграл игру, может быть, самую опасную за все годы перестройки.

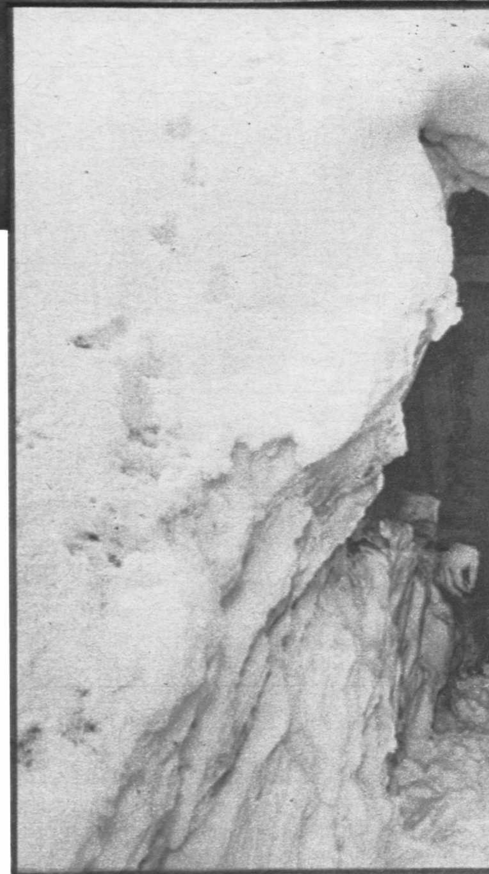
Почему? Только ли в хорошей организации митинга дело, только ли в том, что координационный совет сумел лучше всякой милиции сориентироваться и направить в нужные места сотни тысяч людей, когда казалось, что весь город вышел на улицы? Думаю, что важную роль сыграло вот что: не столько возмущены были москвичи нашествием армейских и омоновских полчищ, сколько удивлены. Потому что, к счастью, у жителей столицы пока отсутствует рефлекс страха перед людьми в военной форме, как это происходит в Грузии, Азербайджане, в Прибалтике.

Я наблюдал, как депутаты не дали зиловским рабочим опрокинуть бензовозы, что те намеревались сделать... Как на углу Пушкинской площади демократическая молодежь читала в мегафон лекцию молоденьким милиционерам о сути политического момента и те хитровато и понимающе улыбались из-под касок... Видел, как военных курсантов угощали пирожками, принесенными из дому, и как одна пожилая женщина просила демонстрантов: «Люди, не обижайте солдат, это ведь наши дети!..»

Представляю, как разочарованы организаторы политической провокации. Но гораздо важнее, что им преподнесен урок: крови не было потому, что Москва принадлежит не им, а нам. Миллионам нас, и в гражданской, и в военной форме. Тем, кто больше не желает быть марионетками в чужих руках, кого уже силком не затолкать в «светлое будущее». Для кого дороже политических игрищ и властолюбивых амбиций судьба, ведущая к свободе Отечества.

ЗАЛОЖНИКИ

ЧЕТЫРЕ ДНЯ ИЗ ЖИЗНИ «ДЕСТРУКТИВНЫХ СИЛ»

Ирина ЖУРАВСКАЯ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

Это из них когда-то поэт советовал делать гвозди. Делали винтики, каждый «слесарь» своей нарезкой. Это им, похлопывая по плечу, вешали ордена на грудь, и это их призывали над заголовками всех газет и журналов — соединяйтесь. Это их спаивали без закуски и по льготной путевке отправляли в Сочи: гуляй, ребята, страна героев не забудет! От их имени наставляли на путь истинный дружественные народы и клеймили романы, которых не дали прочесть.

Надежда и опора. Правящий класс. Править было легко: раз — вкалывай, два — молчи. Править легко — жить невыносимо. Июль 1989-го шахтерским «баста» заставил страну вздрогнуть. Ах, как понеслась навстречу забастовке дозволенная гласность! Так жить нельзя, так невозможно работать... Ах, как заспешили вмиг прозревшие комиссии! Мы понимаем, мы поможем. Спасибо за урок, спасибо за мужество! Чуть-чуть — и похлопает по плечу знакомая рука...

Меньше двух лет назад. Высохли слезы сочувствия и умиления. Март 1991-го, шестой март перестройки,— «деструктивные силы пытаются поставить страну на колени». Второй акт шахтерской драмы. Пройдет время, и лучшие наши головы, я уверена, найдут и нужные определения, и точные оценки. Я не берусь. Я только хочу, чтобы в потоке срочной информации и дезинформации, в круговороте амбиций и раздражения не потонули голоса тех, кто имеет право быть услышанным.

День первый: Новокузнецк, Циолковского, 23

День был — как проклят. С утра началось. Юрий Комаров, сопредседатель городского рабочего комитета, должен был в Москву лететь, послали его мужики поговорить с ребятами, чтоб голодовку прекратили, боятся за них... Поехал на «жигуленке», единственном транспорте рабочего комитета,— перевернулись.

— Да сам ничего, нога вот только, водитель — тоже. А машину помяли. Сюда добрались — новая беда. Три машины к нам из Москвы шли с продовольствием, так одну тоже вывернуло. Зима не отпускает.

И снова к телефону — собрать людей, найти машины — на помощь тем, кто едет им помочь.

Рабочий комитет нас встретил спокойно. Без эмоций. Приехали — смотрите. Чай хотите — пейте, вон самовар, хлеба кто-то притащил. Не умолкает телефон. Пожилой рабочий строчит (да как строчит — тюкает) за машинкой. Информационный голод — гибель забастовки. И кричит телефон, и стучит машинка. Нашлепает восемь слепых экземпляров очередных решений комитета, тут же ходоки разнесут. Снова садись. День и ночь в этом прокуренном кабинете Дома политпросвещения.

* * *

По неуверенному топтанию у дверей приезжих отличишь сразу.

— Мы с Орско-Халиловского. Металлурги.

Задвигали стулья, круг пошире, шапки на колени.

— Поговорим, мужики...

Они будут говорить и час, и два, без спеха и суеты, потому что нет у них дела важнее. Ни у тех, ни у других. Они в пятый и десятый раз пойдут по тому же кругу. Мы с вами, мы поддерживаем, но завод-то встанет, не поднимешь. Раз с нами, почему к центру не обращаетесь, почему к нам?

— Да нет, мы уж наверх телеграммы слали, чтоб немедленно приняли требования шахтеров...

— Ответили?

Конфликт? Противостояние? Противоборство? Это не их слова, сюда не приставишь.

* * *

— Понимаете, у нас принцип такой — не агитировать, не тянуть за уши, не навязываться. Пусть смотрят, пусть думают.

Мы пристроились с Юрой Комаровым на подоконнике в коридоре, куда все равно доносились громкие голоса из рабочего комитета.

— Сейчас вспомнить смешно, а мы ведь в 1989-м никого к себе не подпускали. У корреспондентов и то удостоверения по полчаса изучали. Тогда, правда, их намного больше было. Теперь никакой секретности: дверь нараспашку, все совещания открыты. Ради Бога! Хотя мы никогда не будем разговаривать с «Памятью» и ОФТ. И никаких дел — с «Памятью», ОФТ и КПСС.

— Говорят, нынешняя забастовка спровоцирована, вас направляют.

— И правильно говорят. Конечно, была провокация. Госпрофсоюзы все рассчитали — лозунги, которые в любой толпе играют, вперед — и к экономической забастовке. Программа «Время», помните, все сообщала: шахтеры Донбасса требуют повышения зарплаты в два раза, начнут забастовку 1 марта, ну и прочее. Что стоит взорвать и без того накаленную обстанов-

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

ку! Мы же не дети, понимаем, что нашими руками хотели убрать российское правительство.

В одном только просчитались. Про 89-й забыли. А мы — нет. За это время многому научились. Кусок колбасы мы и раньше не просили, а теперь кому не ясно, что без смены системы, которой мы ждем «конституционным путем» шесть лет, ничего не будет. И колбасы в том числе. Янаев тут приезжал: я вам фонды увеличу, то да се. Мы заявление сделали — про колбасу с членом Политбюро разговаривать не будем. Полтора года назад нам тоже, назло всей стране, выделили дополнительные фонды, а в 1990-м эти излишки с нас же и сняли. О чем помалкивают. Да и что толку от фондов, когда и по ним поставки срываются! Только чтобы еще раз нас со всей страной стравить. Кузбасс все съел!

Вечером Юра все-таки улетел в Москву. Телевидение сообщило, что бастуют 46 шахт, через пять минут — 47. В журнале рабочего комитета их было записано 62.

День второй: Новокузнецк, шахта «Большевик»

— Я тут как-то пришел домой, лег, жене говорю: «Пульс» включи. Это передача у нас такая, только из нее правду и узнаем. Посмотрел, а выключить сил нет. Жена на цыпочках: ты что, говорит, тоже голодуешь? Они, оказывается, с дочкой уж три дня спросить боялись. Не ем ничего. А у меня просто сил нет на еду, который день «Большевик» бастует. Кручусь.

Михаил Гантюров — в рабочем комитете шахты. Кончится забастовка, пойдет в забой. В июле 89-го, когда все началось, он в отпуске был.

— Тогда еще не доходило как-то до меня. Ремонт, говорю, делать надо. Купил ведь все, знаете как... свои заботы. Теперь уж не до них. Теперь до конца выстоим. Хотя... люди-то разные. До конфликтов вот доходило. Мы ведь от зарплаты все, под роспись, отказались. Что надо для жизнеобеспечения шахты, и так делаем — вентиляция, воду откачиваем. Но бывают аварийные ситуации. На одном участке лава была в плохом состоянии, администрация приказала — идите, работайте. Ну, началось: как это мы, бесплатно, что ли? Тогда бригада одна наша, знаменитая была комсомольско-молодежная, сделала заявление: на любой участок пойдем, поможем бесплатно.

«Большевик» стал, или, как говорят здесь, «лег» первым, 4 марта. На стенде в шахтоуправлении рядом со списком дефицитного импорта, ждущего своего жребия, сводка потерь в результате забастовки. За две недели — 2047,2 тысячи рублей.

— Я им говорю: ребята, вы ж себя губите. Правильные у вас требования, может быть, но ведь платить нечем будет. Ноль у нас.— Мария Ивановна Иванова, главный бухгалтер, безнадежно откидывает пачку сводок.— Да они разве понимают что! Бастуйте, говорю, но по-умному.

— А как по-умному, Мария Ивановна?

— Так без отгрузки. По добыче банк хоть кредит даст.

— Не можем мы так, поймите,— объясняли мне через пять минут в раздевалке, где первая смена, отбастовав, собиралась домой, а вторая заступала на эту сидячую вахту.— Не уследишь ведь, караулов не напасешься, начнут потихоньку и отгружать.

(Спустя несколько дней я узнаю, что бастовать «Большевику» пришлось все-таки «по-умному». Состояние шахты требовало добычи.)

— Нас же все время обманывают. Вот с Липецком что оказалось?

Эту историю я уже слышала в городе. Председатель облсовета А. Тулеев прочел на сессии телеграмму из Липецка: мясные поставки в Кузбасс прекратятся, если не будет кокса для Новолипецкого металлургического.

Но депутат Новокузнецкого горсовета Я. Гурков, покопавшись, выяснил, что Липецк должен был за I квартал поставить 1600 тонн мяса, а поставил только 208 тонн. Тогда как Кузбасс план поставок кокса перевыполнил на 32,4 тысячи тонн.

Но это так, для примера. От него не легче. Ни Новолипецкому, который вот-вот встанет, ни липецкой мясной индустрии, которую жестоко подорвали осенние игры со временным повышением закупочных цен, загнавшие на бойни даже стельных коров. Не легче и прилавкам Новокузнецка, где не по талонам разве что маринованный чеснок, а что по талонам — иди ищи. Все везут в Кузбасс? Да вот Дальний Восток еще до всякой забастовки за фондовые поставки рыбы потребовал не только металл, цемент, лес и уголь, но и бытовую технику, импортные вещи.

Перевернутый мир, где нищий последнее тянет у нищего, где проще всего найти виноватых среди таких же, как ты.

День третий: Прокопьевск, шахта «Зиминка» и рядом с ней

Что нового я сейчас скажу? Ну скользнут глазами те, кто в шахте не был. Ну усмехнутся знающие люди, а их, Господи, чуть не половина Верховного Совета бывшие шахтеры...

А может, забыли — вода за воротник, сапоги текущие, спины шахтерские в синяках от банок, радикулит, пополам согнувший, кашель этот, бутерброд за пазухой. Путь этот до шахты, как по обратной стороне Луны, через старые отвалы отработанных разрезов. Да нет — не то... Или шторка вот эта — вход в нору твою, шахту, когда не знаешь, выйдешь сегодня, нет? Когда три года назад трех ребят хоронили, по частям вынимали. Помнишь запах от гроба и женщину беременную на коленях. А потом еще части нашли. Снова хоронили. И сорок дней назад друг, обгоревший от взрыва метана, в реанимации умирал, а ты ему кричал: ну держись, Коль, ну надо ж жить... А на соседней шахте уже месяц горного мастера откопать не могут. А в Новокузнецке суд идет — прошлым летом одиннадцать ребят затопило...

Все помнишь и идешь. Работа такая? Жизнь? Что?

А Валентин Сергеевич тебе с экрана — трудно, конечно, всем трудно, у всех проблемы. И его небось в шахту сводят, чего не сводить. Рыжкову вот показывали — побелили все, отцементировали. А еще Соломенцев в Прокопьевск приезжал, так вдоль дороги елки натыкали, благо снег был. Нарубили и натыкали. Пусть любуется.

— Бывает боль такая, как цементом тебя скует. Не в одном месте, а всего, целиком. Живешь с ней. Да пойдемте по домам, сами все увидите.

Анатолий Мялов — горнорабочий шахты «Зиминка», наш проводник на два прокопьевских дня.

* * *

Вдогонку нам все время кричали: что сейчас приехали? Весной бы поглядели, как поплывем, или летом, от мух поотбивались. А то ведь нашли время — благодать.

«Благодать» действительно присыпала снегом, льдом сцепила мусорные кучи, до крыши завалила бараки. Узкие кротовые ходы ведут в «квартиры» этих построенных немцами-пленными засыпных бараков.

— Я в дом с ночной — знаете как? — по крыше пробираюсь. Вот здесь в три часа ночи лезу, а жена снизу ход копает, если засыпало. Откопает, вот и встретились... А на шахте семнадцать лет, как отдать. Дыра, видите, в потолке, клеенкой затянул. Коты прошлой весной свадьбу на чердаке играли, да сюда и попадали, на стол прямо. Нравится? Жена моя здесь выросла, дочь тоже. А теперь спросите, чего бастую? Да, знаю, не дадут мне квартиры ни забастовка, ни голодовка, даже если в горсовете все на полу ляжем. Но молча по норам дохнуть нет больше сил, стыдно. Перед бабой своей стыдно и вообще. В 1989-м надо было до конца... Пороху не хватило, сейчас хватит.

И в маленькой избушке, где ютилась семья шахтера с шестью детьми, им тоже было стыдно. За кур, которых в единственную комнату погреться пустили, за сапоги и куртки на полу, потому что шкафа нет, за зерна и помет вперемешку, что под ногами скрипели...

И шахтеру, жена которого нас в гости пригласила, а он все прятался за нарами, что для детей устроил...

Окончание на стр. 29.

■

12 апреля 1961 года первый человек вырвался в космическое пространство, преодолев силу земного притяжения. Сто восемь минут парил над нашей планетой корабль «Восток», пилотируемый Юрием Гагариным.

В 1969 году астронавт США Нил Армстронг ступил на поверхность Луны. С годами крепло внимание того, что наиболее эффективным путем в исследовании космоса является международное сотрудничество. Ярким подтверждением этого стал совместный советско-американский полет «Союз» — «Аполлон» в 1975 году. Затем совместные полеты космонавтов из разных стран стали неотъемлемой чертой освоения Вселенной.

Звездный путь человечества нашел многообразное отражение в предметах коллекционирования — почтовых марках, спичечных этикетках, памятных медалях... Своеобразной миниатюрной «энциклопедией в металле» стали значки на космическую тему, которые сопровождают едва ли не каждый взлет к звездам.

В моей коллекции значков есть специальный раздел, посвященный космосу и его первооткрывателю Гагарину, он состоит из нескольких сотен значков. Демонстрация таких значков в США, на мой взгляд, вызовет интерес не только у коллекционеров, но и у всех тех, кто не относится равнодушно к истории развития космонавтики. Собранную воедино (2 стенда — 400 значков) коллекцию значков, отображающих развитие космической эпохи, я готов предложить для показа в США. Коллекция эта в соавторстве с американским фалеристом могла бы послужить основой для подготовки иллюстрированного издания, освещающего основные этапы освоения космоса.

В. ГОНЧАРУК,
Москва

■

Провозгласив в свое время свободу предпринимательства, наше правительство озаботилось не столько созданием наиболее благоприятных условий для развития этого предпринимательства, сколько тем, чтобы не дать людям заработать больше положенного. Нас, кооператоров, со всех сторон обложили налогами, запретами, различными «положениями» и «дополнениями к положениям». Одним из наиболее интересных «положений» является требование, чтобы продукция, изготовляемая кооперативами, соответствовала государственным стандартам. Я понимаю, что борьба за качество — излюбленное занятие наших государственных чиновников. Конечно, им тоже нужно чем-нибудь заниматься. С возникновением кооперативов перед ними открылось небывало широкое поле деятельности.

Кисловодский кооператив «Елена», занимающийся пошивом меховой одежды, недавно в полной мере ощутил это на себе. В октябре прошлого года кооператив посетила комиссия Ставропольского ЦСМ, которая нашла, что изделия, изготовляемые кооперативом, не отвечают ГОСТам. Был составлен грозный акт, на основании которого кооператив оштрафовали на очень круглую сумму. Поставку продукции с момента получения предписания предлагалось прекратить. Кооперативу вменялись в вину «неправильная подборка меха в изделиях, неправильная пришивка пуговиц», не по форме сделанная маркировка и так далее. За все время существования кооператив не имел никаких жалоб, и наши отношения с покупателями складывались нормально. Мы в состоянии были доказать, что представители ЦСМ действовали не вполне корректно. В конце концов штраф с кооператива был снят, деньги нам вернули. Но мне не вполне понятно, почему, вместо того чтобы спокойно работать, мы должны оправдываться перед Центром стандартизации и метрологии?

Главный наш контролер — покупатель, который в состоянии сам решить, устраивает ли его, как подобраны по цвету шкурки на его шубе. А главное — кто теперь возместит ущерб, нанесенный кооперативу? Я имею в виду не столько материальный ущерб, сколько моральный. Местная газета на основании документа, составленного комиссией, опубликовала материал, который вряд ли послужит для нас хорошей рекламой. Городской суд не принимает у нас исковое заявление, пересылая нас в Госарбитраж. Да и не судиться же всю оставшуюся жизнь из-за чужой некомпетентности. А кто гарантирует нас от повторения подобной истории?

Я считаю, что требование относительно соответствия кооперативной продукции госстандартам вряд ли облегчит жизнь покупателям. На складах, как известно, пылятся тонны изделий, выпущенных госпредприятиями по госстандартам, но совершенно не нужных людям. Даже если кто-нибудь додумается присваивать кооперативной продукции «Знак качества», это не сильно улучшит положение с товарами.

С. МОВСЕСОВ,
председатель кооператива «Елена»,
Кисловодск

■

Мы уже не первый год переписываемся с друзьями из-за рубежа и давно привыкли, что письма не доходят, а если доходят, то вскрытые. Но выпотрошенная детская посылка возмутила нас до глубины души. Почему ребенок, собирающий обычные сувениры, открытки, не может быть уверен в том, что его подарки доходят в целости и сохранности? Почему вместо праздничной радости мы должны утешать ребенка, получившего распотрошенную посылку? Все это гнусно и мерзко. Я сама чуть не плакала: скромные подарки, которые так трогательно собрал канадский мальчик, с любовью оклеив посылку картинками,— все было безжалостно истерзано. Мало того, что украли содержимое,— красивая оберточная бумага была изодрана в клочья и напихана внутрь посылки. Единственное, что у нас не украли,— это открытки и книжку веселых рассказов, которые, к счастью, были на английском языке и не заинтересовали воров.

Мы привыкли к тому, что у нас ежедневно втаптывают в грязь человеческое достоинство, но трудно смириться, когда это распространяется на детей. Детям трудно объяснить, что бюро рекламаций при Министерстве связи не принимает мер. Дети этого не могут понять, они просто плачут.

А. ТИХОМИРОВА,
Днепропетровск

■

Шестого марта по программе «Время» был показан короткий сюжет о том, как некий американский полицейский избивает лежащего на земле человека. Диктор сообщил нам, что человек этот — водитель машины, а полицейский избивает его — цитирую — «лишь за то, что он превысил скорость». Другими словами, вот они — их нравы...

Мне довелось подолгу жить и работать во многих странах мира. Почти во всех этих странах я был за рулем машины, так что, как и у всякого водителя, приятные и неприятные контакты с дорожной полицией происходили у меня не так уж редко. Мне не раз приходилось расплачиваться и за превышение скорости, и за неправильный паркинг, и за другие нарушения правил движения.

На основании собственного опыта я утверждаю, что показанный программой «Время» сюжет является мелкой ложью и подтасовкой. Я даже готов поверить, что в показанном сюжете некий полицейский действительно избил водителя всего лишь за превышение скорости. Но тогда это сюжет о преступнике-полицейском, который не позже чем на следующий день предстанет перед судом, а не об «их нравах», как пытается преподнести это Центральное телевидение во главе с Леонидом Кравченко. Зачем? Чтобы опять начать кормить нас тошнотворной жвачкой о «капиталистических джунглях»?

Коль речь зашла об «их нравах», то я хотел бы внести в эту тему и свою лепту. Как-то я вел машину по одной из улиц Мельбурна в Австралии. День был летний, воскресный, я ехал очень медленно и тут увидел в зеркале заднего обзора, что прямо за мной движется эскорт парадно одетых полицейских на мотоциклах. Улица была узкой, объехать меня они не могли и вынуждены были двигаться за мной так же медленно, как и я. Никто не свистел, не гудел, но я тем не менее счел нужным уступить дорогу. Офицер полиции, возглавлявший этот эскорт, поравнявшись с открытым окном моей машины, взял под козырек и сказал: «Спасибо, сэр!» А через несколько секунд со мной поравнялся «роллс-ройс», в котором сидела дама. Она вежливо улыбнулась мне и произнесла ту же фразу: «Спасибо, сэр!» Это была королева Англии...

Сам собой возникает вопрос: стоит ли в наше время вообще занимать внимание столь мелкой и, пожалуй, самой безобидной из всей той дезинформации, которой в последние месяцы кормит нас программа «Время»? Уж что-что, а эта программа с приходом на телевидение Кравченко заслуживает более серьезного разговора. Но я думаю, что этот телесюжет стоит внимания. Большая ложь вызывает гнев, мелкопакостная — презрение. А оно, как известно, сильнее.

С. ШУЛЬМАН,
кинорежиссер

P.S. Спустя сутки после того, как эта реплика была написана, поступило сообщение (не от программы «Время»), что полицейские, избившие водителя (кстати, не за превышение скорости, а на расовой почве), уже привлечены к уголовной ответственности.

■

В течение двух дней мы были невольными свидетелями убийства. Убийства методичного, хладнокровного и освященного официальным приказом директора Дома творчества Союза архитекторов СССР (бывшей усадьбы князей Волконских) Исаева А. Г. Здесь два дня подряд велся отстрел — нет, хочется сказать «расстрел» — собак, тех самых, которые всегда крутятся возле домов отдыха и пансионатов. Собак, которых мы кормили, к которым успели привыкнуть. Пришел человек с ружьем и с ним местный участковый — видимо, для охраны от детей и отдыхающих. Страшно вспомнить — среди бела дня окрашенный кровью снег, визг добиваемых собак, трупы ручных, добрых животных... Все на глазах детей. Пятнадцатилетний мальчик пытался спасти хоть кого-то, но в ответ — недвусмысленная угроза.

Пансионат «Суханово» в последнее время находится в ужасном состоянии. После ремонта, продолжавшегося целый год, впечатление полной разрухи: осыпающиеся стены, полуразрушенный и разворованный дом, в мавзолее Волконских — столовая, а надгробия валяются по территории... Новый директор Исаев взялся за дело решительно и начать наведение порядка решил с расстрела собак.

Жаль животных, с которыми мы все дружили, жаль детей армянских беженцев, живущих в пансионате, для которых собаки были, по сути, родными здесь существами. Как объяснить пятилетнему ребенку, почему убили Рекса, с которым он гулял и играл? Сегодня в мастерской моего мужа живут четыре щенка, чудом спасенных и увезенных с места бойни. Когда мальчик Максим подбежал к директору и умолял его остановить стреляющих, тот доверительно сообщил ему, что щенят расстреливать не будут (патроны дорогие), а просто утопят. Исаев, видимо, так уверен в своей безнаказанности, что не удосужился даже распорядиться, чтобы убрали трупы животных!

Мы хотим, чтобы виновники ответили еще и за то, что наши дети видели все это.

О. ГЛАЗКОВА,
художник,
Г. ПЕТРЕНКО,
член Союза архитекторов,
К. ГАЗАРОВА,
архитектор
(всего 40 подписей)

■

Хочу рассказать о награждении боевыми правительственными наградами в Афганистане. Дело в том, что «афганец» «афганцу» рознь, пора

МАРКСИСТЫ ПО РАЗНАРЯДКЕ ●
КОМУ — ВОЙНА, КОМУ — МАТЬ РОДНА ●
ПОЧЕМУ УБИЛИ РЕКСА ●

провести эту черту, потому что, когда я вижу орден Красной Звезды на груди прапорщика, начальника продовольственного склада или медали «За отвагу» у писарей из строевой части, у меня невольно возникает сомнение в честности заработанной награды. А ведь именно сейчас эти люди бьют себя кулаком в грудь, где попало тычут своим льготным удостоверением (которое в нашей доведенной до нищеты стране никаких реальных льгот не дает).

У нас в части прапорщик только за то, что привез папаху командиру полка в день получения им звания «полковник», был представлен к ордену Красной Звезды. И он получил его!

Вообще в Афгане те, кто работал в наградных отделах, «наваривали» на своих должностях как могли, существовал даже определенный «тариф» на каждую из наград в чеках или в афгани. О чем говорить, если люди, ни разу не покидавшие ППД части, уезжали в Союз, как рождественские елки. Встречая в Ташкенте, в аэропорту, своих боевых однополчан, я видел, как они стыдливо прикрывали ладонью орденские планки на кителях.

Стыдно и больно за тех парней, кто в Афганистане показал образцы мужества, а Родина не удостоила их заслуженных наград. Вообще у нас очень странно происходило представление к наградам — куча всяких формальностей: то точка не там, то героический поступок не так описан, то наградной лист нужен стандартный... А сколько «ходили» наши награды, по году-полтора ждали мы их возвращения в полк.

Как и на любой войне: кому — война, а кому — мать родна. Тех, кому война в Афганистане стала «мамой», немало; как правило, это те, кто имел доступ к имуществу, продовольствию. Кто был в Афганистане, видел, как ломятся полки духанов от армейской тушенки, сгущенного молока, жира. Пол-Афганистана, наверно, до сих пор щеголяет в армейских бушлатах, шапках, ботинках. В Кабуле, в районе Спинзара, в одном из духанов висела даже парадная форма прапорщика. Торговля с местным населением не только в Афганистане, но и в Германии, Польше, Венгрии — это бич нашей армии, хоть мы этого не хотим. В ход в Афганистане шли оружие, солярка, и не просто литрами, а целыми наливниками, в тоннах.

Возможно, генералитет опять скажет, что порочат армию, «афганцев» и т.д. Пускай хоть один такой генерал приедет на одну из встреч бывших «афганцев» и посмотрит, какие диалоги происходят между теми, кто выстрадал войну, кто до сих пор просыпается среди ночи от кошмаров, и теми, кто, просидев два года в части, приезжал в наградах, а потом в школах рассказывал «о боях, пожарищах, о друзьях-товарищах». Обидно, что много ребят, действительно заслуживающих наград, не имеет их по сей день.

А. КЛИМНЮК,
Термез

■

Академик В. Л. Гинзбург, народный депутат СССР, выступил в журнале «Огонек» (№ 39, 1990) со статьей «Дайте человеку продохнуть». Он прав, призывая к борьбе с бюрократизмом, но с ним нельзя согласиться, когда он пишет: «регистрация открытий вообще никому не нужна». Открытия — вершины науки, это установление ранее неизвестных явлений, свойств и закономерностей тех или иных объектов природы. Открытия очень редки и всегда вступают в непримиримое противоречие с установившимися представлениями и потому, как правило, долго и упорно не признаются, а их авторы подвергаются жестоким преследованиям. Позднее же, после признания открытий, нередко бывает, что приоритет уходит из страны. Поэтому их авторы очень нуждаются в защите, и это достигается регистрацией после экспертизы крупными специалистами.

Регистрация открытий в науке и их правовая защита были введены в 1947 году президентом АН СССР академиком С. И. Вавиловым. Сам же Государственный комитет по делам изобретений и открытий фактически приступил к работе только в 1957 году, после многолетнего обсуждения вопроса крупнейшими специалистами-учеными, выступавшими в защиту такого рода интеллектуальной собственности. В 1967 году в Стокгольме состоялась международная конференция представителей более 100 стран мира, которая приняла конвенцию по охране интеллектуальной собственности, куда научные открытия включены как объект права. Регистрация открытий очень нужна авторам и государству. Нужно только ликвидировать бюрократизм и волокиту, ныне сопутствующие ей.

Л. ПОЛЕЖАЕВ,
главный научный сотрудник
Института общей генетики
АН СССР, профессор

■

В 43-м номере «Огонька» за прошлый год опубликована статья «Контролер на поводке». Я, как кадровый военный, имеющий отношение к производству военной техники, хотел бы добавить следующее.

В первом же абзаце аттестации любого военпреда (офицера) пишется: «Родине и делу коммунистической партии предан». Отсюда следует безусловная партийная нагрузка в виде проведения занятий, кружков, политучебы, лекций по обзору внутреннего и внешнего положения СССР, изучения материалов съездов КПСС, пленумов и так далее.

Каждый военный коллектив ежегодно получает сверху разнарядку часов боевой и политической подготовки, в которой 50 часов из 180 только в рабочее время уделяется марксистско-ленинской подготовке. (В нерабочее время должно уделяться еще 50—100 часов дополнительно.) Каждый офицер обязан вести три тетради по марксистско-ленинской подготовке: для изучения и конспектирования трудов основоположников марксизма, для конспектирования материалов съездов КПСС, для записей лекций.

Спрашивается: может ли даже самый добросовестный офицер заниматься этой массой ненужной работы не в ущерб службе?

Добавьте к этому проведение партийных и комсомольских собраний, организацию соцсоревнования и подведение его итогов, и станет ясно, что не менее четверти рабочего времени в коллективах военных приемок уходит впустую. Как можно выполнять свои обязанности по контролю за качеством военной техники, постоянно отвлекаясь на «идейно-теоретический рост»? (Конспекты, между прочим, проверяет комиссия из Москвы!)

Но есть же еще колоссальный аппарат в самом Министерстве обороны, где планируется эта учеба на год! Практически в каждом заказывающем управлении МО есть политотдел, секретарь парткома, разные «сынки», и все это непосредственно влияет на численность военных представительств — они ужимаются до предела, чтобы покрыть «перебор» штатов в главках.

Многие офицеры выступают за департизацию армии. Ждали с нетерпением соответствующего Указа Президента — и дождались! Ничего, по существу, не меняется, фиговый листок перевернут, и вся армия комиссаров и комсоргов — от роты и выше — остается.

В отличие от А. Кравцова я не заработал еще пенсии и поэтому прошу не указывать ни фамилии, ни города.

Начальник военной приемки
с восемнадцатилетним стажем,
подполковник

■

Кого из миллионов членов КПСС может устроить тот финал, к которому партия подошла? Наивными кажутся те, в чьих голосах слышится обида, что на партию нападают. Хочется сказать: «Бросьте, никто на вас не нападает, настала пора, когда люди получили наконец возможность открыто называть вещи своими именами! И не считайте меня своим врагом или противником. Я лишь против того, чтобы любая партия, как бы она ни называлась, самочинно стояла у власти».

Власть должна принадлежать народу и только народу с правом открытого и свободного формирования всех органов управления государством. М. С. Горбачеву я от души благодарен за то, что он оказался инициатором происшедшего перелома, хотя и с большими издержками, которые готов ему простить, но лишь при одном условии: если он осознает необходимость на время своего президентства приостановить членство в партии. Уверен, что такого мнения придерживается народное большинство. И если на этот шаг у него хватит смелости, то в глазах людей, неспособных трезво мыслить, он проиграет, зато у миллионов народных масс он, безусловно, выиграет.

А. НОВОГРУДСКИЙ,
ветеран Отечественной войны
Ставрополь

■

28 октября нас ограбили среди бела дня на основании документа, о котором мы, жители Узбекистана, не слыхали. И пожаловаться некому, грабеж законный...

Каждую осень мы ездим в с. Ленинское Чимкентской области Казахской ССР за баранами, там они дешевле. И в этот день встали в пять утра, ехать 120 километров, купили двух баранов за 780 рублей. Отъехали километра три — стоит кордон милиции, грузовые машины, отнимают у всех проезжающих баранов, коров и грузят на машины — везут в отделение. Еще и документы на машины поотбирали. Читают указ от 15 октября, что не разрешается вывозить скот за пределы области. Ну откуда мы могли знать, какие указы издаются в соседней республике, сейчас что ни день, то новый указ!

Там было много стариков, женщин с детьми, все просили, умоляли начальника милиции, секретаря райкома, были там заготовители, сержанты — и все смеялись над нами: «Мы вам покажем, вы нам не разрешаете вывозить нисколько ни фруктов, ни конфет...» Зачем людей натравливать друг на друга, нацию на нацию? Ведь еще чуть-чуть, и началась бы резня, спасибо, старики успокаивали молодых да просили начальство отпустить на первый раз и зарекались вообще больше не ездить к ним. А как казахам теперь к нам ездить? Ну, повесили бы объявление на базаре, и никто бы не покупал. Я думаю, это было сделано специально, но при чем здесь простые колхозники?

Уже к вечеру заплатили за живой вес по 3 рубля 50 копеек за килограмм (как закупка от населения).

Нас наказали не знаем за что, неужели кому-то это нужно?

Н. ФАНШИРОВА,
Ташкентская область

■

Недавно из нашего города уезжали поляки, много лет принимавшие участие в строительстве Курской АЭС и соцкультбыта в Курчатове.

Несколько дней у шестнадцатиэтажного польского общежития шла бойкая распродажа старого барахла. Продавали сковороды, кастрюли, холодильники, устаревшие телевизоры, рабочую спецодежду... Ярмарка была многолюдная. А совсем старые вещи, за которые поляки не надеялись уже получить ни рубля, сбрасывали с балконов.

Пожилые женщины, жительницы нашего города и, наверное, близлежащих деревень, подбирали этот утиль, отталкивая друг друга, а стоящие на балконах поляки хохотали.

Не передать словами, как больно было за этих женщин и за сверхдержаву, где народ доведен до последней границы нищеты.

З. ФАСТОВА,
Курчатов

Дачи у них нет. Машины нет. Зато живут в самом центре Москвы. Недалеко от МИДа. Раньше Эдуард Амвросиевич частенько на работу ходил пешком. Дом кирпичный. Солидный, внизу не каждого пускают. Впрочем, и не придираются. И квартира немаленькая. Господи! Что ж нам покоя не дает наше клеточное мышление! Ведь за последний месяц их посещали министры и послы разных стран — Накасонэ, Дюма, Бейкер, Геншер и многие другие... Так что я бы даже пол-этажа им отдала.

Не из-за поста. А потому, что лично я Шеварднадзе уважаю. По-человечески. Не разбираясь в тонкостях. По-женски. А когда уважаешь — не завидуешь. Даже белой завистью. Не жалко, и все тут. И о привилегиях расспрашивать не хочется. Пусть будет еще больше. А уж считать, изымать, лишать и делить — в голову и подавно не приходит.

Уютно. Тепло по-домашнему. Обстановка неофициальная. Нанули Рожденовна — очень милая женщина. Простая и общительная. Гостей встречает с искренним гостеприимством.

Супруги Шеварднадзе с детьми и внуками.

Перед зданием ООН. Н. Шеварднадзе — в центре. Справа и слева — сотрудницы американской службы безопасности.

«Я НИКОГДА НЕ ПЫТАЛАСЬ ДЕЛИТЬ СЛАВУ С МУЖЕМ»

С женой президента Внешнеполитической ассоциации Эдуарда Шеварднадзе Нанули ЦАГАРЕЙШВИЛИ беседует наш корреспондент Анастасия НИТОЧКИНА

— Проходите. Устраивайтесь поудобнее. Я очень рада, что вы пришли. Я сама журналистка. Заслуженная. У нас в Грузии есть такое звание. Проработала 30 лет. А в Москву переехали — пришлось бросить работу. А я ведь привыкла все время на людях быть. Здесь — ни компании, ни общения. Скучно. Вот и рада каждому гостю.

— Вот уж не ожидала, что жена Шеварднадзе пожалуется на недостаток общения...

— Конечно, когда муж занимал высший дипломатический пост, приходилось много путешествовать по миру, присутствовать на протокольных мероприятиях. Недостатка в официальном общении не было. Что правда, то правда. Но я поразилась, что в Москве все живут очень замкнуто. В Тбилиси я всех соседей в доме знала, любила в гости ходить. И у нас всегда дом был полон людей, несмотря на то, что муж высокий пост занимал. Здесь это не принято. Соседей не знаю. Всего два или три раза в лифте кого-то встречала. Родственники и друзья в Грузии остались. В гости мы здесь редко ходим. Так что никак не могу привыкнуть к новой для себя безработной жизни, которая длится вот уже шесть лет.

— Говорят, что вы из старинного грузинского княжеского рода. Так ли это?

— Что вы?! Это очередная легенда. Дедушка у меня был ветеринаром. Другой — купцом (еще до революции). Отец — военачальником. Его арестовали в 1937 году. Мама была очень избалованной женщиной. У нее были слабые легкие, и отец буквально на руках ее носил. Утром встанет — я родилась в Гори, по иронии судьбы, недалеко от дома Сталина,— перед работой дров наколет, воды натаскает, и нам, детям, строго-настрого накажет: «Не сердите маму, чтобы она не волновалась!» У нас в семье был культ мамы. (В моей семье совсем не такие отношения.) И вот эта избалованная женщина осталась одна с тремя детьми на руках. Мир не без добрых людей — один работник органов предупредил, что ее тоже собираются арестовать. И мы уехали. Долго скитались... Знаете, очень тяжело это все вспоминать. Я ведь самая младшая в семье, и мама всегда говорила: «Когда Нанули исполнится восемнадцать лет, я смогу спокойно глаза закрыть». Мама умерла, когда мне стукнуло девятнадцать... Так что и судьба моя вовсе не княжеская... Вообще люди моего поколения много страдали.

— На Кавказе люди сговариваются о свадьбе своих детей задолго до их совершеннолетия. У вас так было?

— Бог с вами! В Грузии никогда не было такого обычая. Под теплым солн-

цем моей Родины только влюбляются, хотя сватовство тоже есть — так же, как и в России. Мы познакомились случайно, потому что, как ни странно, были в молодости очень похожи. Мне было двадцать один, я еще носила траур по маме. Летом работала пионервожатой в лагере, в Боржоми. Отдыхал там и мой будущий муж. Его часто спрашивали: «А Нанули случайно не ваша родственница? Очень похожа». Он был заинтригован. Наконец решил полюбопытствовать: кто же это на него так похож? Вот и познакомились. Он был очень интересным, многие девушки на него заглядывались. Я же поначалу отнеслась к нему совершенно спокойно...

Впрочем, начало наших отношений было очень романтическим. Вокруг Боржоми много курортов. Природа очень красивая. Как-то мы гуляли, и Эдуард взял меня под руку. Я сказала: «Под руку меня возьмет тот, кто будет моим мужем». Я была романтической девушкой, фантазеркой. Играла немножко, наверное. Он спросил: «Что нужно сделать, чтобы заслужить это?» А потом засмеялся: «Не пойти ли мне воевать в Хатаэти?» Видно, вспомнил «Витязя в тигровой шкуре»... Мы развеселились.

На следующий день мы пошли гулять вечером. Он опять спросил: «Так что же нужно сделать, чтобы мы поженились?» Я ответила: «Я пошла с тобой гулять вечером. Разве этого мало?»

— Я слушаю, вы точно сказку рассказываете. Неужели так бывает?

— Знаете, это только на словах все очень просто и красиво. Он ведь тогда учился в высшей партийной школе. До этого работал секретарем горкома комсомола. Я подумала: раз я дочка врага народа, значит, помешаю ему сделать карьеру. В тот день мы катались на маленьком поезде в горах. Этот поезд называют русским словом — «кукушка». Спустились в очень красивое место — Боржоми-парк. И я очень сказала очень серьезно: «Ты ведь и не догадываешься, какая я сирота. У меня отца арестовали как врага народа. Я даже не знаю, жив он или нет. А тебе карьеру делать нужно. Я могу помешать, жизнь испортить. Давай, пока не поздно, расстанемся. Я не обижусь, все пойму, прощу». Настроена я была очень твердо. После моих слов он аж побледнел. Молчал минуту. Может, больше. А потом сказал: «Лучше я потеряю карьеру, чем любовь». Тогда первый раз я была изумлена его поведением. Я ведь готовила себя к тому, что он юлить начнет, выворачиваться... Ведь действительно могла ему помешать...

— Это в каком же году было?

— В 1951-м. Сталин еще был жив.

— Действительно, он сильный человек. Вообще я уверена, что характер мужчины проявляется именно в его отношении к женщине.

— Да. Он повел себя по-мужски. Признался: родители мечтали, что он станет врачом. Даже пошутил: если будут какие-нибудь неприятности, желание родителей сбудется. Но до смерти Сталина оставалось всего два года, и не успели разобраться в прошлом жены. Так что я не помешала. А ведь все могло сложиться иначе...

— Насколько я поняла, вы нетипичная грузинская женщина. Очень самостоятельная. Всю жизнь работали.

— У вас неправильное впечатление о грузинских мужчинах и грузинских женщинах: будто работают мужчины, а женщины к плите прикованы. Наши мужчины действительно стараются вести себя по-мужски, обеспечивать семью. Иногда и домостроевские качества проявляются — могут, например, в командировку не отпустить,— но такое случается редко. А грузинки, как все бедные советские женщины, и по магазинам бегают, и за детьми ухаживают, и убирают, и готовят, и работают. И моя жизнь такой же была. Помню, в шесть утра вставала, чтобы успеть на базар сбегать, завтрак приготовить, обед, детей в школу проводить, мужа на работу. Лишь потом сама в редакцию бежала и почти всегда опаздывала. Я работала в женском журнале. Сколько мы «круглых столов» провели, сколько специалистов приглашали, социологов: пытались придумать, как облегчить жизнь советской женщины,— ничего не получалось. Ничего так и не изобрели...

— Неужели вам муж совсем не помогал?

— Он редко дома бывал. Он одержим работой. Даже в воскресенье всегда работал. И сейчас часами просиживает в кабинете над бумагами. Характер. Ничего не поделаешь. Но когда гости приходят, может и бутылки открыть, вино вынести, шашлык пожарить.

— В Грузии вообще мужчины хорошо готовят?

— Да нет. Все женщины делают. Только на пикниках женщины сидят, разговаривают, а мужчины их обслуживают.

— А ваш муж хоть иногда пол подметает? Пылесосит?

— Никогда этого не делал. Не умеет. А сейчас мне и в голову не приходит его просить.

— Почему?

— Чтобы самолюбие его не задеть. Может, он и с радостью помог бы мне. Но я этого не допускаю.

— А готовит хорошо?

— Если захочет, сможет и приготовить. В Тбилиси очень любил салат делать. Яичницу с помидорами жарил.

— А вообще, какую кухню он предпочитает? Грузинскую?

— Грузинской кухни в чистом виде и в Грузии уже нет. Он борщ любит. Другие супы. Без ложной скромности могу сказать — хорошо готовлю. И дочка моя отменно готовит. Мы любим хозяйством заниматься.

— Вы ведь были первой леди в республике. Не мешала ваша работа выполнять такие функции?

— Скорее наоборот. Функции первой леди мешали моей работе. Я стала меньше писать. Пойдешь в учреждение или организацию, напишешь какой-нибудь очерк о человеке. А человек после этого и Бог, и царь — ведь жена первого секретаря написала! Поэтому и перестала писать. А еще мне муж мешал. У меня несколько раз была возможность продвинуться по службе. Один раз меня хотели сделать ответственным секретарем журнала. Потом заместителем главного редактора. Но муж отсоветовал. Я-то о его карьере всегда думала. А он о моей не очень грустил...

— Чем аргументировал?

— Он говорил: «Это у тебя в редакции знают, что ты хороший работник, а другие будут думать, что первый секретарь свою жену двигает». Может быть, он и прав был... Однажды он в шутку даже сказал: «Давай договоримся! Если хочешь, я уйду с работы, а ты делай свою карьеру. Или ты, или я!» Пришлось сделать выбор в его пользу.

— Две карьеры в одной семье — слишком много?

— Он не хотел давать людям повода судачить... Да и какая разница — какой пост занимать? Писать-то я стала меньше, но выполняла другую работу. Помогала молодым. Иногда приносит человек материал — не ахти какой интересный. Но есть в нем некая изюминка. Так я все заново писала. И это доставляло мне удовольствие. Переводами занималась. Горжусь тем, что перевела на грузинский язык несколько рассказов Бунина, Алексея Толстого. Было бы время, я бы больше переводила.

— А муж не хотел, чтобы вы ушли с работы?

— Нет. До этого не дошло. Он знал, что я тогда умру. А начала я работать, потому что у него был маленький оклад, мы жили довольно бедно.

— Значит, вы работали, воспитывали двоих детей, все делали по дому и еще нужно было принимать участие во всяких протокольных мероприятиях?

— Это тоже не в тягость. Вы не поверите, но в Грузии мы даже больше гостей принимали, чем здесь, в Москве. Мне нравилось. И трудно не было. В Грузии вообще народ гостеприимный, так что я с детства приучена. А потом, я же в редакции работала, все время с людьми общалась, и со знаменитостями, и с простыми читателями. Так что у меня была своеобразная тренировка. Хотя иногда критиковала себя, ругала за что-то. Я вообще-то очень самокритичная...

— Ваш муж производит впечатление очень образованного человека, прекрасно знающего литературу, искусство. Эти качества не часто встречаются у политических деятелей в нашей стране. Не было ли это вашим влиянием как гуманитария?

— Я всегда его ум сравнивала с губкой. Он моментально все впитывает. Он с детства много читал. Когда я выходила замуж, он, может быть, литературу знал лучше меня. Он вообще гуманитарного склада человек. Так что это не моя заслуга, а свойство его характера. Бывало, выходит с приема какой-нибудь директор химического комбината и спрашивает: "Эдуард Амвросиевич случайно не химик?" Он поверхностно ни к чему не относился. Он пытался досконально во всем разобраться. Я всегда поражалась его работоспособности, особенно в командировках. Представляете, ездили мы в Африку. За восемь дней — семь стран. Перелеты не маленькие — по пять-шесть часов. Он только заходит в самолет, сразу бумаги достает, помощников вызывает, начинает работать. Часто мне приходилось сидеть в другом отсеке: у него то референты, то журналисты, то еще кто-то. Вообще, от работоспособности многое зависит. Конечно, человек должен быть одаренным, но без трудолюбия все равно ничего не получится. Он мне однажды сказал: «Знаешь, я и во сне иногда думаю...»

Или, например, сидим, разговариваем... Он на меня не смотрит. Я возмущаюсь: «Ты меня не слушаешь». «Слушаю». «А почему на меня не смотришь?». «Думаю». «Нельзя же два дела одновременно делать». «Можно,— отвечает.— Хочешь скажу, о чем ты только что сказала?» Он каждую секунду в жизни старается использовать.

— Он производит впечатление доброго, обаятельного человека. Какой он дома? Хватает ли у него времени быть добрым отцом, мужем? Или в семье он диктатор?

— Бог с вами! В вопросах быта я глава семьи. Он никогда не бывает дома раздраженным, никогда не срывает усталости на домашних. Ни разу я не слышала, чтобы он голос повысил. Детям замечания никогда не делал. Я даже обижалась иногда: «Ты хочешь быть нежным отцом! Конечно, тебе легко. Есть ведь мать, которая орет, кричит, воспитывает, на части разрывается».

— Вы более эмоциональная?

— Он тоже очень эмоциональный. Может быть даже сентиментальным, но умеет это скрывать. У него все эмоции внутри. А я принадлежу к людям, которых иногда называют: «эти веселые грустняги». Я часто маму вспоминаю, детство тяжелое. Знаете, ведь все страдания бесследно не проходят... Помню, когда папу арестовали, со мной все дети перестали общаться. А я же маленькая была, ничего не понимала. Выбегаю во двор, все разбегаются... А потом мне девочка одна сказала: «Нам сказали, что, если мы будем с тобой играть, наших отцов тоже арестуют».

Или еще случай. В школе отобрали высоких девочек для парада. Директор пришел, вызвал меня из строя и сказал, что я не должна идти на парад. Я весь день ревела. Так что часто, вспоминая все это, грущу.

— Ожесточились?

— Как вам сказать. Меня мама научила прощать. Конечно, я ничего не забыла. Но стараюсь прощать. К сожалению, сейчас люди прощать разучились.

— Когда вы переехали в Москву, отношение к вам в Грузии изменилось? Не считали это предательством?

— Нет. Что вы! Хотя, кто знает, народ пестрый, некоторые, может, и считали так.

— А как вы воспринимали переезд?

— Конечно, я была рада, что мужа назначили министром иностранных дел. Но и переживала очень — как так вдруг без работы останусь?

— Не хотите сейчас вернуться?

— А как? Ведь муж хочет еще многое сделать на дипломатическом поприще. Он считает, что за пять с половиной лет слишком мало успел. Помню, както внучка звонила из Грузии: «Бабушка, приезжайте насовсем. А то теперь все происходящее в Грузии на дедушку сваливают». Раньше его считали национальным героем. С коррупцией боролся. Интеллигенции помогал. Большой вклад внес в создание «Покаяния». В Грузии по телевизору показал, когда в Москве запретили... Сейчас все там изменилось. Пресса пишет про заговор в Кремле. И мой муж якобы ни во что не вмешивается. Как же можно такое говорить про человека, который свою жизнь отдает на благо республики и вообще всей страны? Обидно иногда бывает.

— Трудно быть женой политического лидера? Политики ведь никогда не могут угодить всем.

— Конечно, трудно.

— Какими свойствами должна обладать жена политика?

— Знать во всем меру. Такт. Я, например, никогда не старалась делить славу мужа. Считала, что сама должна завоевать авторитет. Помню пришла в гости к соседу-академику, еще в Тбилиси. Он меня представил: «Знакомьтесь. Жена Шеварднадзе». Я очень обиделась: «Между прочим, у меня есть имя и фамилия». Кстати, большинство грузинок не меняют фамилию, когда замуж выходят,— знак уважения к себе и к предкам...

— Правда ли, что существует клуб жен членов Политбюро?

— К сожалению, нет. Все общение сводится к протокольным мероприятиям. Ни о какой дружбе говорить не приходится. Мне бы хотелось, чтобы было больше свободы в общении у жен. Тогда бы и понимания было больше. Но нас объединяет только тот факт, что мы — жены. Мы же очень разные — и по профессии, и по образованию. По интересам, в конце концов. А потом, в моем возрасте трудно приобретаются новые друзья. Кстати, в дипкорпусе действительно есть клуб. Я его посещала часто...

— Вы заговорили про дружбу. Считается, что члены правительства стараются не выходить в общении за пределы своего круга. Возможно ли в этой ситуации сохранить друзей молодости? Или как только человек поднимается достаточно высоко, все связи тут же обрываются?

— Мне трудно за всех отвечать. Я лично однолюбка. У меня никогда не было много подруг. Две-три. А задушевная одна подружка — институтская. Она мне как сестра сейчас. Есть и школьные подруги. Мы встречаемся иногда. Переписываемся. Вообще найти друга очень сложно — потерять легко. Поэтому я считаю, что друзей надо приобретать в молодости и беречь всю жизнь...

— Чем заполнен ваш день с тех пор, как вы ушли с работы? Есть ли у вас хобби? Жена Мэтлока, например, увлекается фотографией, ковроткачеством...

— Я очень много читаю. На уровне дипломата. Будучи женой дипломата, нужно все знать. Люблю слушать классическую музыку, особенно скрипичные концерты. Я своим детям сказала, что хочу, чтобы после моей смерти играли только скрипки.

— Бог с вами. Нельзя так говорить — грех.

— Я вообще искусство с детства люблю. Помню, как во время войны мы, маленькие девочки во фланелевых платьицах, бегали в театр. Сейчас дети так искусством не увлекаются.

— Изменился ли статус семьи после отставки мужа?

— Да что вы! Наоборот. Я уверена, что сейчас он переживает пик своей славы. Недавно жена Бейкера прислала мне письмо. Пишет: «Поверьте, нам по-человечески больно и жалко, что ваш муж ушел в отставку. Нам будет очень не хватать общения с вами. Но вместе с тем мы салютуем его мужеству». Знаете, как приятно читать такие слова. Подобных писем мы получили множество — от людей, с которыми мы не просто столкнулись по работе, но и очень подружились. Это большая поддержка для нас. А один уважаемый человек как-то сказал: «Ваш муж ушел в отставку, зато стал великим человеком». Насчет величия,— это он, конечно, погорячился, но все равно приятно, что люди так реагируют.

— А как вы вообще чисто по-женски отнеслись к его отставке? Советовался ли он с вами? Или всегда важные решения он принимает в одиночестве?

— К его отставке я была готова еще год назад. Когда работала комиссия по Тбилиси. Ничего не добились. Он ведь обещал народу Грузии, что виновные будут наказаны. А помните, на съезде выступал военный прокурор и делегация Грузии покинула зал? Мой муж вышел из зала вместе с представителями своего народа. Он хотел тоже выступить и подать в отставку. Ему слова не дали. Он мне дома уже рассказал. Он в тот день пришел зеленого цвета. На нем лица не было. Весь словно окаменел. Я второй раз в жизни его таким видела. (Первый раз, когда его брат внезапно умер.)

Тогда мне удалось его уговорить. Я уверяла, что все наладится и виновные будут наказаны. И со всей ответственностью заверяю вас, что они были... Я-то его уговорила, но слишком его угнетала мысль, что он народ свой обманул. Ложь для него страшнее всего в жизни. Целый год он ходил настороженный, словно его мучило что-то. Я понимала: если что-то произойдет, он не сдержится.

Накануне той сессии ему сказали, что против него зреет заговор, что солидные чины из консерваторов собираются против него выступить: обвинить в объединении Германии. Эти люди и известность себе приобрели только потому, что стали бороться против Шеварднадзе, который за эти пять лет и спал-то по три часа в сутки...

— А Горбачев за объединение Германии Нобелевскую премию получил...

— Дело даже не в том, кто именно премию получил. Просто мой муж — дипломат от Бога. Дипломатом ведь, как художником или поэтом, родиться нужно. Сколько академий ни оканчивай, ничего не получится, если в крови этого нет. Первое время ему пришлось только осваивать фактический материал — сколько и каких у нас ракет и так далее... А так он всю жизнь дипломатом был. Вы простите, я так много о нем говорю, потому что он — смысл моей жизни. Все, что он делает, он делает в интересах всего мира.

— А накануне отставки он вам сказал, что собирается уйти?

— Накануне не сказал. Утром уже он ко мне зашел и спросил: «Что ты скажешь, если я уйду в отставку?» Я ответила: «Поступай так, как считаешь нужным!» Стал меня убеждать: «Ты подумай, сколько ты всего потеряешь. Сейчас ты жена министра. А кем станешь? Многого придется лишиться. Зарплата уменьшится». Я стояла на своем: «Делай, как знаешь». Честно говоря, я сама уже поняла, что пора ему в отставку уходить,— ведь началась целенаправленная травля. Я это чувствовала. А тогда он меня даже рассмешил: «Спасибо тебе за поддержку. Ты не волнуйся. Я тебе помогать буду!» А я столько в детстве трудностей и лишений пережила — меня уже ничем не испугаешь. Я ко всему в этой жизни готова. И все смогу перенести... Он в этом смысле более избалованный человек. Из благополучной семьи. Я когда первый раз пришла к нему в дом, увидела, как родители хлеб маслом намазывают и сахаром посыпают... Подумала тогда: «Какие счастливые!»

Позвонила дочке сразу. Она тоже обрадовалась. Знаете, мы в этот день испытали даже какое-то облегчение. Я просто в эйфории была. Даже не понимаю — отчего?

— А впереди была неизвестность. Ведь ни один министр еще не уходил со своего поста по собственному желанию...

— Правда, я немного побаивалась за него. Это ведь как поезд на полной скорости резко затормозить — может и с рельсов сойти. Но в который раз он волю свою проявил... Вообще же, несмотря на железную волю, он очень деликатный человек. Не поверите, иногда сидит дома, работает, захочет воды выпить. Так сам встанет, нальет... Я говорю: «Почему меня не попросил?» А ему неудобно. Может, эта чрезмерная деликатность и мешает ему в жизни. Его некоторые упрекали в том, что он струсил, что на его долю не выпало и миллионной части той критики, которая выпала другим. Но он гордый. Не понимал, не мог смириться: почему его должны критиковать за правое дело? Другое дело, если в чем виноват...

— Как ни странно, многим нашим правителям не хватает именно гордости... А Эдуарду Амвросиевичу не мешала гордость после отставки? Трудно ему было пережить короткий период безработицы?

— Он ни секунды не жалел о своем поступке. Но, конечно, было нелегко. В других странах, если человек с такого высокого поста уходит, то у него есть гарантированное дело. Есть деньги, бизнес свой. А у нас что? Сколько твердят об этих привилегиях! А какие привилегии окупят этот каторжный труд? У нас даже дачи нет — ни здесь, ни в Грузии. Потому что партийным работникам не положено было собственной дачи иметь. А почему? Продавцу в магазине — положено, а нам нет? Если человек честным трудом заработал свои деньги, почему не может дачу купить?

— Рыжкову ведь дачу оставили. А вам нет?

— Рыжков был главой правительства. А мой муж — рядовым...

— А заслуги не в счет?

— Рыжкова с почетом на пенсию отправили, а мой муж сам ушел. В шестьдесят лет, полный энергии, здоровья и желания работать. Ничего нам не оставили... Только пенсия у него — 500 рублей. А от дачи мы отказались еще раньше.

— Почему?

— Когда мы переехали в Москву, еще не было этой квартиры. Мы жили сначала в гостинице. Потом меня повезли дачу смотреть. А я как ее увидела — остолбенела от одних шикарных люстр. Села прямо у входа и говорю: «Нет. Нет. Не могу на такую дачу согласиться. Меня муж ругать будет». А мне отвечают: «Другой у нас нет». Эта дача, как я потом узнала, шесть лет пустой стояла — никто не хотел там жить. Она находится по Дмитровскому шоссе, около кольцевой дороги. Там очень шумно...

— Комнат много было?

— Три спальни. Столовая. Кабинет. Большая дача. Прожили мы там недолго. Мне не нравилось — как во дворце золотом жили. Все казенное. Девочки всюду шмыгают.

— Какие девочки?

— Обслуга. Я там только с ними общалась и дружила. Больше ведь не с кем. Но все равно неуютно было. Я все люблю дома сама делать. А там тоска! Нельзя же все время в санатории жить... А когда этот дом построили, квартиру мы получили, я перевезла свои вещи из Тбилиси. Стала уют создавать... Началась как раз борьба с привилегиями. И мы отказались от дачи. Там должны были сделать реабилитационный центр. Так ничего и не сделали. Теперь там запустение. Скамейки в пруду плавают. Забор разобрали. Дом разграбили — никто ведь теперь за дачу эту не отвечает. Вот вам наша бесхозяйственность и разгильдяйство... Но нам такая дача и не нужна. Хочется маленькой, своей уютной дачки. Но теперь, наверное, и денег столько не соберем. Все же очень подорожало! Нам, правда, разрешили пользоваться другой дачей, но мы отказались.

— За последний год сильно испортились отношения вашего мужа с Горбачевым?

— Они разошлись мирно. Сейчас почти не общаются. Мой муж выбрал свою дорогу — организовал Внешнеполитическую ассоциацию. Не думаю, что Горбачев должен отвечать за действия военных.

— Тогда говорили, что Горбачев еще одного человека из своей команды продал.

— Время рассудит. Может быть, Горбачев должен был заступиться, защитить... Но не очень мне хочется разбираться в политических аспектах. Я знаю одно: мой муж поступил честно.

— Сейчас он работает меньше?

— Да. По крайней мере в час ночи домой не приходит. Еще не успели они развернуться. И я иногда в шутку говорю: «Теперь наконец я заимела мужа...»

— Часто вы с ним спорите?

— Бывает. Но его сложно переубедить. Когда дочка замуж выходила, мы с ним спорили жарко. В Грузии ведь принято пышные свадьбы справлять. А он мне условие поставил — чтобы не больше двадцати человек. Я обиделась: «Почему не хочешь дочку как следует замуж выдать?» Он отвечает: «У нас много родни. У зятя будущего тоже. Нельзя людям такой пример подавать!» Но я тогда переубедила — пригласили шестьдесят человек. Он еще министром внутренних дел был. А когда сын женился — он стал Первым секретарем ЦК республики, так уже только двадцать человек на свадьбу позвали.

— Просто идеальный у вас муж. Неужели вредных привычек у него нет?

— Была. Он был заядлым курильщиком. Даже ночью по два-три раза вставал, курил. Однажды ему врачи сказали: нужно бросать. Что вы думаете?! Как выкурил последнюю сигарету, так больше и не притрагивался никогда. Только три дня в постели пролежал и рычал на всех домашних. Нельзя было даже подступиться к нему. Единственный раз, когда с ним невозможно было разговаривать...

— Всем известно, что существует Девятое управление. И вопрос безопасности действительно очень важен. Мне интересно: как чувствует себя человек, находясь под постоянным контролем посторонних людей?

— Привыкнуть к этому невозможно. Порой нас это очень угнетало. Иногда гуляем, и вдруг... шаги. Муж возмущается: «Что такое! Не могут подальше идти! Поговорить нормально не дают». Но мы относились с сочувствием к этим ребятам — они ведь находились на службе. А часто даже дружеские отношения с ними складывались. Мы прекрасно понимали, что никуда от этого не денешься. Народ же очень пестрый, душевнобольных много. Вон в ФРГ одна молодая медсестра подошла к Лафонтену якобы букет вручить, и нож в спину воткнула. А он ведь даже канцлером не был — баллотировался только.

Правда, мой муж никогда не боялся с народом общаться. Когда он еще был Первым секретарем ЦК Компартии Грузии, инцидент произошел. Во время одного футбольного матча судья что-то не так сделал. И все болельщики на поле выбежали и кинулись к правительственной трибуне. А у мальчиков-охранников приказ: если что — стрелять. Потом они рассказывали, что даже не заметили, когда Эдуард Амвросиевич перемахнул через бортик правительственной ложи и вышел на поле. Стал народ убеждать — и вывел всех со стадиона. Уже на улице он понял, что сейчас может в этой давке задохнуться. Сказал об этом вслух. Молодые ребята — 17—18 лет — сделали кольцо и так и вели его, чтобы не задавили. Когда уже ушли от стадиона далеко, он вернулся... Судью тогда наказали...

И таких случаев много было. Например, когда прежнее руководство Союза решило изменить Грузинскую конституцию, в республике волнения начались. Дело в том, что грузинский язык всегда считался в Грузии государственным. И когда на сессии в Грузии решался этот вопрос, народ собрался около Дома правительства на митинг. Мой муж взял ответственность на себя и объявил, что грузинский язык останется государственным. Мне потом рассказывали, что он вышел на улицу и прошел сквозь толпу, как Христос по воде. Увел всех от Дома правительства. Убедил народ разойтись. А когда возвращался обратно — увидел неподалеку танки. Он ничего про них не знал. Он даже не мог поверить, что собирались применить силу. А вечером мне сказал: «Если бы хоть один человек пострадал, я бы, наверное, покончил жизнь самоубийством». Это было еще в 1978 году. Про это теперь не вспоминают... А сколько он добрых дел в республике сделал! Период его правления называют ренессансом.

Кстати, он собирался ехать в республику во время трагических событий в апреле. Я уверена, что, если бы он поехал тогда, не было бы никакого девятого апреля. Он умеет с людьми разговаривать. И люди знают, что он не умеет лгать... Только один раз получилось, что обманул людей. Он до сих пор не может себе этого простить. Хотя и не виноват в этом. Вообще он считает, что не имеет права человек быть руководителем, если боится выйти и говорить с людьми...

— А вас тоже охраняли?

— Нет. У них был приказ охранять «основного». Так его называли...

— Скажите честно: вы знаете, что в магазинах творится? Иногда ведь говорят, что мы так плохо живем, потому что в правительстве просто не знают, что происходит. Живут себе на Олимпе...

— Не только я знаю, но и муж мой. У него и в Грузии была привычка каждый день в магазины заходить. Не только в Тбилиси, но в районах, деревнях. Здесь он тоже часто пешком гулял. Все знаем, конечно. А что касается продуктов, нам дети из Тбилиси присылают. Там ведь базар гораздо лучше.

— А почему дети к вам не переезжают?

— А зачем? У них там быт устроен. Работа. Родственники. Друзья. Для нас здесь холодно. Я, например, к московскому климату никак не привыкну. Часто болею.

— Насколько ваша жизнь соответствует юношеским мечтам?

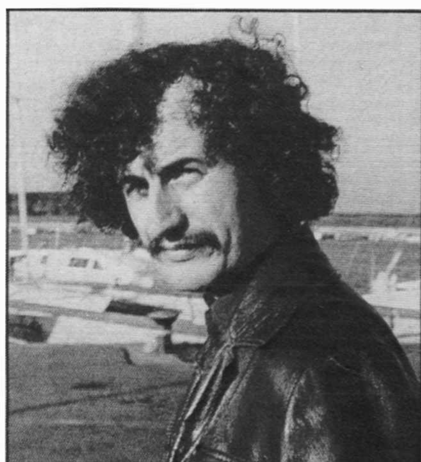
— Вы в десятку попали. Я с детства мечтала быть женой руководителя. Что вы смеетесь? Правда! Предчувствие такое было, даже не мечта. Только я думала, что буду женой офицера. У меня ведь отец военным был. И брат стал военным врачом...

— О чем-нибудь жалеете?

— Только о том, что отдельно от детей живем. Скучаю по внукам — у нас их четверо. Собираемся вместе только на мой день рождения. И на день рождения мужа... А о чем еще могу жалеть? Я счастливая женщина. Люблю мужа. Горжусь им. Он у меня рыцарь — в полном смысле этого слова.

ПРИМЕЧАНИЕ НА ПОЛЯХ

Олег Малеваный — фотохудожник из Харькова. Он инженер, кажется, второй категории, где-то числится на работе в конторе, живет, мечтает, чтобы кто-то

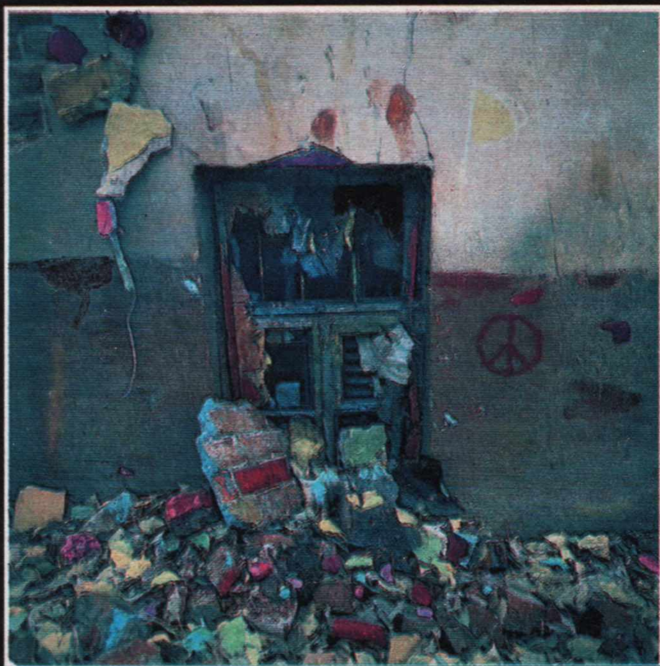

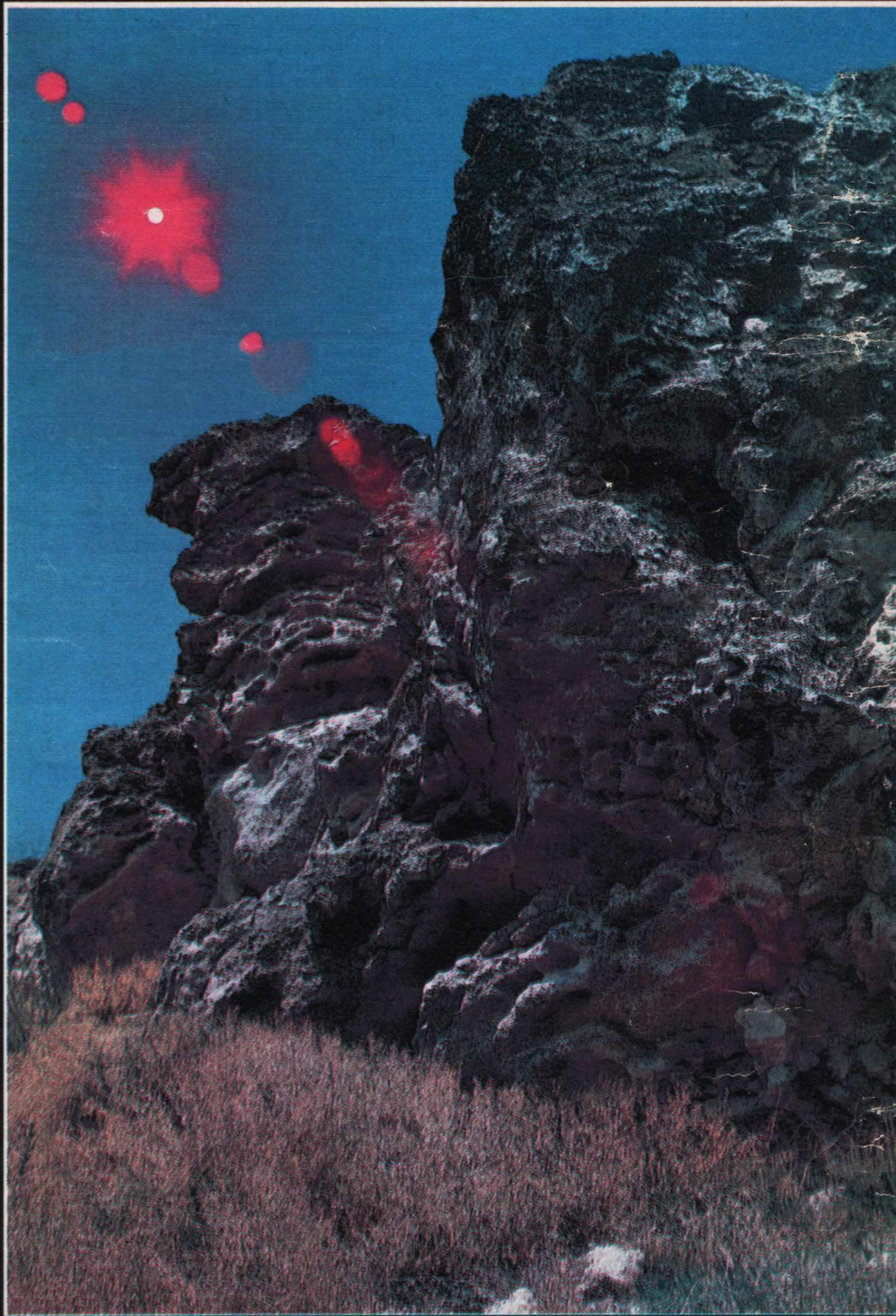
взял и подарил листов сто цветной бумаги, очень был бы благодарен. Пока он снимает то, что в сердце, то, что можно увидеть, а не то, что можно носить, жевать, пить. Жизнь у художника всегда жестокая. Я не знаю, как он видит в ней столько счастливого, даже не знаю. Вот и все примечания. Остальное вы видите.

Екатерина ФИЛАТОВА

Владимир СЕМЕНЮК,
доктор философских наук

ОТКРОВЕНИЯ СТАЛИНИСТА

Журнал ЦК Компартии Белоруссии «Политический собеседник» в консервативных кругах давно пользуется репутацией одного из самых боевитых. И, видимо, вполне заслуженно. На память приходят как отшумевшие на его страницах лихие кампании борьбы с «шагаломанией», «привилегиями» евреев, неформалами, «буржуазным пацифизмом», так и продолжающиеся до сих пор кавалерийские наскоки на В. Быкова, А. Адамовича и прочую писательскую братию, осмелившуюся поставить под сомнение удельные права республиканских «вандейцев».

И все же одной из своих последних публикаций — статьей некоего профессора С. Жданова в № 1 за этот год — «Политический собеседник», пожалуй, переплюнул даже себя. Да что я говорю: превзойденной оказалась сама Н. Андреева с ее небезызвестными принципами. Такого творческого развития идей сталинизма, такого вдохновенно смелого их переложения на практический язык сегодняшнего дня перестроечная партийная пресса еще не знала.

И я не удивлюсь, если Жданов в конце концов получит приз «лучшего внештатного автора года», который регулярно присуждается редколлегией «Политического собеседника». Чем черт не шутит. Отхватил же такой приз, да еще с денежной премией, писатель Э. Скобелев «за цикл публицистических материалов на идейно-политические темы», в котором раскрыл читателям глаза на зловредную «роль интернациональных и большей частью безбожных евреев в создании большевизма и в проведении русской революции», на нависшую над нами опасность совмещения гуманного, демократического социализма с «регулируемым свободным рынком».

Как и подобает однофамильцу знаменитого соратника вождя, наш профессор Жданов нисколько не сомневается, что подсудимые, представшие в марте 1938 года перед Военной коллегией Верховного суда СССР по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока», были виновны. Вынесенный в заголовок вопрос «Так был или не был состав преступления?» решается им однозначно: да, был!

Помилуйте, воскликнет изумленный читатель, как же это возможно? Разве совершенно иной ответ на этот вопрос уже не дала история? Но повремените, уважаемые товарищи. Профессор на то и профессор, чтобы давать неожиданные ответы. Да, уверяет он, преступления были, и не какие-нибудь, а «государственные»: «шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Среднеазиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья на Дальнем Востоке... наконец, свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя и восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии».

А доказательства? Где доказательства? — опять подает голос читатель, замороченный гласностью да плюрализмом — этими «чудовищными порождениями перестройки» (простите, определение не мое, а автора.— **В. С.**). Пожалуйста, их у Жданова хоть отбавляй:

«Меньшевик, затем член ЦК ВКП(б) и нарком земледелия СССР М. А. Чернов... выполнял задания немецкой разведки, организовывал порчу хлеба в стране... Организовал сплошное заражение хлебных складов амбарными вредителями...

Агент польской разведки, один из руководителей национал-фашистской антисоветской организации в Белоруссии, затем первый секретарь ЦК КП Белоруссии, В. Ф. Шарангович информировал польскую разведку... о содержании решений ЦК ВКП(б) по Белоруссии, о состоянии шоссейных дорог, о сети партийных ячеек (страшная государственная тайна.— **В. С.**) и по ряду политических вопросов... давал вредительские установки ряду работников: запутывать посевные площади, срывать хлебозаготовки, распространять чуму среди свиней...

Начальник управления Наркомата здравоохранения РСФСР Х. Г. Раковский находился в связи с японской и английской разведками, конкретно был агентом Интеллидженс Сервис...

Кандидат в члены ЦК ВКП(б), действительный член и член Президиума АН СССР, до ареста главный редактор газеты «Известия» Н. И. Бухарин... участвовал в планировании убийства С. М. Кирова, а также Ленина, Сталина и Свердлова». И т. д. и т. п.

Откуда же почерпнуты эти «неопровержимые» улики? Оказывается, из... опубликованного в 1938 году «Судебного отчета по делу антисоветского правотроцкистского блока». Ничего не скажешь — заслуживающий доверия источник! Правда, от него за версту несет нехорошим душком, присущим сталинской школе фальсификаций. Но при отсутствии других данных годятся и такие. Как говорится, на безрыбье и рак рыба. Из этого же источника берутся и другие «доказательства». И прежде всего — самопризнания подсудимых.

Но позвольте, скажет все тот же докучливый читатель, разве профессору не известно, как добивались, а точнее «выбивались» эти признания? Ведь об этом тысячи раз писала наша пресса. И опять опростоволосится. Потому что истинный профессор вовсе не обязан читать то, что пишут какие-то там газеты и журналы. К тому же наш профессор, похоже, привык доверять лишь изданиям, осуществленным под бдительным досмотром его любимого вождя.

«Из «Судебного отчета»,— пишет он,— следует, что подсудимые в ходе заседаний давлению не подвергались. Да это и невозможно, потому что в зале заседаний присутствовали посторонние люди, в том числе иностранные граждане. Кроме того, обвиняемые давали столь подробные однозначные и взаимно согласованные показания, что их инсценировка под давлением следствия представляется маловероятной».

Правда, «посторонние люди» были скорее всего из одного печально знаменитого ведомства, а «иностранные граждане», как правило, не знали русского языка и не могли разобраться во всех тонкостях судебного процесса. Но стоит ли на такие мелочи обращать внимание? Равно как и на то, кем и с какой целью показания обвиняемых были так «согласованы», что создавалось впечатление, будто все они исходят от одного лица.

Но оставим в стороне эти логические неувязки. Обратимся лучше к более существенному моменту. А именно к выводу, которым автор статьи венчает свое расследование. «Не судебные процессы тридцатых — сороковых годов,— заявляет он,— были фальсифицированы, а так называемая «реабилитация». И повинен в этой «грубой работе... «великий реабилитатор А. Н. Яковлев», занятый (ни за что не угадаете, чем)... «легализацией сионофашизма в нашей антифашистской стране». Но это еще не самый страшный из «грехов» председателя комиссии по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30—40-х и начала 50-х годов. «Великий реабилитатор», оказывается, «пригрет» в Президентском совете, и ему сохранена возможность продолжения его отнюдь не безупречной деятельности!» И в самом деле, как же без А. Н. Яковлева перестраивать социализм в капитализм!

Здесь испорченный плюрализмом читатель начинает опять чего-то недопонимать. Какая связь, думает он, существует между сталинскими репрессиями и намерением «нынешних реабилитаторов» возродить «сионофашизм», перестроить «социализм в капитализм»? И, будто услышав этот вопрос, Жданов спешит разрешить и это недоумение. Оказывается, связь существует, и самая что ни на есть прямая. Поскольку в нашей стране реабилитированы, как считает автор, не жертвы сталинского режима, а совершенные ими «государственные преступления», то тем самым открылось широкое поле для «небезупречной деятельности» радикалов и демократов — «прямых потомков троцкистов».

«Впечатление такое, будто члены «правотроцкистского блока» в действительности не были расстреляны и, не поддаваясь влиянию времени, пошли по второму кругу сокрушать социализм и реставрировать капитализм. Только фамилии они себе поменяли и действуют не в глубоком подполье, а вполне легально, сгруппировавшись в Демократический Союз, «Народные» фронты, Межрегионалы, «Мемориал», «Демократическую» Россию и даже Союз Сионистов — «эсэсовцы». Существенно расширен арсенал государственных преступлений, увеличены масштабы противоправных действий, отчего и результативность штурма социализма, КПСС и всех государственных структур возросла до невиданных размеров, о которых «герои» процесса 1938 года не могли и мечтать. Государственный организм сотрясают родовые схватки, вызванные нарождением капитализма с наложением на этот процесс противоестественного процесса рождения социализма обратно! Вот вам и критика теории Сталина об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма! Выходит, что Сталин был прав».

Где же выход? Можно ли еще спасти нашу страну от надвинувшейся на нее «под ширмой перестройки» угрозы? Сталинист Жданов дает на этот счет рецепт вполне в духе тех времен, по которым он так тоскует. Коль тогда сталинская «чистка навела порядок в стране и освободила ее от измены», то почему сейчас не испробовать тот же железный «аргумент», восстановив «истинный смысл гласности, когда «врагов народа» называют врагами народа, а не «радикалами» и «демократами»?

Ну как здесь не воскликнуть «Браво!». Наконец-то в нашей перестроечной прессе сквозь толщу умолчаний и недоговоренностей прорезался голос тех консервативных аппаратчиков, для которых перестройка с ее демократическими новациями — нож у горла. Наконец-то мы получили возможность, пусть и через подставного профессора, увидеть не маски, а истинное обличье озверевших от неудач противников демократизации нашего общества, которые ради восстановления своего прежнего монопольного положения готовы на все, вплоть до возврата к сталинским методам наведения «порядка». «Враги народа» уже названы. А с врагами, как известно, надо поступать в соответствии с названной выше «теорией».

Еще в 1988 году Василь Быков, отмечая тревожные симптомы, проявляющиеся в публикациях некоторых белорусских изданий, включая и «Политический собеседник», писал: «И явление совсем уж невероятное для нашего времени — вновь возводятся ежовско-бериевские обвинения против ряда белорусских деятелей культуры и науки, уничтоженных в 30-е годы и полностью реабилитированных после XXII съезда. При этом сам факт их реабилитации до сих пор держится в секрете. На всякий случай? Или на определенный случай, так недвусмысленно подсказанный в статье «Советской России», которая, кстати, не без энтузиазма была встречена бюрократией Минска».

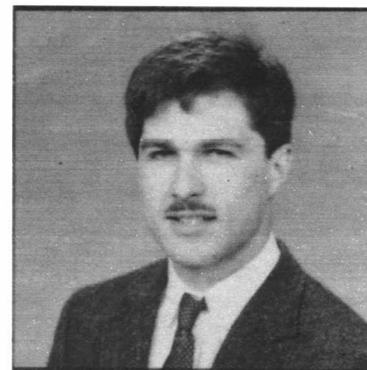
Уж не считает ли кое-кто в редколлегии «Политического собеседника», а возможно, и в ЦК КПБ, курирующем журнал, что такой случай уже представился, что настала пора кончать с либеральничанием и браться за наведение порядка по-сталински? А может, предвкушая наступление диктатуры, этот «кто-то» горит желанием выдвинуться, запечатлеть себя в анналах истории в качестве первопроходца и идеологического провозвестника новой, антиперестроечной эпохи?

Впрочем, возможно, редколлегия журнала не заставит своих читателей вычислять этого таинственного «кого-то». И раскроет нам секрет своей творческой лаборатории, ответив на следующие вопросы. Кто из руководства журнала дал добро на публикацию статьи С. Жданова? Главный редактор Н. Д. Астаневич? Его заместитель Е. И. Семашко? Ответственный секретарь И. Г. Рыжков? Означает ли появление этой статьи без каких-либо комментариев, что ее содержание отвечает идейно-политической направленности журнала?

Не исключено, что руководство журнала не захочет разглашать своей служебной тайны и постарается выдать эту неблаговидную историю за невинный розыгрыш, вроде первоапрельской шутки. Тогда, уважаемые издатели, позвольте дать вам дельный совет: постарайтесь поскорее уведомить об этом своих читателей. А то, не дай бог, они еще подумают, что в вашем партийном журнале произошел переворот и власть захватили сталинисты.

Внимание человечества по-прежнему приковано к Персидскому заливу, но уже не как к театру военных действий. Конфликт там оказал всеобъемлющее влияние на мировую политику и внутриполитическую ситуацию в ряде стран, предопределил принципиально иную расстановку сил. Какой будет постиракская действительность, как скажется конфликт в Персидском заливе на взаимоотношениях СССР и США, на национальных интересах и военных доктринах обеих стран — все это стало темой диалога заведующего отделом Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, доктора экономических наук Сергея БЛАГОВОЛИНА и научного сотрудника корпорации РЭНД, доктора Евгения РУМЕРА.

МИР ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТОЛОГОВ

ФОРМУЛА НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА

С. Б. Мы с вами знакомы не первый год, бывали друг у друга в гостях и в общем представляем себе характер обоюдного политического мышления. Но война в Персидском заливе внесла поправки в ситуацию, и, думается, нам есть о чем поговорить.

Е. Р. Несомненно. Хочу только подчеркнуть, что я высказываю свою личную точку зрения на события. Впрочем, наверное, как и вы.

С. Б. Разумеется. Итак, начнем. Конфликт, который мы обсуждаем, необычен прежде всего тем, что, будучи локальным географически, в геополитическом плане он приобрел глобальный характер. Собственно, и расчеты Саддама Хусейна выходили за рамки чисто региональных. Он претендовал не только на то, чтобы стать лидером в Персидском заливе и, более того,— в арабских странах. Речь шла о том, чтобы, опираясь на нефтяные ресурсы, которые после захвата Кувейта должны были стать гигантскими, влиять на глобальную ситуацию.

Для нас же важно, что в ходе этого конфликта на карту было поставлено то, что мы называем новым политическим мышлением. Наверное, многие полагали, что, говоря о новом политическом мышлении, можно обойтись ликвидацией или на крайний случай хотя бы снижением военного противостояния между нашими странами. После августа впервые возникла необходимость, более того, острая потребность в реальном сотрудничестве.

Е. Р. Пространство для этого сотрудничества было расчищено предшествовавшими событиями — подписанием договора о ракетах средней и ближней дальности (а это ключевой вопрос, на котором прервались и соответственно по логике вещей возобновились более или менее нормальные отношения между Востоком и Западом), подписанием соглашения о сокращении обычных вооружений, переговорами о сокращении стратегических вооружений, распадом противостояния двух военных блоков в Европе...

С. Б. Все это так, но тем не менее на выработку внешнеполитических решений Советского правительства большое влияние оказывала внутриполитическая ситуация. Международная политика Горбачева — Шеварднадзе вызывала постоянную критику консервативных кругов общества. Годами мы слышим упреки в одностороннем разоружении, уступках Западу, потере классовой бдительности. Этой консервативной парадигме соответствует и позиция той части наших политических и военных кругов, которые настаивали на изначальной ошибочности советской поддержки усилий Запада и США разрешить кризис в Персидском заливе. Такая позиция проявилась и в миротворческих усилиях последних дней войны. Ведь что произошло, если бы Ирак ушел из Кувейта после воздушной войны, признав в основном требования Совета безопасности? Это значит, что режим Саддама Хусейна сохранил бы свою военную машину, огромный потенциал, не будучи связан, по сути, никакими реальными обязательствами. В сущности, агрессия осталась бы почти безнаказанной.

Приводился аргумент: продолжая военные действия после заявления Ирака о выходе из Кувейта, страны коалиции тем самым выходят за рамки мандата Совета безопасности. Но уж коль скоро Совет безопасности санкционировал применение силы, разве могла идти речь о строго ограниченной операции, когда шла война с мощной военной машиной? Дело, конечно, не в какой-то особой любви некоторой части нашего истэблишмента к Саддаму Хусейну, заботе о судьбе иракского населения. Объяснение здесь единственное: в такой позиции проявилось стремление противодействовать началу реального сотрудничества с Западом. Но обратимся к послевоенной ситуации.

Е. Р. Думается, что перед Советским Союзом, как и перед Соединенными Штатами, встала сейчас задача формулирования национального интереса. Однако если для Советского Союза этот процесс связан как с внешне-, так и с внутриполитическими проблемами, то для США он носит в большей степени внешнеполитический характер. Мне представляется, что в отношениях с Советским Союзом и странами Восточной Европы у США радикальных изменений произойти не должно, а вот что касается Ближнего Востока, то здесь возможны фундаментальные перемены. Посмотрите, что получается. Благодаря наметившемуся повороту в позиции Саудовской Аравии, ставшей лидером умеренных арабских стран, в одной коалиции оказались как Саудовская Аравия, Египет, так и Израиль. И здесь возникают условия если не для урегулирования ближневосточного вопроса, на что шансов мало и о чем можно только мечтать в долгосрочной перспективе, то по крайней мере для каких-то конструктивных инициатив США при активном участии Советского Союза. Создалась качественно новая ситуация во всем регионе. Нужно ею воспользоваться для выработки новых подходов к разрешению ближневосточного кризиса, пока все не вернулось на круги своя.

С. Б. Я, конечно, не отрицаю, что в результате конфликта в Персидском заливе связи США и Израиля приобрели новое измерение. Впервые Израиль доверил свою безопасность другой стране. Но думаю, что никаких настоящих плодов своей победы на Ближнем Востоке США не получат без решения в какой-то разумной форме палестинской проблемы.

Е. Р. Руководство палестинского движения заняло крайне проиракскую позицию. После этого американской администрации будет нелегко найти людей, с которыми можно вести конструктивный диалог. В то же время Израиль проявил такую приверженность интересам коалиции, которая превзошла все ожидания. И это не может быть не оценено должным образом в Вашингтоне. Перед американской дипломатией сейчас стоит сложная задача как внутри-, так и внешнеполитическая — найти сбалансированный подход к ближневосточной проблеме, сочетающий в себе гарантии особых отношений с Израилем, обновленные связи с другими странами в регионе и привлекательный, но не слишком заигрывающий дебютный шаг в сторону палестинского руководства. Последнее, по-моему, особенно трудно из-за непопулярности в США позиции ООП по иракскому вопросу. Но коль скоро мы заговорили о влиянии внутриполитических факторов на внешнюю политику, то я хотел бы перейти к проблеме, которая представляет сейчас очевидный интерес. Ведь у вас в стране десятки миллионов мусульман. Это одна из наиболее динамичных групп населения, переживающая сейчас культурно-религиозное возрождение. И, естественно, в свете последних событий возникает вопрос: «С кем вы, советские мусульмане, с Саудовской Аравией или с Саддамом Хусейном?»

С. Б. Я убежден, что та напряженность, которая существует сейчас в мусульманских частях нашей страны, связана не с Саддамом Хусейном, не с положением на Ближнем Востоке. Посмотрите хотя бы на Узбекистан. Он пережил в последние десятилетия трагедию, своего рода колониальный период в самом худшем выражении. А давайте вспомним об Арале. Да во всех «мусульманских» республиках много тяжких проблем, угрожающих физической деградацией народа. Наше счастье, что там появились такие лидеры, как президент Казахстана Назарбаев, Киргизии — Акаев... Появление таких людей во главе республик, конечно же, обнадеживает, и тем не менее ситуация внутри страны сейчас драматическая, если не трагическая. Горит дом, вот-вот обвалится крыша, нужно сообща его тушить, а нас продолжают уговаривать, что он построен из негорючих материалов. Не с апреля 1985 года начались наши экономические неурядицы, это очевидно, так же как очевидно, что именно доапрельская внешняя политика привела нас к неслыханной в истории России изоляции. Мы все знаем блестящие примеры многовековой дипломатии царской России, да и после революции достаточно вспомнить хотя

бы Рапалльский договор. А здесь мы оказались в полной изоляции. И вот когда страна начала выходить из нее, когда одновременно предпринимаются попытки взять курс на коренные внутренние реформы, мы встречаем максимальное сопротивление, отпор со стороны тех, кто понимает: будь эта поворотная точка пройдена, возврата к старому уже нет.

Я удивляюсь поразительному упорству многих наших оппонентов внутри страны, которые не хотят признать одной очень важной истины: западным странам война просто не нужна как средство политики, как средство достижения новых рубежей экономического, социального, технического развития. Они добиваются всего этого другими путями. Более того, никто нас не хочет исключать из мирового сообщества хотя бы потому, что это опасно.

Е. Р. Общественное сознание Запада прочно уяснило себе то, какой гибельной была политика исключения Германии из международного сообщества после первой мировой войны, и то, какие блестящие результаты принесло включение Германии в это сообщество после второй мировой войны. Я не хочу проводить параллелей с Советским Союзом, но понимание целесообразности такого антиизоляционистского подхода является одним из руководящих факторов в отношении Запада к вашей стране.

Во время кризиса в Персидском заливе высказывалась точка зрения, которая, признаюсь, и мне временами казалась небезосновательной: «А зачем нам нужен такой тесный режим консультаций и совещаний с Советским Союзом? Мандат ООН мы получили, у Советского Союза своих трудностей хватает, его вмешательство маловероятно». Я пришел к твердому убеждению: это неправильные, неразумные аргументы, и не случайно, что они не были приняты во внимание. Вовлеченность Советского Союза в эти процессы необходима по соображениям принципиальным, так же как необходимо его участие в выработке конструктивных позиций на Ближнем Востоке в нынешний послевоенный период. Это важно с точки зрения новых национальных интересов. И как бы ни поворачивались внутренние дела, будь то Советский Союз, или Россия, или другие республики, у всех у них должно быть ощущение вовлеченности в международное сообщество, чувство заинтересованности в стабильности системы международной безопасности и ее упрочении. Говоря это, я понимаю, что одно и то же событие, такое, как Персидский конфликт, может вызвать разную реакцию у разных кругов общества: у одних — стремление занять свое достойное место в мировом сообществе, теснее сотрудничать с ним, у других — изолироваться и даже противопоставить себя ему.

С. Б. Разумеется, в нашем обществе возникает вопрос: не привело ли все происходившее в Персидском заливе к возникновению угрозы для безопасности страны? Американское оружие показало на Ближнем Востоке блестящие качества, что подтверждают и наши военные. Так не совершаем ли мы преступление, разоружаясь? Не следует ли нам создавать такое же оружие? Но это невозможно без того, чтобы иметь такую же экономику и такой же научно-технический потенциал, как имеют США и союзные государства. Сущий пустяк! Конечно же, то, что произошло в Персидском заливе, является тревожным сигналом для нашей безопасности. Дело, однако, не в количественных показателях. Мы и так вбухиваем в военную сферу огромные средства. По оценкам члена-корреспондента АН СССР Яременко, 60 процентов продукции машиностроения имеет военное назначение, а по моим оценкам, около трети всех занятых в промышленности страны работают на военные нужды. Мы можем вкладывать в оборону еще больше средств, производить больше танков, самолетов,— пути обеспечения военной безопасности, которыми мы шли все эти десятилетия, порочны. Нельзя жить в отсталой стране и иметь современное вооружение и армию.

Е. Р. Связь между экономическим развитием страны и ее военным потенциалом очевидна. Конфликт в Персидском заливе позволил продемонстрировать плоды научно-технической революции в военном деле, боевые качества новейших систем вооружения, не проверенного до сей поры в реальных условиях. В течение десятилетий холодной войны все планы были подчинены требованиям европейского театра военных действий. В районе же Персидского залива армия США оказалась в совершенно иных климатических условиях. Жара, попадание песка в рабочие части техники, создающее абразивный эффект,— тем не менее и в такой обстановке вооружение показало свою жизнеспособность.

С. Б. А люди?

Е. Р. Мне как-то пришлось побывать на авиационной базе, наблюдать работу наземных служб, видеть, как четко, неторопливо, размеренно работали там люди. Такие специалисты и держали в летном состоянии машины, воевавшие над Персидским заливом. И то, что в первые дни войны во время массированной авиационной операции с тысячами вылетов число потерь было ниже, чем могло бы быть в ходе обычных маневров,— их заслуга. Это не наемники, которые сражаются за деньги, это профессиональная армия, состоящая из добровольно пошедших на военную службу людей.

Однако выводы, которые можно сделать из войны в зоне Персидского залива, глубже и обширнее, чем кажется на первый взгляд. Да, современное вооружение и профессиональная армия продемонстрировали свое превосходство. Но это отнюдь не означает, что появилась глобальная сила, стремящаяся проявить себя во всех конфликтах и диктующая свою волю. Никакого расширения американского присутствия в мире, на мой взгляд, не должно произойти. Эта война еще раз показала, что только усилиями целой коалиции союзников можно справиться с проблемами международной безопасности, даже если они возникают и в небольших по численности населения странах.

Нельзя забывать и о дороговизне современного вооружения. Пока точно неизвестно, во сколько обходился день войны. В прессе были сообщения, что чуть ли не в миллиард долларов. Конечно, США могли бы себе позволить нести такое бремя военных расходов. И все же даже для такой богатой страны оно было велико. Финансовое участие союзников в значительной степени уменьшило его.

И еще одно обстоятельство, вытекающее из размышлений о профессионализме армии. Успех ее боевых действий определяется не только военным, экономическим, но и образовательным потенциалом государства. Эта война показала необходимость наличия в стране высокообразованного слоя молодых людей, которые могут и хотят служить в армии. А какие выводы из этой войны, по вашему мнению, должен бы сделать Советский Союз?

С. Б. Осмысление итогов войны в Персидском заливе идет сейчас во всем мире. Миттеран заявил недавно, что французские вооруженные силы нуждаются в глубочайшем реформировании. Призывники — а они составляют значительную часть французской армии — были бы просто не в состоянии действовать в районе Персидского залива.

Для меня несомненно, что наши Вооруженные Силы также должны стать профессиональными. Владение новым оружием — не только самолетами, но и танками, ракетными системами, артиллерией — требует профессионализма.

О необходимости ориентации на современные новейшие виды вооружения я писал три года назад, некоторые мои коллеги обвиняли меня тогда в призывах к гонке вооружений в Советском Союзе. Но, видит Бог, речь идет совсем о другом — не об увеличении мощности оборонных заводов, а о том, чтобы за счет сокращения производства традиционного оружия, выпускаемого у нас в непомерных количествах, осуществить глубокий маневр ресурсами (без чего невозможна никакая экономическая реформа), сохранив одновременно наиболее современные ядра военной промышленности.

Когда мы говорим о конверсии, важно помнить, что ее задача — не только высвобождение ресурсов при сохранении ядер военной промышленности, но и повышение на базе этих передовых военных предприятий уровня гражданской промышленности. Взаимосвязь гражданской и военной экономики, о которой вы говорили, очевидна и для нас.

Конечно же, нам нужна армия, но только эффективная, дееспособная, хорошо оснащенная. Она должна выйти из того унизительного положения, в котором находится сейчас. В России офицеры всегда были элитой. Это традиция. Оберегая ее, нужно понимать, что новые вооруженные силы потребуют нового уровня руководства, нового уровня мышления не только военного, но и политического, экономического, социального мышления.

Очень важно осознавать необходимость переориентации армии, изменения вектора военных приготовлений. Долгие годы этот вектор в Соединенных Штатах был направлен на восток. А у нас — на запад. Соответственно готовились вооруженные силы, определялся их состав, задачи, характер подготовки. Теперь мы можем ожидать угрозы нашей безопасности с любого направления, кроме западного, говорю это как человек, многие годы занимающийся военно-политическими проблемами. Нам нужно готовиться не к конфликту запад — восток, а к угрозе конфликта север — юг и юг — юг. Кстати, и события в Персидском заливе показали, что элементы противостояния юг—юг там были ничуть не меньше, чем север—юг. Ирак противостоял Кувейту. Саудовской Аравии так же, если не в большей степени, чем Соединенным Штатам и Великобритании.

Предвижу возражения: а как все это сделать и превратить армию в профессиональную и оснастить ее новейшим вооружением? Какие ж средства нужны! Но прежде всего в экономическом плане такие изменения, как показывает опыт США, рентабельны. Конечно, процесс это не простой и отнюдь не одномоментный. В США переход от призывников к добровольцам-профессионалам занял пять-шесть лет, а переход на новые виды оружия отнял еще больше времени, да и сейчас этот процесс продолжается. Но главное — не бояться его, смелее вести и конверсию, и переориентацию армии, превращать ее в профессиональную.

Никто не хочет стереть нас с лица земли. Передовые страны заинтересованы в сотрудничестве, и в том числе военном сотрудничестве. Мы должны стать частью нового обширного сообщества наций.

Е. Р. Я, в свою очередь, также полагаю, что традиционная угроза с Востока в эпоху холодной войны для США исчезла. Тем не менее война в Персидском заливе показала важность коалиционного мышления, необходимость коалиции не с целью якобы оправдать существование НАТО, а для обеспечения международной безопасности, предотвращения угроз непредсказуемых конфликтов, которые могут возникнуть в разных районах земли. И я надеюсь, что такой коалиционный подход будет доминировать как во внешней политике наших стран, так и в национальной безопасности.

Записал М. ЗАРАЕВ

Я НАЧИНАЛ РОМАНТИКОМ...

■

Вернулся из отпуска с загнивающего Запада в свой Владивосток, окунулся в работу и чуть не задохнулся — не по шее прежняя удавка. Как-то раньше не замечал выпирающих на каждом шагу лозунгов вроде «Город рыбаков», «Слава рыбакам!», «Труд рыбака почетен»... И подумал: хоть бы маленькую толику от этого «почета» рыбаку. Не всякий выдюжит 10—15 лет. Но в Штатах тех, кто морячит более 10 лет, считают, грубо говоря, чуть ли не свихнувшимися и даже порой не дают разрешения работать в море (при их-то системе безопасности на море и комфорте). За короткий рейс (трудный, правда, не без риска) рыбак «там» обеспечивает семью на 1,5—2 года.

А что с риском у нас? Флот устарел и морально, и технически, аварийность давит, запчастей нет. Сократили экипажи, чтобы оклад у матроса 1-го класса стал 145 рублей вместо 110. Представьте четыре часовые подвахты на промысле плюс восемь часов ежесуточной вахты, всевозможные авралы и швартовки в любую погоду, осенние шторма, когда молят Бога, чтобы главный дизель не встал — тогда всем конец. Письма — единственная радость в море — доходят в конце шестимесячного рейса сразу пачкой, отвратное питание, особенно в каботаже на Севере. Исключение — южные «хитрые» рейсы, куда попасть ох как непросто. И все это считается нормальной работой, которая вдобавок называется на берегу подвигом.

В море хожу более семи лет, потерял половину зубов, полысел, получил хронический гастрит, жена ласковая ушла, угла мало-мальского нет. И таких, как я, три четверти. А начинал романтиком, теперь же — бич.

Так и не смогу, видно, понять, почему мы должны пахать в море как проклятые, а кто-то будет покупать за счет нашей валюты «видики» и машины. Почему я должен мужественно терпеть все «лишения и тяготы» службы, почему за работу в особо тяжелых условиях гарантия получить хоть какой-то угол светит лишь через 12—15 лет, в то время как управленцы сплошь и рядом успевают ухватить хорошие квартиры, мебель и т. д.? Почему львиную долю от нашей прибыли бессовестно хапают министерства и ведомства? Почему, сойдя на берег, мы не можем отдохнуть по-человечески, а путевки опять, как всегда, прихватывают начальники? Ради кого мы жертвуем здоровьем?

Хочется крикнуть во все горло: хватит нас дурачить, всему есть предел, и терпению тоже!

М. И. ЧИСТЯКОВ

Владивосток

НА ПРОСВЕТ

...Однажды, сидя в гостях, американский дизайнер Роберт Нельсон уронил какую-то мелочь и, нагнувшись за ней, увидел вдруг комнату из-под стола, откуда обычно смотрят только дети и домашние животные. Это происшествие позволило ему впоследствии сделать ряд важных открытий в области своей профессии. Сегодня все мы находимся под гипнозом настоящего. Прошлое стало разменной монетой в политических спорах. А мы цепенеем в бесконечной очереди за будущим («что дают?» — на этот вопрос политики отвечают по-разному) и теряем необходимую зоркость, глубину мышления.

В конечном счете это делает нас жертвами собственного легковерия. «Ладен гроб сосновый, ради мене строен, буду там лежати, трубна гласа ждати...» — пели русские люди, устав от «перестройки образца 1653—1656 гг.». Лежали тогда, если верить Мельникову-Печерскому, в крепких домовинах и ждали конца света. Не пахали, не сеяли, скотина бродила по полям и дичала. Года через два, однако, лежание в гробах народу наскучило и жизнь стала понемногу налаживаться. «...Бывали хуже времена, но не было подлей», — писал Н. А. Некрасов. И был по-своему прав. Хотя не только хуже, но и подлей времена, конечно, бывали. Но так уж устроены люди, что занозу в пальце чувствуют острее, чем крестные муки Спасителя. В самом деле, трудно представить, чтобы избиваемый в темном парадном успокоился мыслью о зверствах испанской инквизиции, а современный читатель Светония платил бы пять процентов президентского налога, утешая себя тем, что и не такое случалось. Есть эгоизм времени. Разумный, но все-таки эгоизм.

Выбираясь из-под руин истории, нужно внимательно смотреть себе под ноги: и для того, чтобы не споткнуться, и для того, чтобы не прозевать находку — стекляшку, черепок, обломок. Поднять, повертеть в руках, взглянуть на просвет. Вдруг пригодится? Увидеть привычное в непривычном ракурсе. Рассмотреть то, что лежит под обломками. Вспомнить забытое и забыть очевидное. Это действия одного порядка. А также идея нашей новой рубрики.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

СТАРИННЫЕ ПАСХАЛЬНЫЕ И СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ

...С детства я пронес любовь к классическим пионерским книгам: к «Кондуиту и Швамбрании», «Судьбе барабанщика», к Гайдару и Кассилю. И потом, в зрелых годах, уже серьезно занимаясь детской литературой, я не мог ответить себе: если эти книги плохи, то какие же хороши?

Если Гайдар был милитаристом (а он, собственно, никогда не скрывал и всячески подчеркивал это), то отчего его книги так добры? Если же они добры, то как быть с их революционно-террористическим пафосом и как совместить то и это?

Собственно говоря, тут не один вопрос, а целая цепь, и, цепляясь друг за друга, они уводят далеко от незабвенных чуков и геков, звонких горнов и артековских пейзажей, а приводят к каким-то мучительным и неразрешимым вещам... Ибо если ВСЯ ПРАВДА ВСЕ ЭТИ ГОДЫ была только там, за колючей проволокой ГУЛАГа, там были лучшие люди, там были идеалы, там была подлинная жизнь, то как жил-был, как существовал человек и человеческое вне этих лагерных пространств?

...И вот я столкнулся с литературой, которая совершенно с другой стороны, с другого бока ответила, как мне кажется, на это мучительное чувство неразрешимости.

Принято считать, что никакой детской литературы в России до революции не было или почти не было. На самом же деле детских журналов, альманахов, книжных серий и просто книг выпускалось не меньше, а может, и больше, чем сейчас... Сейчас осколки этого чудесного богатства хранятся только у библиофилов и — благодаря им же — потихоньку выплывают на книжный рынок. Что выплывает?

Наивный, приподнятый (или просто «сюсюкающий») язык, бродячие сюжеты, почти полное отсутствие авторской индивидуальности. Романтика, патетика, экзотика, благостный религиозный экстаз.

Кому все это нужно?

Кому нужны все эти ангелоподобные девочки и мальчики, изображенные на иллюстрациях, напоминающие бабушкины открытки? Сочетание их белоснежных нарядов и пухлых ручек с обязательным для такого рассказа обращением «ПАПЕНЬКА» и «МАМЕНЬКА» способно нагнать зевоту или приступ ярости. Кому нужна вся эта НЕПРАВДА ЖИЗНИ?

...Но чтение захватило. Причем это было не просто разглядывание раритетов — специфическое удовольствие коллекционера. Я никогда не был библиофилом, не собирал старые детские журналы, святочные и пасхальные рассказы читал по ксероксам или просто в перепечатке. Читал не отрываясь.

В тексте этом были посланы мне какие-то иные сигналы — вне привычных литературных средств, вне «мастерства писателя», хотя способом их передачи был все тот же сюжет и язык, только до того странный, смешной и удивительный, что казался языком инопланетян.

...В принципе в повестях и романах «устаревших» писателей тоже порой возникает это чувство как бы УЗНАВАНИЯ другой, предыдущей своей жизни. Но там оно отодвинуто в сторону вниманием к «сужету». А в наивных пасхальных и святочных рассказах никакого такого «сужета» нет, не за чем следить — и вот как будто наползают на экране восприятия, как будто постепенно заполняют мысленное пространство ДЕТАЛИ, удивительные детали быта исчезнувшей русской Атлантиды — с ее «маменьками» и «папеньками», анисовыми яблоками и крашеными яйцами, ангелами и ангелочками, всенощными и заутренями.

Русская Атлантида, увиденная из «детского угла», вдруг оказалась освещена каким-то необыкновенным светом, какого, уверен, нет ни у одного писателя — и свет этот оказывается до того ярок, что ТА реальность оказывается не просто ностальгически-притягивающей, а нестерпимо близкой, родной и знакомой.

Но самое главное то, что многое в этой культуре оказывается не просто увиденным, но и понятым.

Герои советской детской литературы — от Гайдара до Крапивина — это, как правило, дети глубоко страдающие. Переживающие глубокие потрясения. Попадающие в дико сложные ситуации. И если пытаться выразить эту проблему одним словом, то можно сказать так — это литература СИРОТСКАЯ.

И, напротив, литература святочная, пасхальная (так же как и западная традиция детской литературы — от Диккенса до Линдгрен) — это литература, воспитывающая сочувственное, сострадательное отношение у нормального ребенка к сироте. К обиженному.

Любой советский детский писатель (хоть сколько-нибудь мастеровитый) запросто «переплюнет» тогдашнего детского беллетриста по части изображения «души», «человеческой индивидуальности». Но почему?

СЫРАЯ детская душа может представать в этих текстах в том или ином образе милого ребенка, но она не отливается в совсем уж индивидуальную форму «героя». Общество брало на себя — в лице семьи — АБСОЛЮТНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ за ребенка. Он мог быть свободен, капризен, стихиен в своих проявлениях, но его становление происходило по заранее очерченному рисунку, контурами которого были благопристойная порядочность и человеческий долг.

...Вот она, та пустая ниша, которую заполняли своим литературным гением прародители и первоотцы советской детской книги. Это пустое пространство очень просто и очень ясно выражено в таких строчках В. Берестова: «Любили тебя безо всяких причин — за то, что ты внук, за то, что ты — сын... И эта любовь до конца твоих дней останется тайной опорой твоей...».

Да, было так — и литература, книжка (вместе с каким-нибудь Домом пионеров) заменяла детям — пыталась заменить — нормальную семейную нравственность, дом и тепло.

Но ведь не она, литература, создавала эту ситуацию. Она на нее отвечала. И компенсировала. Она лепила образ ОТЦА (помните проводы папы-офицера в «Тимуре»?), который где-то далеко с кем-то сражается...

А он и в самом деле был ДАЛЕКО.

Да, люди в большинстве своем не герои, и если их не засасывало в смерч лагерной пыли, они пытались брать свое, человеческое там, где могли. В том числе в книгах Гайдара.

Но вот теперь, когда мы пытаемся обратиться к норме, когда «нравственность» и «духовность» из общего места превратились в места просто вытоптанные, выжженные, в черную дыру, в которую со свистом улетают последние клочки человеческого самоощущения, пора перечитать святочные и пасхальные рассказы.

Ба! Да вот она — та самая нравственность и духовность, которую мы заклинали к нам вернуться. До чего же просто, банально, даже скучно!

Но начинать-то придется отсюда, из этой точки. С прописей, с детской азбуки, из детской спаленки, из детской молитвы образца 1913 года.

И не засовывать эту тему в «специальные издания», на задворки сознания, а говорить о ней наравне с любой «политэкономией». Иначе никогда не понять, откуда мы родом.

Я благодарю за помощь в составлении этой подборки М. Кучерскую и А. Мороза.

Борис МИНАЕВ

ПОД ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

— Как долго нет мамы,— вздыхал маленький Толя, полулежа в своей кроватке. После сильной болезни он не мог владеть ножками и уже несколько месяцев не расставался со своей кроваткой.

Сегодня Толя был в полном одиночестве; еще бы: завтра Пасха, и, конечно, все были заняты делом. Мама ушла за покупками в город, а старушка Вера Захаровна, у которой мама Толи снимала комнату (папа Толи давно умер), все время убиралась и стряпала.

Чтобы развлечь себя, Толя начинает думать о том, как к нему завтра придут христосоваться товарищи, он приготовил им по яйцу, сам красил пунцовой и лиловой красками, потом мама обещала ему купить книжку с картинками и гиацинты в горшочках. Толя очень любил цветы. Звонок в передней прервал его размышления.

Это мама. Она входит оживленная, радостная, и Толе кажется, что в комнате засияло солнышко. Мама целует его.

— Заждался, деточка, верно, кушать хочешь, сейчас будем обедать. Вот посмотри, что я тебе купила.— И она ставит перед Толей гиацинты, розовые и лиловые, кладет ему на колени красивую книжку с картинками и сверх всякого ожидания Толи подает ему еще небольшой букет душистых ландышей. Толя забывает все свои печали.

После обеда мама сажает Толю в кресло, и они вместе начинают украшать пасхальный стол, советуясь, как лучше расставить цветы. Приведя комнату в праздничный вид, мама стала понемногу собираться к светлой заутрене, поместив Толю снова в кроватке.

Толе грустно, что он не может быть у заутрени. Он следит за сборами мамы, вдыхает запах цветов и любуется ими.

Но вот ему показалось, что гиацинтов как будто стало больше. Гораздо больше. Их целая комната! Да это и не комната, а большой цветущий сад. Кругом душистые розы гордо изгибались на тонких стебельках, тянулись кверху стройные, белые лилии, нарциссы, гиацинты, ландыши, гвоздики — все это ярко пестрело в красивом порядке, а над ними высились широколиственные деревья, похожие на пальмы.

— Как хорошо! — воскликнул Толя и вдруг почувствовал, что ножки его окрепли и он может владеть ими. Вот он встал с кровати и побежал.

Множество бабочек порхали над цветами, а на кустах сидели нарядные, голубые, как бирюза, птички.

Толя задыхался от счастья.

Вдруг набежало блестящее облачко и рассыпалось тысячью блестящих искр. Все кругом засверкало, заискрилось, раздался густой, точно бархатный звон, и нежный голос произнес:

— Христос воскресе!

— Христос воскресе! — запели голубые птички.

— Христос воскресе! — зазвенели, как серебристые колокольчики, цветы.

— Христос воскресе! — услышал Толя возле себя и... открыл глаза.

Над ним склонилась улыбающаяся мама, вернувшаяся от заутрени, и протягивала ему красное яичко...

ДЕРЕВЦЕ

Сидит солнышко на небе, а само смотрит из-за тучки, кого бы порадовать своим светлым лучиком?

Вот воробушек в синей луже плещется. Вот дед Андрей на лавке подремывает. Вот кувшин руки в боки уставил и плечами пожимает — и когда в него нальют молока? Никому солнечный свет не нужен, все своими заботами заняты.

И вдруг смотрит солнышко — тянется к нему навстречу деревце, протягивает вверх тонкие веточки! А к веткам изо всех сил почки прижимаются — набухшие, темные — вот-вот лопнут от напряжения.

Вышло солнышко из-за тучки, улыбнулось деревцу, по каждой ветке провело светлым лучиком. И вылезли из почек наружу клейкие, зеленые листики. Маленькие, смешные, да настоящие. Распустилось деревце, расправилось. Стоит прозрачное, легкое, ветер его колышет, вот-вот унесет в небо.

Выпрыгнул из лужи воробушек, кувшин рот открыл от изумления. Даже дед Андрей проснулся, закряхтел, зашевелил бровями: «Надо же... Расцвело дерево к самой Пасхе».

КУРОЧКА

Под Пасху бабка Тимофеиха отняла у курочки Рябы все яички.

— Куд-куда? Куда мои яички? Мои будущие детки! — замахала курочка крыльями. Но бабка курочку не послушала и все яички унесла. Решила курочка поглядеть, что она с ними сделает. Неужели опять яичницу? Тихо подскочила Ряба к избе, подпрыгнула, зацепилась за карниз и в окошко смотрит. А там чудеса творятся!

Сидят вокруг стола Тимофеихины внуки и простые курочкины яички превращают в волшебные. На каком нарисуют цветочек голубой, на каком — красную церковку, а какое просто разукрасят яркими красками.

Успокоилась Ряба. Слетела с карниза, вперевалочку пошла в свой курятник, по дороге склюнула зернышко, залезла на жердочку и уснула. Снится ей удивительный сон — точно бы вылупляется из волшебных яичек то, что на них нарисовано. То цветочек вылупится, то церковка...

Но что это? Дин-дон! Дон-дон! Проснулась Ряба и чуть на пол не упала от удивления. Дин-дон! Будто звон? Будто пение? Никак ничего не поймет спросонья курочка, крыльями хлопает, кудахчет...

А вы догадались, что произошло?

Михаил ЗАРАЕВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

«НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ...»

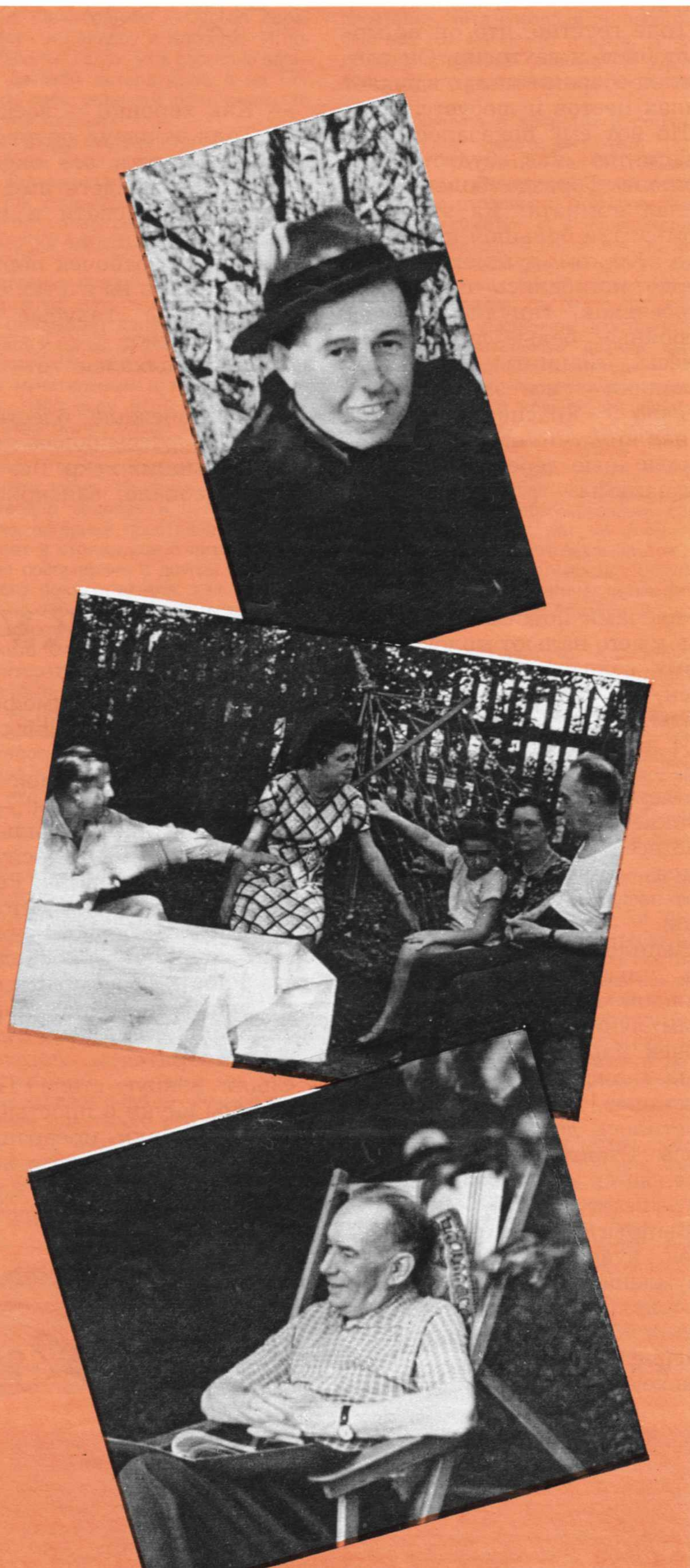
Среди романтических биографий героев нашего времени — людей, в чьей жизни есть непредсказуемый и волнующий воображение поворот,— таких, как Сахаров, Ельцин, Гавел,— Солженицына — одна из самых ярких. Все в ней — на контрасте: боевой офицер и зек, провинциальный учитель и всемирно известный писатель; гонимый диссидент, живущий под колпаком КГБ, и вермонтский отшельник; умирающий онкологический больной и брызжущий энергией мужик, ведущий жизнь, полную страстей и здоровых радостей. Эти трансформации многократно описаны. Есть, однако, в, казалось бы, досконально изученной биографии Александра Исаевича эпизоды малоизвестные и вместе с тем весьма важные для осознания хода событий, формировавших его судьбу, понимания среды и времени, в котором он жил.

ПЕРСТ СУДЬБЫ

Задумаемся над удивительным свойством тоталитарной системы,— создавая себе врагов, превращать их в героев. Когда анализируешь биографию Ельцина, диву даешься, как в самые трудные моменты его политической жизни партийный аппарат спасает своего главного противника от забвения. Осенью 1989 года, казалось бы, все кончено: перед нами оппозиционный депутат, один из лидеров межрегиональной группы. Но разгорается скандал с перепечаткой «Правдой» публикации итальянской «Репубблики», и волна народного обожания вновь вздымает Ельцина на свой гребень. А сколько раз пропагандистские выстрелы аппарата по Сахарову давали обратный результат!

У Солженицына все сложнее. Оценить судьбоносный смысл той или иной атаки на него оказывалось возможным лишь со временем. И тем не менее тенденция та же: происки КГБ освобождали, раскрепощали его, заставляя распрямляться и быстрее идти по предназначенному пути.

В начале шестидесятых, после выхода «Одного дня Ивана Денисовича» под державной и доброжелательной рукой Хрущева, казалось,— жизнь впереди спокойная и сытая. Вступление в Союз писателей, выдвижение на Ленинскую премию. Пусть не дали. Были б поумнее — дали. Чего лучше — приручить, усыновить, успокоить. Трудно обласканному, привыкшему к сытным харчам и начальственному благоволению (чего доброго, и «В круге первом» напечатали, опять же коли поумнее были бы) бунтовать. Да что бунтовать, просто-напросто себя отстаивать.

Как тонко описан Гроссманом в «Жизни и судьбе» компромисс Штрума! Не хочется этому доброму, умному, чистому человеку подписывать подлое письмо. Но за барскую ласку, покой платить надо.

Осенью 1965 года КГБ находит при обыске архив писателя, оставленный им на хранение близкому человеку. В архиве пьеса «Пир победителей» — о СМЕРШЕ, возвращении наших пленных и других «прелестях» войны, о которых тогда глухо молчали. Говорят, ее размножили малым секретным тиражом и раздали членам Политбюро. Поглядите, мол, каков он, Солженицын, вот его истинное лицо. И пошло. Где там преуспевший спокойный писатель, член ССП, кандидат в ленинские лауреаты? Разрыв с системой. Травля. Словно бич судьбы свистит над солженицынской головой, заставляя, однако, не сгибаться, а распрямляться, понимать: нет и не может быть компромисса с этим государством.

И потом еще не раз напоминали о том же гэбистские опекуны. Когда, затравленная, сунула голову в петлю Воронянская, машинистка, печатавшая «Архипелаг ГУЛАГ», и пустил он по свету этот обвинительный приговор системе, заколачивая гвозди в ее гроб,— тоже был судьбоносный момент.

А все же тот обыск и вся история с архивом послужили первым толчком, круто и окончательно изменившим жизнь писателя, как ничто другое способствовавшим тому, что он стал тем, кто есть теперь.

Как же сплелось все тогда, где пересеклись случайность и закономерность, какая среда питала художника? Придется обратиться к судьбе другого человека, близко стоявшего в те времена к Солженицыну, одному из первых читателей и первому почитателю и критику его произведений.

Напомним, что сам Александр Исаевич детство и юность провел в Ростове-на-Дону в тридцатые годы, когда разрыв отечественной культурной традиции казался фактом очевидным. Физическое уничтожение интеллигенции, попытки создать новую культуру на пустом месте, презрение к прошлому, к национальному духовному богатству — все создавало атмосферу, в ко-

торой должна была задохнуться всякая живая мысль.

В хрестоматийной для тех лет повести о стройке первой пятилетки «День второй» Эренбург показывает трагедию последнего молодого российского интеллигента Володи Сафонова. Он кончает жизнь самоубийством, погибает от несовместимости со средой, от бесперспективности существования.

В реальной действительности тех лет молодые русские интеллигенты далеко не всегда уходили из жизни. Ухитрившись уцелеть, они приспосабливались, вели двойную жизнь. Как-то работали на благо своего нового социалистического отечества, отмалчивались на собраниях, голосуя вместе со всеми, а вечерами читали, думали и даже порой писали в стол.

В таком чтении, писании, ограниченном общении с себе подобными и продолжалась культурная традиция, перебрасывались мостки между поколениями.

БИОГРАФИЯ

Герой нашей истории Вениамин Львович Теуш представлял собой типичного советского ученого средней руки. Он родился почти одновременно с веком, в 1898 году, в обеспеченной еврейской семье, естественно, разоренной впоследствии революцией. Гимназия. Университет. Преподавание математики. В период повального увлечения авиацией работает в различных авиационных научно-исследовательских институтах, изобретает самолетные приборы. Во время гонений на евреев он вынужден вернуться к преподаванию математики, на сей раз в сельскохозяйственных вузах, заведует кафедрами, пишет учебники. В начале шестидесятых выходит на пенсию.

Казалось бы, типичная и вполне благополучная биография — законопослушный гражданин, добросовестный работник. Но вот та же жизнь, увиденная под другим углом зрения,— чередование других событий. В юности наш герой исповедует толстовство, потом антропософию — учение о путях раскрепощения заключенных в человеке тайных духовных сил. Оба этих духовных движения находят в начале века многих последователей. О популярности толстовства известно широко. О распространении антропософии сказано меньше. Между тем воздействие идей основателя этого учения Рудольфа Штейнера испытали на себе многие выдающиеся представители художественной интеллигенции начала века, и среди них Белый, Волошин, Кандинский.

В двадцатые — тридцатые годы такого рода интересы, как, впрочем, и всякое углубленное стремление к духовному знанию, отнюдь не афишировались. День проходил в обычных заботах — лекции, бытовые дела. Вечер — в чтении, конспектировании, размышлениях. Шкаф в тесной комнатке, где детская колыбель стояла на письменном столе, был полон сочинениями древних и современных философов.

За стенами этой комнатки бушевали иные страсти. Миллионы людей, освоив грамоту, изучали азбуку марксизма по многочисленным политическим катехизисам тех лет. Формировался тот самый социальный слой, который Солженицын десятилетия спустя назовет «образованщиной».

Отдает дань марксизму и Вениамин Львович. Мы обсуждали с его вдовой, Сусанной Лазаревной, рассказы которой послужили одним из главных документальных источников этого очерка, причины такого, правда, кратковременного увлечения. Мне увиделся здесь обычный духовный конформизм, невозможность противостоять моральной эпидемии.

— Скорее всего тут иное,— сказала Сусанна Лазаревна.— Людям вашего поколения трудно представить себе нравственный соблазн марксизма. Он покорял обещанием устранить всяческую несправедливость. Только потом начинаешь понимать, что любая такого рода попытка построить царство божие на земле оборачивается куда худшей, чем раньше, несправедливостью. Но для этого нужно пройти через горький опыт.

Конец сороковых годов стал самым благополучным временем в жизни семьи Теушей. Оставив душную московскую коммуналку, они переселились в подмосковный поселок Кратово, где расположился летно-исследовательский институт. Жили в сосновом лесу, что оказалось полезно для больных легких сына. Вениамин Львович получил Сталинскую премию, чувствовал себя солидным, преуспевающим ученым, защищенным от всевозможных напастей времени. Но... «покой нам только снится».

РЯЗАНСКИЕ ВЕЧЕРА

Чистка евреев начиналась незаметно. Обыкновенное сокращение штатов: увольнялся истопник, рабочий, а вместе с ними заведующий лабораторией, кандидат или доктор наук. Теуша увольняли среди последних. Пришлось переселяться в Москву, благо, комната оставалась за ними, и пошли долгие месяцы хождений по объявлениям, пересчета скудных одолженных рублей, соболезнующих вздохов друзей.

В Москве работы не находилось. Место сыскалось в Рязани, где тамошний сельхозинститут остро нуждался в квалифицированных преподавателях.

Годы спустя узналось, сколько в те времена оказалось в вузах Пскова, Ярославля, Рязани и других окружающих Москву городов столичных ученых с еврейскими фамилиями. Давняя российская традиция административного укрепления провинциальной культуры, начавшаяся с декабристов — первых сибирских просветителей!

Теушу в Рязани предложили кафедру математики. Конечно, жить приходилось вдали от семьи. Но с другой стороны — не такая уж и даль оказалась. Ночь поездом, а если невмоготу — на такси шестьдесят рублей, что при высоком профессорском жалованье вполне посильная трата.

Комнату дали просторную, в двухэтажном деревянном преподавательском доме. Вечерами под треск топящейся печи за просторным столом работалось превосходно.

Работал же он не только над лекциями, над изданным впоследствии учебником математики. С юных лет образовалась привычка медленного чтения художественной литературы, размышлений над прочитанным, заметок, привычка писать в стол. Кстати, и статья о Солженицыне, о которой пойдет речь ниже, первоначально имела подзаголовок «Опыт медленного чтения».

После его смерти осталось литературное наследство, еще ждущее своего издателя. Заметки о Чехове, частично, правда, опубликованные в чеховских сборниках, история еврейства, написанная с позиций антропософских.

В этом вечернем чтении и тайнописании без всякой надежды на публикацию, в глубоко личном общении с культурой было нечто монастырское, некий труд души, которая желала, не могла не трудиться. В чугунное время разрыва культурных, нравственных связей и традиций человек построил себе духовное убежище и жил в нем.

Глухую зимнюю тишину рязанских вечеров нарушали разве что звуки фортепьяно, но они нисколько не мешали. Теуш был меломаном и даже написал в молодости, в университете, музыковедческую работу.

Играла преподаватель химии Наталья Алексеевна Решетовская, овдовевшая в войну милая молодая женщина. Вместе с матерью и двумя тетушками она жила по соседству. Семья была доброжелательная, интеллигентная (мать Решетовской всю жизнь преподавала литературу), и Вениамин Львович нередко захаживал в гости послушать Бетховена или Моцарта.

Круг его общения несколько расширился, когда в Рязань приехал преподавать еще один изгнанник — Лев Самойлович Каменомостский, доктор технических наук, так же, как Теуш, работавший в авиации и по тем же причинам вынужденный покинуть ее.

Преподавали столичные ученые с большой охотой. Аудитория оказалась благодарнейшая, с тягой к знаниям, к культуре. И когда Вениамин Львович вместе с Решетовской решили организовать музыкальный лекторий, эту идею все восприняли с энтузиазмом.

И вот — до отказа забитый актовый зал. На сцене за роялем молодая строго одетая женщина. Рядом — пожилой человек в черном костюме. Небольшое вступительное слово о Бетховене, его судьбе, творчестве. Затем — начало Лунной сонаты. Лектор рассказывает, что такое тема, как варьируется она в музыкальной ткани сонаты, как рождается мелодия, в чем проявляется «чуть-чуть», отличающее талант от ремесла. Исполнительница тут же иллюстрирует рассказ. А потом, когда соната разобрана — рассказана и показана, когда сопричастность аудитории акту творчества достигла наивысшего градуса,— исполнение всего произведения целиком.

Вообразим себе и другое — полуголодный город за окнами института (возвращаясь из Москвы, Теуш привозил каждый раз пудовые сумки с продуктами — для себя, для друзей). Подступающие к городу заснеженные скудные поля, на которых придется провести всю оставшуюся жизнь молодым людям, так пылко слушающим Бетховена. И дальше, дальше — за рязанскими пределами — огромная разоренная страна, притихшая, распятая под сапогом диктатора, проводящего последние свои ночи в глухих, страшных пирах со сподвижниками. Сумерки режима. Закат империи.

СЕМЕЙНЫЙ РОМАН

Умирает Сталин, и Теуш бросается в Москву, на поиски работы. Нашлась она не сразу, но довольно престижная — в столичном заочном сельхозинституте дали кафедру математики.

Рязанские связи не оборвались. С Каменомостскими (Лев Самойлович также немедленно вернулся домой), с их кругом образовалась теснейшая дружба. Иногда приезжала из Рязани Решетовская.

В один из таких визитов она открыла свою тайну: муж вовсе не погиб на фронте, а сидел, затем оказался в ссылке и вот теперь приехал к ней в Рязань.

Для Теушей такие истории были не внове. На дворе стояла, как тогда говорили, эпоха позднего реабилитанса. Позднего — потому что миллионы не дожили. Те же, кто дожил и вышел на свободу, рассказывали такое, от чего у обыкновенных людей волосы дыбом вставали. Впрочем, опять же: не все и не всё рассказывали. Архипелаг ГУЛАГ приобретал только самые первые смутные очертания в общественном сознании. Его контуры и детали четче и яснее станут обозначаться еще долго, пока этим самым тогда еще никому не известным мужем Натальи Алексеевны не будет сказано все до конца, не воссоздан страшный в своей рельефности образ, запечатленный в памяти человечества.

А в середине пятидесятых в возвращении первых зеков виделось нечто романтическое. Их воспоминания о лагерных странствиях, кончившихся (для них, для них!) хэппи-эндом, казались нам, молодым, удивительной сагой, гранившей человеческие характеры. Слова Варлама Шаламова о том, что лагерный опыт насквозь негативен, что человеку лучше не знать, не видеть и, уж конечно, не переживать его, что он не обогащает душу, были сказаны и осознаны лишь впоследствии.

Тогда же мы видели мужественных, закаленных страданиями людей, одержимых желанием восполнить недоработанное, недолюбленное, несказанное. Большинство из уцелевших, если возраст позволял, окунались в окружавшую их действительность, не чувствуя, во всяком случае внешне, никакого разлада с нею, сливались с политической системой, как будто много лет она их не отторгала.

На первый взгляд такое примирение кажется непонятным. Но ведь альтернативы не имелось. Все формы и проявления жизни, как духовной, так и материальной, тотально узурпировались системой. И казалось, что вне ее никакая деятельность невозможна.

Находились лишь отдельные, наиболее значительные личности, искавшие опору в себе, создававшие свой собственный мир, свое тайное духовное убежище, отделявшее их от чудовищного государства. Одним из таких людей был Солженицын.

Вскоре Решетовская привезла своего вновь обретенного мужа к Теушам. Они жили на даче в Малаховке по Казанской дороге, куда на пропитанные сосновым духом лесные участки выбиралась летом московская интеллигенция. Пришли Солженицыны со станции в грозовой дождь вымокшими до нитки. Разумеется, это бытовое неудобство ни на минуту не могло угасить ощущения радости и полноты бытия, которое исходило от них.

Переодели как смогли, повесили сушить одежду, усадили пить чай. Внешне совершенно неприметный (знаменитой впоследствии бороды тогда еще не было) гость поразил воображение хозяев острыми и яркими суждениями, образной, стремительной, как распрямляющаяся пружина, речью, явно ощутимой внутренней энергией и какими-то очень профессиональными размышлениями о литературе (о чем же еще говорить российским интеллигентам, как не о литературе).

У кого-то из литературоведов, уж не у Шкловского ли, есть любопытное рассуждение об образе Левина в «Анне Карениной». Толстой наделяет его многими своими личными чертами — тонкостью чувствования, живостью воображения, посадив при этом на помещичье хозяйство в деревне. Чего-то не хватает этому человеку для полноты образа. Чего? Занятий литературой.

Та же мысль мелькнула и у Теушей при первом знакомстве с Солженицыным: уж не писательствует ли втайне? Внешняя его биография была им известна от Решетовской — математический факультет в Ростове, офицер на войне, а сейчас — рязанский учитель.

Видеться вчетвером приходилось нечасто. Примерно год спустя Решетовская приехала на дачу к Теушам одна. В руке у нее был маленький студенческий чемоданчик.

— Знаете, муж написал повесть. Хотите посмотреть? Читал его лагерный товарищ критик Копелев. Говорит: «Типичная производственная повесть».

Вениамин Львович немедленно забрал к себе в шезлонг тесно, через один интервал напечатанную рукопись и словно окаменел над ней.

Женщины гуляли, готовили еду, а он все сидел, вернее, полулежал, перелистывая страницы, отказавшись от обеда. К вечеру вошел на террасу, где собралась семья, очень серьезный, значительный, подняв руку, торжественно произнес:

— Ныне отпущаеши раба божьего, ибо видел я сегодня возрождение русской литературы!

— Вы так думаете? — робко спросила Решетовская.

Теперь сближение двух семей пошло стремительно. Писатель обрел читателя, а читатель — писателя. Для Солженицына, выросшего без отца, в духовном одиночестве, этот старый человек воплощал в себе не только культурную традицию начала века, столь дорогую сердцу всякого подлинного русского интеллигента, но и стремление к духовному знанию, к религиозности в широком смысле слова, несомненно, свойственной мировоззрению писателя.

Кто из людей потаенной российской культуры не испытывал этого острого чувства духовной близости, возникающего к внезапно обретенному единомышленнику! Среди окружавших нас страхов и немоты мы сближались осторожно, ощупывая друг друга как слепые, по деталям поведения, отдельным репликам узнавая своего, и как же многогласны и ненасытны были взаимные излияния, когда барьер отчуждения оказывался преодолен. Возможно, люди, выросшие в обществе подлинной свободы, не знают таких вспышек человеческой близости.

Теуши ездили в Рязань читать никому еще не показываемую рукопись «В круге первом». Солженицын согласился прочесть пьесу «Свеча на ветру» в кругу «своих стариков» — на квартире Каменомостских.

В преддверии публикации «Одного дня Ивана Денисовича» поездки в Москву стали частыми. И каждый раз после визита в «Новый мир», встреч с новыми людьми — обязательно вечером к Теушам — полный отчет о событиях, знакомствах, разговорах. Для памяти все увиденное и услышанное заносилось мелким четким почерком на небольшие карточки.

При встрече и прощании целовались. С полученного за «Один день» аванса предлагалась сумма, и немалая по тем временам,— добавка к пенсии. И какого труда стоило отказаться от предложенных денег! После получения всего гонорара — идея построить дом за городом и жить вместе. Это был настоящий роман двух семей. И как жестоко, как страшно разрушила жизнь тот роман!

ДУХОВНАЯ МИССИЯ ПИСАТЕЛЯ

События меж тем шли своим чередом. Отданная Копелевым в «Новый мир» рукопись «Одного дня» попала к редактору отдела прозы Анне Самойловне Берзер. Ей удалось передать повесть непосредственно Твардовскому.

Все это стало апокрифом русской литературы, вошло в ее историю. Как Твардовский начал читать «Один день» вечером, в постели, и как после первых страниц встал, оделся, сел за стол, одержимый, судя по всему, тем же чувством огромного открытия, которое охватило в свое время Теуша.

Пытаюсь восстановить в себе первое, непосредственное ощущение от солженицынской прозы. После размытой, олеографической гладкописи, заполнявшей литературные журналы, после привычных умолчаний и подмалевок действительности сгусток реального бытия, данный во внутренних монологах, в живой пульсирующей народной речи, вызывал эффект громового разряда, мгновенно уводившего читателя из иллюзорного в достоверный, хотя и страшный мир. У этой прозы был какой-то завораживающий ритм, подчиняясь которому ты шел кругами вниз, вниз, к истокам жизни, к главным вечным ее вопросам.

Хвалебные рецензии, появившиеся словно по мановению державной руки, разрешившей публикацию повести, конечно же, не могли выразить всей сложности ассоциаций и чувств, вызываемых ею. Да и не верили многоопытные газетные и журнальные редакторы, что этот саморазоблачительный ренессанс всерьез и надолго. Исключением служила разве что статья Лакшина в том же «Новом мире».

Но и Лакшину невозможно было с полной откровенностью размышлять о Солженицыне. Гильотинный нож партийной цензуры висел над головой редактора каждого издания. С безоглядной свободой обсуждать новое явление русской литературы могла только свободная и, стало быть, непрофессиональная критика. Таким первым свободным критиком «Одного дня» и стал Вениамин Львович Теуш.

В соответствии с исповедуемым им учением он видел повесть не только в контексте литературном, политическом, но и гораздо шире — в плане духовного развития человека на его пути к обретению подлинной свободы.

Истоки этого пути, по антропософским понятиям, в предыстории, когда человек, не обладая ни мышлением, ни способностью познания, ни ощущением собственной личности, в сумеречном ясновидении как бы растворялся в некой духовной субстанции. Библейское грехопадение и изгнание из рая состоит в том, что это существо, подчиняясь внешнему импульсу, покинуло свою духовную родину и начало погружаться в чувственный материальный мир. Способность бессознательного ясновидения стала ослабевать, зато начали появляться логическое мышление, познание окружающего, ощущение личности и, наконец, свобода.

«Этот долгий и тяжелый путь развития человека к свободе,— пишет Теуш,— изобилующий великими достижениями и страшными катастрофами (не только внутри человека и человечества, но и в окружающем физическом мире), должен привести к возвращению человечества в духовный мир собственными силами каждого отдельного человека как свободной личности, обладающей ясным мышлением, развитым «я» и совершенными нравственными и волевыми качествами.

Искусству на этом пути отведена роль ариадниной нити, соединяющей человека с его духовной родиной».

Казалось бы, как можно связать со столь отвлеченными историософскими и духовно-религиозными построениями лагерную повесть с ее стереоскопическим бытовым натурализмом? Но критик видит в сошествии искусства в сталинский концлагерь проявление высшей духовности, вплавляя солженицынские сюжеты в контекст мировой литературы от Данте до Толстого и Достоевского.

Особенно занимает его читательская реакция на «Один день». Повесть, по его мнению, стала лакмусовой бумажкой, выявляющей, жива ли душа человека, открыта ли навстречу будущему.

Вениамин Львович анализирует в статье почту, полученную писателем. Всего пришло семьсот писем. И каких писем — несущих в себе полярные мнения, страстных, предельно искренних, выражающих как светлые, так и темные, низменные проявления человеческой души. Они, как и вся статья, не потеряли своего значения и до сей поры, оставаясь фактом нашей социальной истории.

Чтобы прочесть и проанализировать письма, Теуш отправился к Солженицыну в отрезанную от мира весенним разливом реки глухую рязанскую деревушку, где писатель уединялся для работы. Там они и жили вдвоем — писатель и критик.

В 1964 году статья была закончена и без подписи пошла в самиздат, а в 1967 году под псевдонимом Д. Благов и названием «А. Солженицын и духовная миссия писателя» опубликована в двух номерах издаваемого во Франкфурте эмигрантского русскоязычного журнала «Грани».

ДЕЛО ТЕУША

В середине шестидесятых годов герой нашего повествования живет напряженной творческой жизнью. Старость, как это нередко бывает у людей живой души и интеллектуального труда, не принесла ни одиночества, ни духовной изоляции. К тому же время на дворе стояло особое. С двадцатого съезда, обнажившего природу сталинизма, и до ввода советских войск в Чехословакию, показавшего, что агрессивная империалистическая сущность строя осталась неизменной, длилась политическая весна страны, именуемая шестидесятыми годами.

После десятилетий террора, угасившего, казалось, всякое свободомыслие, выяснилось, что подземные родники не пересохли. В разных городах страны, в ссыльных поселениях, в московских коммуналках находились те, кто читали, думали, писали, теплили свечу духа. Эти уцелевшие интеллигенты вместе с невесть откуда взявшимися и жадно внимавшими им представителями молодого поколения российской культуры и создавали ту среду шестидесятников, которая, в свою очередь, перекинула мосты через брежневские годы в наше смутное и вольное время.

Типичный социальный срез шестидесятничества мы видим в окружении Теушей. В него входили философ и культуролог Григорий Померанц, в чьей судьбе уместились и война, и лагерь, и открытые публикации в эмигрантских журналах. Его жена — религиозная поэтесса Зинаида Миркина. Литературовед Леонид Пинский, один из блистательных профессоров Московского ИФЛИ. Антропософ Мачерет. Молодой последователь учения Штейнера, приобщенный к нему Вениамином Львовичем, инженер Илья Зильберберг. При разности возраста, взглядов, характеров всех их объединяла независимость мышления, способность противостоять тоталитарной идеологии. То была одна из многих московских интеллигентских компаний. А сколько их насчитывалось в Ленинграде, Киеве, других городах!

Впрочем, сколько их насчитывалось, могло сказать некое специальное ведомство. Оно действовало под именем пятого главного управления КГБ, созданного для борьбы с идеологической диверсией. Не костоломы сталинских времен, вполне современные и нередко образованные, окончившие философские и юридические факультеты люди входили в него. Эти ребята не желали даром есть свой хлеб. Накапливались досье, расширялись агентурные сети. В тиши лубянских кабинетов расшифровывалось авторство сочинений Абрама Терца и Николая Аржака, издававшихся за рубежом,— готовился процесс Синявского и Даниэля.

И Теуши вдруг почувствовали на себе чье-то пристальное внимание. То какие-то молодые люди вдруг начинают изо дня в день фланировать под окнами, то некий человек с чемоданчиком упорно пытается присоседиться на скамейку, где Вениамин Львович сидит с Зильбербергом.

Когда настала пора летнего отдыха и понадобилось уезжать на курорт в Друскининкай, решили отдать секретные бумаги на хранение к Зильбербергу. Он тоже собирался отдыхать, но в квартире оставалась тетка, почти не выходящая на улицу. Прятать же было что. Кроме собственного самиздатского сочинения, Теушам доверил свой архив Солженицын.

Вернулись в начале сентября. Неделю спустя в квартире раздался звонок. В дверях стояли двое приветливо улыбающихся молодых людей: «Товарищ Теуш?»

Обыск длился несколько часов. В огромный мешок побросали книги по философии, антропософии, «Доктора Живаго». В последний момент обратили внимание на небольшой чемоданчик, стоявший на шкафу: «А там что?» Там были три экземпляра «В круге первом», возвращенные из «Нового мира». Забрали и это.

В тот же день шел обыск у Зильберберга. Изъятое у него собрание рукописей и книг дает представление о ментальности типичного молодого шестидесятника. Машинописная копия Евангелия (где ж было взять саму книгу?), стенограмма суда над Бродским, «Несвоевременные мысли» Горького. И, наконец, то, что лубянские мальчики искали,— статья Теуша «О художественной миссии А. И. Солженицына», и то, что оказалось для них приятным сюрпризом,— архив писателя.

И завертелось, и пошло... В лубянских кабинетах формировали «Дело об антисоветских рукописях о творчестве Солженицына», в просторечии — дело Теуша. От Вениамина Львовича добивались признания авторства. Разумеется, никаких пыток, избиений и прочих привычных для следователей сталинских времен методов воздействия теперь не применяли. Но настойчиво доводили до сведения, что, если признания не воспоследует, придется предъявлять обвинение в лжесвидетельстве. Грозили ссылкой. Семья уже готовилась к новому существованию, постепенно свыкаясь с обрушившейся на нее бедой.

Солженицына уведомили немедленно. Встретились на квартире общих друзей. Выслушав подробности обыска, он схватился за голову: «Опять тюряга!» Душевная рана его и ужас были так велики (для человека, прошедшего лагеря, перспектива их вдвойне непереносима), что общение с Теушами практически прекратилось. Во всяком случае, в квартире, оскверненной кэгэбэшными руками, он больше не был. Встречи возобновились после переезда семьи годы спустя в другой район Москвы.

Конечно, это было жестоко по отношению к немолодым людям, к тому же оказавшимся в такой трагической ситуации. Они-то не произнесли ни слова осуждения в адрес своего кумира.

Бурная реакция Запада на процесс Синявского и Даниэля показала его организаторам издержки подобных акций. Идея второго такого процесса угасла, и дело Теуша закрыли.

Жизнь потекла своим чередом. Но каждый год приносил факты противостояния власти и общества. 1967-й — открытое письмо Солженицына съезду писателей. 1968-й — выход первого номера Хроники текущих событий, процессы Галанскова — Гинзбурга, участников демонстрации протеста против ввода войск в Чехословакию. В 1969-м появляется работа Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». 1970 год — начало еврейской эмиграции, процесс «самолетчиков», протесты мировой общественности против смертного приговора двум его участникам.

В октябре того же года Солженицыну присуждается Нобелевская премия. А еще четыре года спустя его высылают на Запад.

Вениамин Львович Теуш умер в 1973-м. Александр Исаевич прислал вдове горестное письмо, обещал прийти. Да, видно, не получилось.

Еще несколько лет спустя к Сусанне Лазаревне пришел неизвестный человек. Сказал, что он от Солженицына, что Александр Исаевич просит портрет Вениамина Львовича. Сусанна Лазаревна дала фотографию. Она ушла за кордон. Это и был последний привет.

P. S. Жизнь, а вернее смерть, внесла поправку в это повествование. В конце февраля 1991 года, когда статья была написана, Сусанна Лазаревна Теуш умерла.

Михаил КУДИНОВ

ВЗРЫВ

Он поднялся с места. И слово взял.
Взял его за шиворот, не сказав ни слова,
В воздухе потряс им, швырнул его в зал
И затем на место уселся снова.

Над притихшим залом, повиснув на миг,
Слово вниз обрушилось с трибунного неба;
Но при этом вес его был так невелик,
Что никто тем словом потрясен не был.

И случилось вот что: двери раскрыв,
Зал с пути регламента в рытвину съехал;
Зал был динамитом, и раздался взрыв
Тысячеголосого убийственного смеха.

Человек, взиравший с высоты на зал,
Человек, рассевшийся в кресле, как на троне,
Этим грозным взрывом был убит наповал
И без всяких почестей был похоронен.

Так ли все случилось? Кто это сказал?
Восстановим истину, не будем притворяться:
Да, была трибуна. Был притихший зал.
Взрыва смеха не было. Был взрыв оваций.

ЗАБЫТАЯ ЯРМАРКА

У каждой эпохи свои скоморохи,
Свои зазывалы, свои шарлатаны.
— Привет! Как дела?
— Да, как видишь, не плохи:
Народ валит валом, трещат балаганы.

И ярмарка кружится в яростном вихре,
И ярмарка мечется, мчится, грохочет.
Чтоб крик опьянял, чтобы страсти не стихли,
Должны зазывалы орать что есть мочи,

Должны скоморохи плясать до упаду,
Должны шарлатаны дурачить умело...
— Да что же вам надо?
— Немного нам надо:
Отдай кошелек свой, и душу, и тело.

И ярмарка кружится в яростном вихре,
Но только все тише и тише грохочет,
И день на исходе, и страсти утихли,
И шум надоел, и спокойной вам ночи.

— А завтра придешь?
— Не подумаю даже:
Поблекла и выдохлась ярмарка эта,
Осыпался мел, и размазана сажа,
И трюки известны, и песни запеты.

— Так как же дела?
— Да, как видите, плохи:
Горят барыши, и приходится туго...
Молчат зазывалы, грустят скоморохи,
А шарлатаны дурачат друг друга.

СЕРАЯ КРЫСА

Поселилась в доме
серая крыса.
Где она живет,
никому не известно.
То она в подвале
скребется чуть слышно.
То на чердаке
свои зубы точит.
Но ее никто
никогда не видел,
Эту вездесущую
серую крысу.
Может быть, и нет ее,
серой крысы,
А есть только стены,
серые стены?
Разве не от них
стали серыми лица?
Разве не от них
стали серыми мысли?
Или в самом деле
однажды ночью
Поселилась в доме
серая крыса?

КРЕСЛО

И плоски были мысли,
И низки были страсти,
А вот смотри ж — добрался
До почестей и власти.

Крутых ступенек множество,
И далеко до кресла,
Но лезло вверх ничтожество
И наконец долезло.

Глядели, удивлялись:
Все худшее воскресло!
. . . .
Ничтожества сменялись,
Но сохранялось кресло.

Сергей ТАРАТУТА

Наши дни запыхались от бега,
От несчастий, потерь и забот...
Без шампанского, даже без снега
Довелось нам встречать Новый год!

На дорогу широкую Лошадь
За год вытащить нас не смогла...
Помоги нам нести нашу ношу,
Год Овцы, год Козы, год Козла!!!

* * *

Обгонял, спешил
и вот...
Принимайте, боги...
Не вписался в поворот
Скоростной дороги.

Как тут скажешь: «Поделом,
Нарушать не надо!»?
И стране металлолом
Дарит автострада...

«Поворотный каждый год!»
И страна-калека
Не вписалась в поворот
Нынешнего века.

* * *

Убийца терпелив и меток,
Он целит в жертву не дыша.
И шепчет жертва напоследок:
«Катапультируйся, душа...»

Последний лист слетает с веток,
Он их касается, шурша,
Шуршат два слова напоследок:
«Катапультируйся, душа...»

И я уйду туда, где предок,
Как жизнь была б ни хороша,
И тоже крикну напоследок:
«Катапультируйся, душа!..»

И сразу станет легче тело,
Оно на землю упадет,
Как поврежденный самолет,
Пилотом брошенный умело!

* * *

Привыкают к миру
и к войне.
Привыкают к шепоту
и крику.
Привыкают к шуму,
к тишине.
Привыкают к бедности
и шику.
Привыкают к холоду, к жаре.
И к тому, что птицы улетели...
Привыкают к снегу в январе.
Ну а в марте — к тиканью капели.
Привыкают к дыму анаши.
Привыкают даже к непогоде.
Но нельзя привыкнуть к вечной лжи
И, конечно, к вечной несвободе.

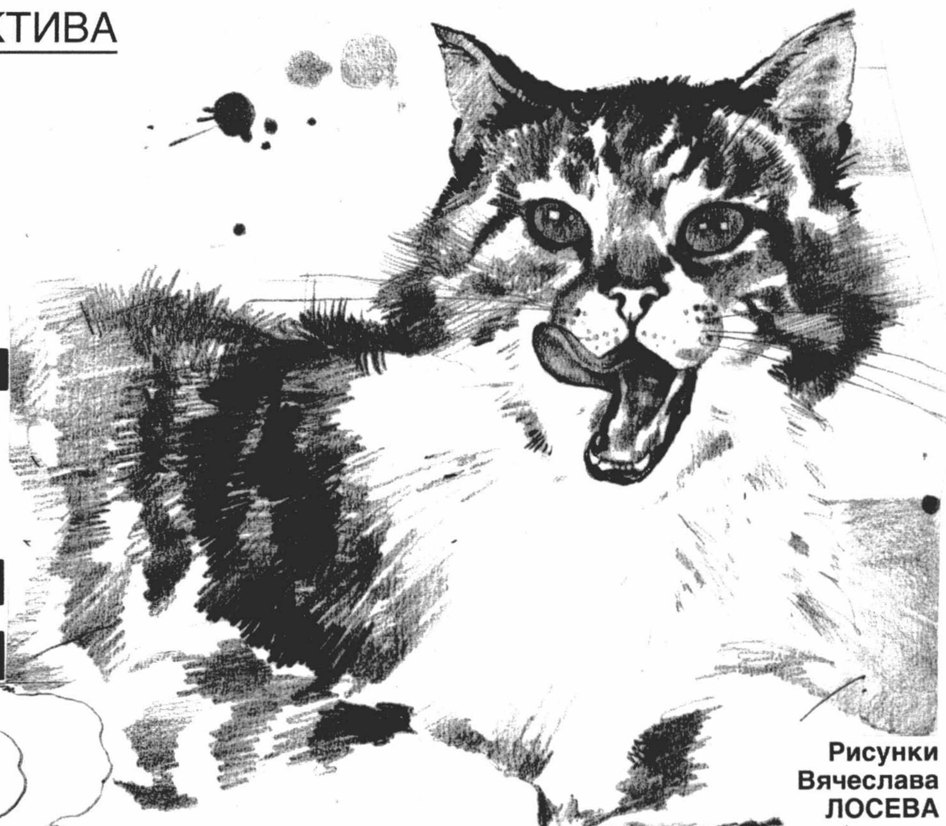
«ТИТАНИК»...

Не сбавил скорость ни на узел,
Не свел тогда ее к нулю...
А океан фарватер сузил,
Подбросив айсберг кораблю...
Уже в ногах была вода,
И в небе Петр гремел ключами,
Встал дирижер: «Мы — англичане,
Мы — англичане, господа!»
Тонул под музыку «Титаник»,
Глотал Атлантику разрыв.
Навечно он ко дну пристанет,
До цели так и не доплыв.
А звезды, говорят, сияли
Над ним в ту ночь, как никогда...
И мы плывем, мы, россияне,
Мы — россияне, господа!

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

ГЛАВА VII

Порт Жавель, что на левом берегу Сены, в западной части Парижа, связывает между собой мосты Гариньяно, Мирабо и Гренель. В свое время здесь останавливались большие баржи, перевозившие грузы с океанских судов из Руана вверх по Сене до самой столицы. Но в наши дни он утратил свое значение: вдоль берега располагаются только какие-то конторы, имеющие отношение главным образом к перевозке стройматериалов — песка, гранита и проч., а также несколько небольших складов, маломощные краны и гаражи. Баржи заходят в Порт Жавель редко, зато почти по всему берегу тянутся причалы — к примеру, для плавучей прачечной, где все еще стирают белье (вряд ли она сможет просуществовать долго), для случайных судов, забредающих в эту часть Сены. А еще здесь нашли постоянную стоянку десятка два плавучих домов — крытые баржи, в которых то ли из романтических побуждений, то ли по бедности обитают какие-то люди. В будни, если разгружают баржу, здесь кипит жизнь, вдоль берега снуют грузовики. По выходным и по вечерам пусто, разве что какое-нибудь судно заплывет.

Знакомая нам блондинка — она, правда, снова превратилась в смазливую брюнетку и теперь вполне могла бы сойти за любимую секретаршу какого-нибудь босса — села в метро на станции Страсбур Сен-Дени и с двумя пересадками доехала до станции Жавель. Было уже около шести — час пик. Служивый народ спешил к метро, и ей пришлось протискиваться сквозь толпу. По боковой лестнице моста Мирабо она медленно, то и дело озираясь, спустилась на набережную. Навстречу попались рабочие из порта, некоторые пытались с ней заигрывать, но она и внимания не обратила. Спустившись, Ингрид прошла было налево по берегу метров пятьдесят, но резко повернулась и зашагала в обратную сторону. Хвоста нет, убедилась она, никто не следит. Так она шла вдоль реки еще несколько минут и приблизилась к одной из крытых барж, причаленной поодаль от остальных. Баржа казалась довольно ветхой, не мешало бы ее покрасить, починить сходни. Едва различимыми готическими буквами на борту было написано: «Мария-Луиза».

Девушка оглянулась последний раз и быстро поднялась на борт. Потом спустилась по ступенькам в открытый люк и дважды стукнула в дверь, ведущую во внутренние помещения. Подождала, постучала снова.

Дверь отворилась, пропустила ее и закрылась. Внутри все выглядело совсем по-другому. Уютный, аккуратно прибранный салон, на диванах вдоль стен множество подушек, книжные полки украшены какими-то керамическими вещицами. Середину узкого помещения занимал длинный стол. Вокруг него сидело четверо; перед ними несколько банок с кока-колой, переполненные пепельницы и две карты парижских улиц. Иллюминаторы, выходящие в сторону набережной, были открыты, но воздуха пропускали мало, да и тот горячий, пыльный, сухой. Из-за табачного дыма нечем было дышать. Негромко звучало радио, передавали городские новости.

— А, вот и товарищ Ингрид! — приветствовал ее человек, сидевший во главе стола.— Достала?

— Разумеется! — Пришедшая вынула из сумки конверт и положила на стол. Потом села на свободный стул, открыла банку кока-колы и выпила залпом.

— А как парень?

— Порядок. Допрашивать уже некого.

— План задуман слишком сложно, риску много,— произнес кто-то.— Например, если дело до конца не довели бы, то парень на допросе мог расколоться. Чересчур замысловато, если всего-навсего требуется доставить конверт.

— Так распорядился Феликс,— резко возразил тот, что сидел во главе стола.— Обсуждению не подлежит. Ингрид эту проблему решила. Сработано блестяще.

Он взял конверт и осмотрел его.

— Чего ж они его не вскрыли, подонки? — Он внимательно разглядывал то место, где конверт заклеен, и надпись, тщательно скопированную специалистом из ОТО.— Любой идиот бы увидел, что оно адресовано Сейнаку, даже кретины-полицейские знают: он в «Юманите» самый главный. И это после всех наших трудов! — Он помолчал, оглядел собравшихся: — Что теперь делать будем?

— Надо посоветоваться с Феликсом,— сказал один из присутствовавших.— Эта проделка с протоколом Комитета обороны задумана здорово. Ее политический заряд побольше, чем у десятка бомб. Одно дело — услышать, что где-то далеко от тебя взорвалась бомба, и совсем другое — если знаешь, что мы проникли в самое сердце государственной машины.

Ингрид вмешалась:

— После всего, что мне пришлось сделать, мне бы не хотелось отказываться от этой игры. Еще ведь я и шпика пристрелила. Пару часов назад на Восточном вокзале...

— Мы слышали. Он умер.

— Очень бы я удивилась, если бы он жив остался.— Это было сказано равнодушно, между двумя глотками кока-колы.

— Товарищ Ингрид слишком много на себя взяла,— отозвался тот, что предложил посоветоваться с Феликсом.— Стрелять в полицейских в метро в час пик, днем — работа для крепких парней, а не для лидеров.

— Лидер должен вести за собой,— вскинулась та.— Руководить на передовой. А не из уютной комнаты в штабе.— Ее голос прозвучал так, будто она с трудом подавила истерику.

— Но я же не осуждаю.— Говоривший как бы отступил.

— Еще бы! — Голос Ингрид окреп.— Не то у тебя положение, Бруно, чтобы меня судить. По части теории ты силен, но уж насчет того, чтобы действовать... Лучше бы тебе ограничиться дискуссиями по вопросам стратегии, а тактику предоставь другим.

— Хватит,— вмешался главный.— Спором делу не поможешь. Нам бы следовало начать с того, что поздравить товарища Ингрид с успехом ее миссии. Она всем нам показала пример. Теперь, когда документ снова у нас, следует пересмотреть и теорию, и практику задуманной операции, чтобы, согласно предложению Рене, передать Феликсу нечто конкретное. Слово имеет товарищ Бруно.

Тот, что препирался с Ингрид, откашлялся и, наклонившись, оперся о стол локтями. Его внешность соответствовала его занятиям — он преподавал общественные дисциплины в Сорбонне, только звали его там вовсе не Бруно. Лет тридцати двух, бледный, с гладким, хорошо ухоженным лицом, типичный представитель среднего класса. Этому впечатлению несколько противоречили длинные густые усы, свисающие на мексиканский манер,— они смотрелись как некий вызов, признак несогласия с общепринятым. Голос звучал интеллигентно и на удивление мягко.

— Давайте смотреть шире,— начал он.— Наша цель — дестабилизация. Феликс рассудил, что утечка информации из Комитета обороны вызовет тревогу в обществе и спровоцирует панику в прессе, поскольку Комитет обороны считается самой засекреченной организацией в стране. Больше даже, чем само правительство.— Он закурил и выдохнул целое облако дыма в воздух и без того насквозь прокуренного помещения.— Задача была такая: раздобыть сугубо секретные документы и устроить так, чтобы их обнаружили при подозрительных обстоятельствах. Имя Сейнака на конверте — дополнительный маневр, чтобы дать толчок охоте за ведьмами и приблизить нас к главной цели: показать нации, что левые — предатели. Способные, умные, но предатели. В то время как мы, правые,— это и есть сама нация.— Он снова затянулся сигаретой.— Наша позиция неизменна: мы отлично усвоили урок, данный нам горсточкой террористов — тех, кому удалось в конце прошлого века терроризировать Париж. Они взрывали свои жалкие самодельные бомбы там и сям: то в здании парламента, то в кафе у вокзала Сен-Лазар. «Как могут эти безумцы рассчитывать, что им удастся повлиять на судьбу нации? — говорили люди.— Да это просто сумасшедшие!» Но они не были сумасшедшими. В этом может убедиться каждый, кто не поленится почитать материалы суда над

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—14.

Вейлантом и Эмилем Анри. Они утверждали: бомба может изменить климат в обществе. Она способна достичь того, что не под силу никакой политической кампании. И, конечно же, они были правы. В наших сегодняшних условиях одна бомба стоит миллиона избирательских голосов. Нет более эффективного средства, чтобы вымести всю эту демократическую чепуху из мозгов обывателей и убедить их в том, что нации необходимы жесткое правительство и сильный человек у руля. Эта диалектика неопровержима...

Казалось, собственная речь действовала на него, как дурман, он слушал себя, забыв о присутствующих, и собственная логика, не встречая возражений, разила его наповал. Теория обретала плоть. Пьянящий, всепоглощающий момент творения истории!

Он притушил недокуренную сигарету, зажег новую и продолжал:

— Я думаю, Феликс согласится, что следует еще раз попытаться выполнить наш план. Под самым носом у полиции. Говорю это как человек, разработавший всю операцию от начала до конца, но, надеюсь, вы не предполагаете, что тут у меня чисто личный интерес.— Его манеры и речь оставались точными и педантичными.

— А почему бы не подкупить какого-нибудь журналиста? — Вопрос задала девушка.

— Боюсь, это бесполезно. Полиция поверит только в то, до чего она сама докопается. А нам необходимо, чтобы в это поверили. В конце концов утечка информации из Комитета обороны и вправду существует. Мы должны быть уверены, что никакая полицейская ищейка не заподозрит подлога. Пусть считают, что за этим кроются Советы. А для нас главное, чтобы так называемые государственные мужи почувствовали свое бессилие. Чтобы поняли: хозяева тут мы, а не они. Некоторые животные гипнотизируют намеченную жертву — вот образ, который я вижу перед собой...

Наступило короткое молчание, слышно было только пыхтение проходящей мимо баржи.

— А на мой взгляд, вся эта затея с мотоциклистом и несчастным случаем чересчур сложна,— заявила Ингрид, которую явно раздражали слова и манеры Бруно.— Ну ладно, пришлось ликвидировать этого малого, он для того и был предназначен. Но уж больно все хитроумно. Мы прямо как кучка интеллигентских ханжей — все норовим показать, какие мы умные. А нужно нечто простое, практичное, тесно связанное с политической ситуацией. Поменьше философии, побольше дела.

— Никому не запрещено вносить свои предложения,— сухо ответил Бруно, выдыхая сигаретный дым.— Я на монополию идей не претендую.

— Надо передать Сейнаку конверт в редакции «Юманите» или еще где-то и устроить так, чтобы полиция это дело сразу засекла.

— А как это устроить? Полицейским, чтобы провести специальный рейд, нужны основания, а чтобы эти основания появились, надо что-то придумать.

— А если его просто переслать почтой в «Фигаро» или на телевидение?

— Не годится. Оно попадет в Министерство внутренних дел, там все постараются замять, газеты напишут только то, что им позволят. А если отправить в более независимое издание, то вся пресса завопит, что это подлог, и полиция с великой радостью это подтвердит. Уж если чему-то учиться у истории, то это тому, что с помощью насилия легче чего-нибудь добиться, чем законным путем. Вот хоть дело Дрейфуса — они же знали, что он ни в чем не виноват, и все же, совершенно правильно, с моей точки зрения...

— Знаем, слыхали,— перебил его главный.— Но сейчас-то что предпринять? — Он повернулся к самому молодому из всех, тому, что сидел от него слева,— бледному худому юнцу, который пока не произнес ни единого слова. Сняв с левой руки кольцо с печаткой, он вертел его в тонких пальцах. Наголо выбритая голова придавала ему вид ревностного семинариста, который все свое время проводит за чтением благочестивых текстов.

— Рене, когда ты увидишь Феликса?

Не отрывая взгляда от кольца, тот ответил кратко:

— В воскресенье, как обычно.

Казалось, происходящее его не занимает.

— А до тех пор мы должны выработать свои предложения. Если у вас появятся какие-то идеи, вы все знаете, как меня найти. Теперь пошли дальше. Обсудим ликвидацию Лаборда прошлой ночью.

— Чистая работа,— сказал кто-то.— Слишком даже чистая для этого вонючего подонка. Такие легкой смерти не заслуживают.

— Передашь исполнителям наше мнение? — обратился главный к Ингрид.

— Передам.

— От машин они избавились?

— Да.

— Бруно, как бы ты оценил нашу инициативу с политической точки зрения?

— Лаборд сотрудничал с социалистами и оставался членом правительства. Теперь его наверняка заменят Фруассаром, у коммунистов же это единственная подходящая кандидатура. А этот будет гнуть жесткую линию, потому что ничего не забыл из того примитивного ленинизма, который выучил двадцать пять лет назад. Социалистов он ненавидит, у него главная забота, чтобы партия оставалась марксист-

ской. А это отпугнет от нее многих избирателей. И, стало быть, мы видим редкий случай политического убийства, которое способно на практике изменить политический курс.

Он мыслил формулами, пренебрегая частным ради общего. Убитый полицейский представлялся ему лишь деталью политического процесса, вообразить его как личность он был не в состоянии. Точно так же, как людей, разорванных бомбой на куски,— это просто динамика жизни, появление на свет новых политических возможностей. Лишь политикой он жил — и больше ни к чему не был приспособлен. Глубоко внедрившееся в его душу сознание исторического смысла всего, что бы ни происходило вокруг, не оставляло места даже для оценки и осмысления собственных поступков.

— В субботу Фруассар наверняка одержит победу и станет генсеком компартии,— продолжал он.— Я уверен, что это уже решено.

— На эту неделю намечены еще акции? — спросила Ингрид.

— В Париже нет. Кое-что планируется в провинции. Встретимся на той неделе. Все. Расходимся по одному.

Политические расчеты человека, которого называли Феликсом, в чем-то совпадали, но кое в чем и отличались от тех, что производились в штабе. Те, кто входил в состав штаба, и сотрудничавшие с ними люди из государственного аппарата ставили целью заменить нынешнюю парламентскую систему более авторитарной, более «национальной», более дисциплинированной и иерархичной — под этими удобными эвфемизмами скрывалась мечта о диктатуре правых. Амбиции Феликса были куда скромнее — он просто искал защиты от левых, полагая, что следует защищать от них страну, даже если за них — большинство избирателей. Против насилия, взятого на вооружение правыми, он ничего не имел и потому рассматривал штаб как своих союзников. Будучи достаточно изощрен в политике, он сознавал, что нынешнее положение дел — лучший вариант из всех возможных: наиболее безопасный, меньше всего доступный вмешательству извне, наиболее стабильный. Но ему хотелось переместить политические акценты, сдвинув их вправо.

Каждая взорвавшаяся бомба дискредитирует правительство в той же степени, что и левых экстремистов, которым все эти взрывы приписывают,— это очевидно... Но если штаб рассчитывал разом избавиться таким образом и от левых, и от правительства, и от системы, их создавшей, то Феликс-то точно знал, что система устоит. Активисты штаба, префект полиции, министр обороны и все прочие могли предполагать, что им угодно. Но он, Феликс, игрок поискуснее. Он заигрывает с чертом, ловит, можно сказать, на блесну дьявола, но рассчитал длину удочки точно. Он и взаправду был опытным авантюристом, умевшим ловко балансировать на тончайшей нити между политикой и террором.

— Денек выдался не из приятных,— признался Баум жене в тот вечер.— Что на ужин?

— Мясо, жареная картошка и очень вкусный салат.

— Хорошо. А то печень опять пошаливает.

— Это потому, что ты нервничаешь,— сказала жена.— Каждый раз, как у тебя на работе нервотрепка, так у нас проблемы с твоей печенью. Примешь что-нибудь?

— Потом, может, одну таблетку.— Он вздохнул и ногой потрогал кошку.— Ну и денек...

— На этой рубашке манжеты совсем протерлись,— заметила жена.— Пожалуй, я их переверну.

— Ну и дурака я свалял! А все гордыня. Самоуверенность. Самомнение.

Жена знала, что он так и будет твердить о событиях, которые его расстроили, подробнее же все равно ничего не скажет, а потому и не спросила ни о чем. Вместо этого она ушла на кухню, бросила ломтики очищенного картофеля в скворчащее масло, проверила, как жарится мясо в гриле, и закончила накрывать на стол. На всю квартиру приятно запахло чесноком.

Баум сидел в кресле, согнувшись и опустив голову, размышляя о своей печени. Потом мысли его перескочили на Жоржа Вавра: что он скажет, когда ему доложат о сегодняшних событиях? Потом — как ни крути, а профессия брала свое — он долго и тщательно прикидывал, что делать дальше. Надо действовать по запасному плану, тому самому, который он до поры скрывал от Вавра. По плану, приготовленному на тот абсурдный, совершенно невероятный случай, если девчонка от них уйдет.

План вовсе не плох, но Баум уже выбрал кредит доверия, терпения и дружеского расположения шефа. И ничего удивительного не будет, если Вавр выйдет из себя, тогда это дело у него отберут. Его, Баума, просчет привел к гибели хорошего человека — куда уж хуже... А в чем состоял этот просчет? В том, что он поверил, будто противнику не под силу состязаться с ОТО — раз уж тут собрались такие компетентные, такие проницательные люди. А враг оказался еще более компетентным: ловким, проницательным и безжалостным. Если уж женщины стреляют в полицейских среди бела дня, в общественном месте, то на что же способны мужчины? Это была отрезвляющая мысль.

Ужинали в молчании. Эстелла знала, когда можно говорить, а когда следует оставить мужа в покое, наедине с его проблемами. Невзирая на все неприятности и боль в печени, Баум воздал должное и мясу, и воздушному пирогу из кондитерской. С кофе он выпил большую рюмку коньяку — еще одна примета того, что день у Альфреда действительно был тяжелый.

— Может, я могу чем-то помочь?

Он улыбнулся и погладил ее руку.

— Спасибо, нет. Прости меня, завтра я буду в порядке. Новый день — новые возможности, не сомневаюсь.

Против обыкновения ночью ему снилась работа, и сон этот был странный. Девушка-убийца и утечка информации из Комитета обороны в нем не участвовали. Бесконечным свитком развертывались перед ним события, происходившие в Булонском лесу,— те самые, которые заставляли его на прошлой неделе пристально вчитываться в архивные документы и вызывали беспокойство в печени. Но во сне он ясно понимал смысл этих событий и не видел в них никакой тайны. Проснувшись, он мучительно пытался связать в памяти расползающиеся ночные видения, зная при этом, что ни за какие блага в мире ему их не вспомнить.

А вот чего Альфред Баум не знал — так это того, что пока он, пренебрегая состоянием своей печени, наслаждался кулинарными достижениями Эстеллы, президент сидел за бутылкой белого, закусывая копченой ветчиной. Собеседником и собутыльником его был министр внутренних дел Ги Маллар, которого он, президент, не любил и которому не доверял. Однако, будучи прагматиком, льстя себе мыслью, что это полезно для страны, для интересов его партии на выборах, не говоря уж о личных интересах в равной приблизительно степени, он решил подбросить своему коллеге одну любопытную идею.

— Префект полиции,— начал он, накладывая себе добрую порцию ветчины,— или непроходимый дурень, или мошенник.— Он выжидательно посмотрел на Маллара.

— Нет, он не мошенничает,— отозвался Маллар.— Правда, в этой истории с бомбами он мало преуспел. Ему чего-то не хватает... Воображения, что ли?

— В армии такой пошел бы под трибунал,— сказал президент.— За милую душу! — Он прожевал наконец ветчину.— Я вам кое-что хочу предложить.

Министр внутренних дел вскинул брови: с президентом всегда надо держать ухо востро и говорить как можно меньше. То, что президент сказал сейчас, по меньшей мере некорректно. Да он и никогда корректностью не блистал. Искренностью тоже. Абсолютно беспринципный человек. Так что министр на всякий случай промолчал.

— Я считаю,— продолжал президент,— что в интересах нации надо его от этого дела отстранить.

— Но в делах такого рода без полицейских не обойтись: у них есть опыт...

— Да что он нам принес, этот опыт, в данном случае?

— Пожалуй, действительно ничего.

— Тогда что мы теряем?

— Но кто этим займется?

Президент, чрезвычайно довольный своей идеей, заставил министра подождать ответа — прикончил ветчину, отхлебнул еще вина, вытер рот салфеткой и только тогда сообщил:

— Контрразведка. Отдел территориальной охраны. У меня к ним больше доверия. Что скажете?

— Но по закону контрразведка действует только в случае чрезвычайной опасности. Разве сейчас нам угрожает нечто чрезвычайное?

— А разве нет? Вы же сами слышали: префект заявил, будто террористы обучаются за рубежом и оттуда получают оружие.

— Но это же очевидно, господин президент!

— Так именно в задачи контрразведки входит выявлять подобные вещи! Вы сами скажете Вавру или мне сказать?

— Могу я.

— А префекту полиции?

От этой мысли Маллар поежился.

— Знаете, могут возникнуть осложнения, у него много друзей в прессе. Лучше пусть все исходит от вас.

Ответ президента прозвучал недовольно:

— Этот тип — ничтожество. Безнадежный дурак. Какая тут трудность? Я завтра все ему скажу.

Он налил себе еще вина.

— Тут одна проблема замаячила на политическом горизонте...

Ги Маллар промолчал. Пусть теперь президент подождет ответа.

— Возможно, она поважнее всех остальных. Звонили из Вашингтона. Попахивает крупными неприятностями — американцы мастера заваривать кашу.

— Кто звонил?

— Секретарь их президента. Прямо от имени этого клоуна в овальном кабинете. Вы знаете, что сейчас Киссинджер в Брюсселе на заседании совета НАТО? В качестве как бы советника — сами понимаете, власть без всякой ответственности,— прямо мечта. Так вот, оказывается, добрый наш доктор собирается явиться в Париж с частным визитом и повидаться с президентом республики. У него ко мне личное поручение от президента Соединенных Штатов.

— Когда же вы этот подарочек получите?

— Премьер-министр и я встречаемся с ним в среду. Тут есть еще одна любопытная деталь: приезжает и Брубек.

Брови Маллара удивленно поднялись:

— А ЦРУ-то что здесь надо?

— Их, видите ли, беспокоит ситуация, сложившаяся во Франции, и они планируют какое-то вмешательство. Вы хотите сказать, их это не касается? Как бы не так! Вы правы, только Брубека это не остановит. Вот почему я и настаиваю, что с бомбами дело не терпит, надо спешить.

— Естественно,— согласился Маллар.— Разумеется!

Когда он ушел, президент позволил себе слегка улыбнуться: он остался доволен беседой. Если удастся этот орешек расколоть — тем лучше. Ну, а если и ОТО потерпит неудачу, всем станет ясно, что виноват Маллар, ведь ОТО подчиняется непосредственно министру внутренних дел. Этот провал дорого ему обойдется — дороже, чем префекту полиции, потому что в глазах общества полиция давно некомпетентна или коррумпирована, или и то и другое вместе. Но ОТО — это совсем другое дело...

С точки зрения предстоящих выборов совсем неплохо, если Маллар обнаружит свою несостоятельность. Амбиции этого человека намного превосходят его способности.

В следующие четыре дня, до самого воскресенья, в Париже было спокойно, зато взрывы прогремели в двух провинциальных городах. За эти дни Баум уладил отношения с Вавром и убедил его, что новый план подлежит исполнению на том простом основании, что никто не сумел предложить ничего другого. В те же дни состоялась передача дела о террористах из рук полиции в ОТО без всяких юридических санкций, поскольку в иностранный заговор никто не верил, тем более в заговор с целью шпионажа, то есть того, чем только и положено заниматься контрразведке.

В воскресенье в два часа пополудни молодой человек, которого в штабе называли Рене, сидя за рулем крытого грузовичка, отправился с улицы Вожирар, где он жил на верхнем этаже многоквартирного дома, в Булонский лес. Он остановился под деревьями на шоссе Этуаль, вышел из кабины и забрался в кузов. Через пятнадцать минут немолодой мужчина в серых брюках и безукоризненно чистой темно-синей куртке вышел из такси на перекрестке и не спеша зашагал по шоссе Этуаль. Заметив грузовичок, он свернул с тротуара в древесную сень и замедлил шаг: обычный воскресный фланер, явившийся на любовное свидание, а то и на поиски приключений.

Юный Рене вылез из кузова — его было просто не узнать! Туфли на высоких каблуках, шелковая блузка взамен майки, брюки вполне могли сойти за женские. На бледном, несколько женственном лице — косметика: губы подкрашены, глаза подрисованы, бритую голову украшает белокурый парик.

Он подошел к мужчине, тот взял его под руку, и они начали прогуливаться под деревьями. Это выглядело как обычное свидание и вряд ли могло заинтересовать какого-нибудь прохожего.

На сей раз в отличие от прошлого воскресенья поблизости не было ни машин ОТО, ни его сотрудников, которые в поисках агентов КГБ вели игру в воров и полицейских. Разговор между Феликсом и Рене продолжался пятнадцать минут, и немногие свидетели этой встречи реагировали в точности как Люк — молодой полицейский из Нанта; с понимающей улыбкой провожали взглядом почтенного бизнесмена, назначившего в воскресный день свидание своей юной секретарше. Или официантке, которая по будням подает ему кофе со сливками в каком-нибудь кафе...

Потом Рене снова забрался в кузов грузовичка и вскоре уселся за руль, уже в мужском обличье. А тот, кого называли Феликсом, поспешил к шоссе, остановил такси и приказал ехать в Порт Дофен.

Рене еще некоторое время колесил по лесу, убедился, что за ним никто не следит, и, повернув к Порт Отей, въехал в город. Спустя десять минут грузовичок был припаркован на узкой улочке неда-

леко от моста Мирабо, а его хозяин пешком дошел до «Марии-Луизы» и поднялся на борт.

— Планы меняются,— сообщил он человеку, который вел прошлое заседание.— Главную операцию, назначенную на следующую неделю, надо провести раньше. Во вторник.

— О Господи, через сорок восемь часов! Не получится.

— Мне поручено передать, что это должно быть сделано, невзирая ни на какие трудности. Так сказал Феликс.

Глаза Рене сияли, он говорил с жаром, будто выполняя священную миссию.

— А он не объяснил, чем вызвана такая спешка?

— В среду произойдет одно политическое событие, на которое мы должны повлиять. Наша акция будет несравненно значительнее во вторник, нежели неделю спустя. Не позволяйте самой акции опьянить себя,— так он сказал.— Помните о ее политическом эффекте. Смерть во вторник будет означать куда больше, чем та же смерть в среду. Вот что он еще сказал!

— Но акция должна остаться той же самой?

— Абсолютно той же.

Собеседник покачал головой.

— А насчет протокола Комитета обороны что он сказал?

— Его надо доставить Сейнаку в «Юманите», и полиция сразу туда кинется. Он согласился, что первоначальный план был чересчур сложен. Мы должны тайком предупредить префектуру, но он и сам что-то предпримет.

— А когда отнести конверт?

— Ровно в шесть вечера в среду...

В воскресенье у Альфреда Баума был один из его редких выходных, и он об руку с Эстеллой прогуливался в широких брюках, белой рубашке с открытым воротом и широкополой шляпе. Здесь, на ежегодной версальской выставке кошек, он больше не был полицейским со специальными функциями, его друзья среди любителей кошек полагали, что он просто где-то служит. Здесь он считался экспертом по длинношерстным породам, с прочной репутацией в масштабах всего парижского региона. В такие дни со своими закадычными друзьями, в основном чопорными дамами, делившими его пристрастие, он проводил долгие счастливые часы, обсуждая качества экспонатов, оценивая густоту их меха, расстояние между ушами и чистоту окраски радужной оболочки.

Его собственная пара в свое время выиграла немало призов, в том числе первый приз на выставке в Жантийи, и если уж придется уходить в отставку, то немалым утешением ему послужит возможность завести еще нескольких кошек, ходить на такие выставки, наслаждаясь скромным сознанием того, что ты признанный эксперт, и время от времени принося домой кое-какие награды.

Эстелла, которая не так уж боготворила кошек, радовалась, однако, всему, что могло отвлечь ее Альфреда от работы, и любила выставки — единственное место, где они бывали вдвоем.

Но на этот раз, хотя среди экспонатов было несколько действительно замечательных, Баум никак не мог полностью переключиться на кошек. Печень все еще ныла. А из головы не шли события прошлой недели. Чувствуя, что он просто не имеет права тратить на это время, он все же не мог изгнать своего беса: сцены свидания в Булонском лесу...

— Тебя сегодня и выставка не радует,— заметила Эстелла.

— Ты права, к сожалению. Это из-за печени.

— Не о кошках думаешь, а о работе.

Баум улыбнулся.

— Смотри-ка,— сказал он.— Вот этот наверняка получит приз: хвост до чего пушист! И глаза оранжевые, обрати внимание. Очень перспективный кот!

Эстелла покачала головой:

— Альфред, ты просто невозможен!

— Знаю, детка. Но ведь я тебя предупреждал, когда мы поженились.

Он усмехнулся и запечатлел на ее щеке поцелуй.

Тем же воскресным днем в одном загородном доме в Иври проходило заседание центрального комитета французской компартии. Генеральным секретарем был избран Жак Фруассар, бывший рабочий-металлист из Валансьена. Он произнес трехчасовую речь. Отдавая дань своему предшественнику, он полностью, однако, отверг его политику альянса с социалистами в правительстве. «Франция нуждается в кардинальных социальных переменах,— провозгласил он.— А социалисты никаких перемен не желают: это капитулянты и реформисты. Объективно говоря, они агенты реакции. Мы, со своей стороны, должны предложить стране радикальную альтернативу — коммунистическую программу, направленную против большого капитала и защищающую интересы трудящихся».

Когда на следующий день открылась биржа, никто уже не обращал внимания на заголовки в газетах, все еще предсказывавшие победу левых на выборах. К концу дня на шестнадцать пунктов упали в цене акции. Кроме того, при международном обмене франки шли плохо. К закрытию биржи после всех перипетий этого дня курс франка по отношению к западногерманской марке оказался ниже, чем когда-либо. И начался в крупных масштабах нелегальный провоз франков через границу в чемоданах и портфелях, в автомобильных багажниках — процесс, который вскоре стал неуправляемым.

«Буржуазия демонстрирует отсутствие патриотизма,— подстрекала «Юманите».— Только рабочий класс под руководством коммунистической партии способен защитить интересы нации».

В правлении Французского банка состоялось заседание, на котором были выработаны меры по защите курса франка. Однако ни одна из них не возымела эффекта. Страх перед левыми все больше овладевал умами биржевых маклеров, банкиров, промышленников, консультантов тех старых дам, которые изо всех сил старались прожить на годовой доход с капитала: инфляция захлестывала всех их с головой...

ГЛАВА VIII

На следующий день после посещения кошачьей выставки Альфред Баум сделал простую вещь: он позвонил на работу Арману Сейнаку, главному редактору «Юманите» и члену политбюро компартии.

— Говорит Баум — заместитель начальника отдела территориальной охраны,— начал он дружелюбно.— Я хотел бы повидаться с вами, господин Сейнак.

— Странно. Какое отношение я имею к контрразведке? Вы же занимаетесь шпионами, не так ли?

— Как правило. Я и не предполагаю, будто вы подходите под эту категорию. Тем не менее я бы хотел побеседовать с вами и могу поручиться, что для вас эта беседа окажется столь же интересной, сколь и для меня.

Наступило молчание. Потом Сейнак сказал:

— Перезвоню через десять минут. Какой у вас номер?

Баум назвал номер своего прямого телефона, и через десять минут действительно раздался звонок.

— Это Сейнак. Мой телефон в «Юма» прослушивается,— может, вашей же службой. Я перешел к другому аппарату...

«...И посоветовался с коллегами»,— мысленно добавил Баум, а вслух произнес:

— Отлично. Повторяю: я бы хотел с вами встретиться. Сегодня же.

— Хорошо. Где?

— На нейтральной территории. И пусть об этом никто не знает. Жду вас на речном трамвайчике, который отходит от моста Альма в два семнадцать. Поднимитесь на верхнюю палубу и займите место в кормовой части. Приятно прогуляться по реке в такую жарищу.

— Договорились, я приду.

Баум выпил пива, съел сандвич и на служебной машине отправился к мосту Гренель, на остановку речного трамвая. Солнце с безоблачного неба палило нещадно, и он пожалел, что не оделся более подходяще для прогулки по реке. Усевшись на палубе, он надвинул шляпу на глаза, защищаясь от солнца, и тщательно перебрал в уме то, что надлежало сообщить коммунистическому лидеру. Промаха быть не должно. Игра стоит свеч.

На остановке возле Альма на палубу поднялись трое, один из них — высокий мужчина профессорской внешности, с гривой седых волос и орлиным профилем. Озираясь, будто ожидая ловушки, он прошел на корму. Когда он поравнялся с Баумом, тот приподнял шляпу.

— Господин Сейнак! Я узнал вас.

— Не могу ответить вам той же любезностью. Покажите, пожалуйста, свое удостоверение.

Сейнак опустился рядом и испытующе посмотрел на Баума.

— Вполне разумно.— Баум протянул ему удостоверение с фотографией и описанием примет. Сейнак внимательно изучил его.

— Бывают и провокации,— произнес он неопределенно.

— Знаю. Вот это мы и обсудим.

Сейнак не ответил, лишь достал пачку американских сигарет, предложил Бауму и закурил сам.

— Расскажу вам одну странную историю. Вас, наверно, удивит, почему я решил вам довериться. Ответ прост: у меня нет выбора. Вы поймете, как сильно я тут рискую, но в этом деле у нас общий интерес.

Сейнак молча кивнул.

— К нам по чистой случайности попали фотокопии документов государственной важности. Адресованы они, представьте, вам. Сразу скажу: если это не провокация и документы посланы с вашего ведома, то вы виновны в серьезном преступлении, и тогда мы, считайте, по разные стороны барьера. Если же это провокация, то наши интересы полностью совпадают.

Сейнак бросил на Баума взгляд из-под тяжелых век и медленно повернулся к нему всем телом, так что они оказались лицом к лицу. С минуту он молчал, потом задал вопрос:

— Магнитофон у вас с собой, господин Баум?

— Хотите, проверьте мои карманы,— ответил Баум.— Или можете говорить как угодно тихо, так, что ни одно подслушивающее устройство не возьмет. Мы должны быть честны друг с другом.

— Расскажите подробнее об этой провокации, вы, конечно, отдаете себе отчет, что это именно провокация. Иначе вы бы не разговаривали со мной, а просто задержали...

— Рассказать подробно о документах я не вправе.— Баум тщательно подбирал слова.— Но у меня есть основания думать, что вскоре будет предпринята еще одна попытка передать их вам.

— Разве они не у вас?

— Скажем так: должны быть у нас, но их нет. Во всяком случае, если я окажусь прав, то вам угрожает серьезная опасность: если секретные документы пробудут в ваших руках хотя бы полминуты, то вы ни за что не докажете, будто не стремились их заполучить, не намеревались использовать или передать третьему лицу.

— Мы политическая партия, а не шпионская организация,— сухо заметил Сейнак.

— Но вы также издаете газету, которая не всегда корректно нападает на правительство. Я должен вас предупредить, что если вы не примете мое предложение, а предпочтете получить эти документы и использовать их на страницах газеты, то попадете в глупое положение. Я ведь вам сказал, что они побывали в наших руках. И вы, естественно, понимаете, что мы бы не выпустили их в том виде, в каком они к нам попали. Скажем так: это несколько исправленные государственные секреты.

Сейнак бледно улыбнулся.

— Стало быть, провокация превратилась в контрпровокацию. Кажется, вы, охотники за шпионами, называете это дезинформацией.

— Правильно. Но тут есть проблема. ОТО, как вы догадываетесь, работает самостоятельно. Мы не посвящаем других в наши секреты. И я не могу гарантировать, что кто-нибудь — ну хоть префектура полиции — не разузнает про это дело, и уж они постараются поймать вас с поличным, прямо с документами. Вот что меня больше всего и беспокоит. И вот почему мне нужно ваше сотрудничество.

— Чего вы хотите?

— Чтобы вы помогли перехватить того, кто доставит документы. Сделать это можно только в здании редакции.

Сейнак не ответил. Они медленно проплывали как раз под древним Новым мостом и тихо покачивались на волнах, расходившихся от встречного судна.

— Я обязан посоветоваться с товарищами. Ваше предложение представляет определенную опасность.

— Прекрасно понимаю. Но, к сожалению, дело весьма срочное. Конверт может быть доставлен вам в любую минуту. Скорее всего в час пик, когда практически невозможно выследить посланца.

Теперь они плыли под мостом Нотр-Дам, собор сиял в солнечных лучах. Американские туристы в ослепительно белых майках толпились у огромных дверей. Сейнак поднялся.

— Я понимаю значение нашей встречи,— сказал он.— Позвоню через час. Но скажите еще одну вещь. Если кто-то будет арестован в здании редакции, когда он передает на мое имя конверт, а в конверте полным-полно государственных тайн, то ведь в этот момент я становлюсь уязвимым. Совершенно без всякой защиты, особенно если провокацию организовали вы сами.

— Вы правы, господин Сейнак, безусловно, правы. Вам следует самому решить, является ли наша встреча изощренным заговором или честной попыткой поймать коммунистическую партию на слове.

— Не понял.

— Вы ведь заявляете, будто вы истинно национальная партия, не зависящая ни от кого за рубежом. Так вот, требуется ваша помощь в деле, касающемся безопасности страны. В этом случае каждая национальная партия обязана помочь.

— В прошлом с нами не всегда обходились справедливо, поэтому мы так осторожны.

— Все, что я могу сейчас,— это пожелать вам сделать правильный выбор.

Баум встал, и они обменялись рукопожатием. «Не знаю,— сказал Баум про себя, глядя вслед уходящему.— Ну, не знаю — и все».— И покачал головой.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

Ведет рубрику Владимир ПОТРЕСОВ

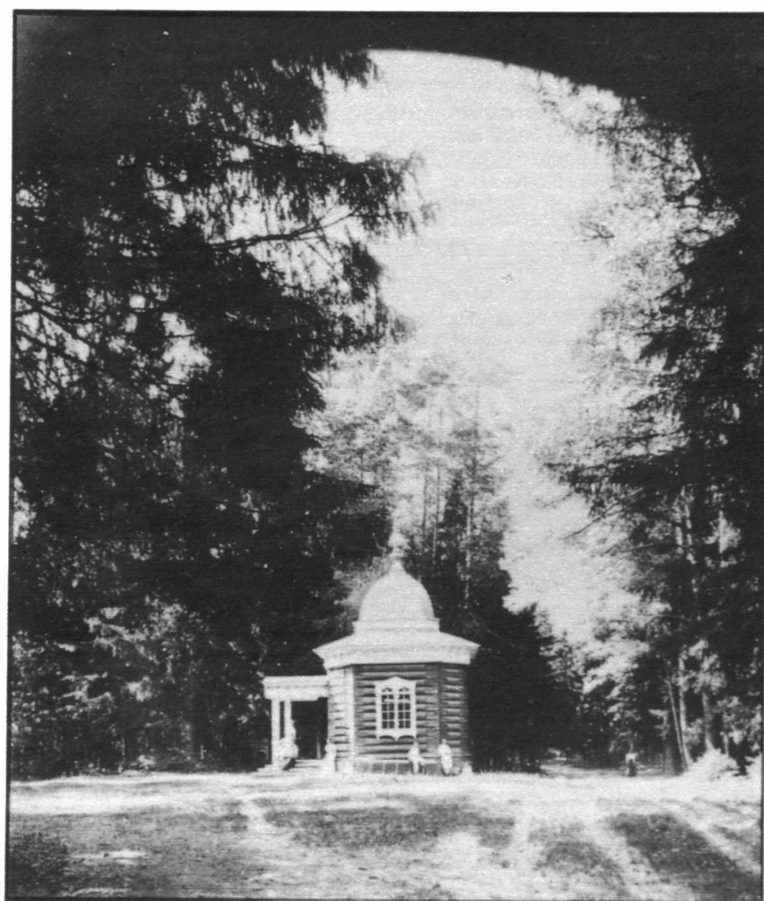
Семейный альбом

Известное заблуждение: Дмитрий Иванович Менделеев — химик, а химия — наука, вызывающая идиосинкразию у многих еще, как говорится, с младых ногтей,— распространено и по сей день. Конечно, Менделеев был химиком, причем величайшим, но это всего лишь одна из ипостасей его потрясающей научной и практической работы. Видимо, в период тотальной коллективизации, ущербной экономики власть имущим было невыгодно говорить о великих трудах ученого, изложенных в книгах «Заветные мысли» и «К познанию России», о многих его откровениях философского, социального, экономического планов.

В 1864 году тридцатилетний профессор Менделеев приобрел подмосковное, запущенное совсем имение Боблово, чтобы, как он выражался, самому доказать возможность ведения послереформенного, свободного, по сути, фермерского сельского хозяйства. Здесь он добился таких успехов, что Боблово стало образцовым имением, местом посещения студентов Петровской сельскохозяйственной академии.

Семейный альбом, который сегодня мы представляем нашим читателям, составлен из фотографий, сделанных в Боблове в конце прошлого — начале нынешнего века. Любопытна и судьба этого старинного альбома, который пережил усадьбу, сожженную и разрушенную почти полностью в первые годы революции. Его владелицы — правнучатые племянницы ученого, проживающие в подмосковном Кратове, бережно сохранившие эти уникальные фотоснимки.

Боблово служило ученому не только научным полигоном. Сюда привез он из Сибири многочисленных племянников и внучатых племянников — детей и внуков овдовевших своих сестер. Из «бобловского гнезда Менделеева» вышли профессор механики, один из главных конструкторов ледокола «Ермак» Николай Смирнов, его

брат, профессор-ихтиолог Нестор, профессор математики Юлия Смирнова, академик-востоковед, хранитель Эрмитажа Яков Иванович Смирнов и многие-многие другие забытые ученые.

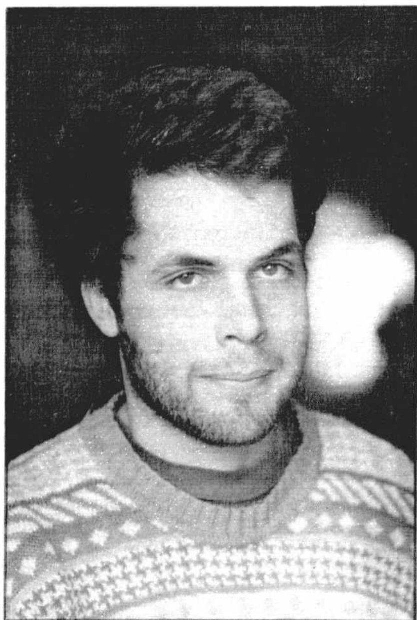
Сейчас начаты работы по восстановлению усадьбы Боблово. Думаю, что снимки, большинство из которых публикуется впервые, помогут реставраторам. Я имею в виду фото погибших строений усадьбы...

И вот на что хотелось бы обратить внимание: большинство снимков, выполненных любителями — самим ученым, его родственниками и друзьями, поражают композиционной стройностью, характерностью. Взгляните на лица бобловских мужиков — это не постановка, в кадре люди в непринужденных позах, нет каменной застылости, чем нередко грешат съемки профессиональных авторов.

Говорят, что Менделеев любил повторять: мол, бобловские места напоминают ему родную Сибирь. Когда смотришь сейчас на пейзажные фото Боблова менделеевских времен, возникает какое-то светлое, пожалуй, ностальгическое чувство по ушедшей навсегда неяркой красоте средней России, осколки которой удалось застать нашему поколению еще в детстве.

Илья ЦЕНЦИПЕР

ТОЖЕ ИСКУССТВО

Тоска. Со времен нашего последнего выставочного обозрения культурный воздух Москвы явственно изменился. Что ощутимо для многих, хотя сор из художественной избы выносить не принято и все тянем на публике ту же набившую оскомину песнь об андерграунде, о художественном рынке, о бесчисленных проектах Музея современного искусства, об ожидаемых со дня на день меценатах...

Стало скучно, хотя вернисажная жизнь бьет ключом: француз Бюффе в Пушкинском, ужасный американец Розенквист на Крымском, Гашунин в галерее «Сегодня» и множество других, непосещенных. Иной раз открывается в неделю десяток выставок — и вроде каждая ничего. Но бесперспективность нашей суетливой художественной жизни стала как-то удручающе очевидна: все эти удачные и неудачные выставки, чьи-то очередные коммерческие успехи, периодическое открытие новых галерей...

Стало скучно. Надоело выдавать, мягко говоря, проблематичное формирование художественного рынка за факт искусства, обсуждать выставки, никак не меняющие нашего представления о нем. На Родине советское искусство в начале нашего захватывающего дух периода истории переоценили куда больше, чем на Западе, ковбойскую тупость которого все так любили осмеять. Из маленького, но отдельного мирка с собственными законами и собственным пантеоном, искусство наше постепенно превращается в глухой конец большого мира, разочаровываясь не только в наличном своем состоянии, но и в ненаблюдаемых потенциях. Захваченный временем дух куда-то канул.

Кстати, учет и ревизия наследия исчезнувшего мирка были самым занимательным сюжетом открывшейся в Третьяковке силами галереи «Московская коллекция» ретроспективы неофициального московского искусства 1956—1976 годов. Ирина Алпатова, Александр Логинов и коллекционер Леонид Талочкин собирали «другое искусство» почти два года. По мере того как испарялись последние капли вызванного перестройкой энтузиазма, жест предъявления многострадальных произведений и особенно интонация кураторов выставки менялись: из восклицательной она становилась все более повествовательной, с тем чтобы к моменту открытия превратиться едва ли не в вопросительную.

Академичная, почти сторонняя позиция авторов выставки сама по себе замечательно интересна. С мудрым безразличием они экспонировали (с немногими упущениями) все, что было «другим», хотя иные выставленные работы производят эффект почти комический, когда вспоминаешь окружавшие имена авторов легенды. Собственно, эти легенды — едва ли не единственный способ отличить «другое искусство», соединить несоединимых ни по таланту, ни эстетически Белютина, Биргера, Зверева и Чуйкова.

Не вступая, разумеется, в затянувшийся бой с гидрой шестидесятничества, заметим, что выставка «Другое искусство» — удачная попытка объединить героев подполья. Может быть, в последний раз. Собрать их с тем, чтобы попробовать отделить исторические анекдоты о войне с КГБ, о бульдозерах, о Никите, провертевшем в полемическом запале дырку в картине, кажется, Жутовского, о тысячах зрителей на получасовых выставках от того, **чем** же было это искусство. Если оно было чем-то, кроме зоны «другого поведения».

Усилиями газет и так не блиставшее вкусом диссидентское предание вознесло священных чудовищ советского художественного подполья на высоты, где обсуждение становится затруднительным. Оставив в стороне их заслуги перед обществом и следующими поколениями, признаемся, что значительная часть сокровищницы приподнявшегося нашего авангарда — вялые копии иностранных картинок или, того хуже, реконструкция их в соответствии с указаниями порочащих разлагающееся буржуазное «антиискусство» исследований. Примером первого является, скажем, Вейсберг, сильно поблекший после выставки Джорджо Моранди в Москве. Примером второго — студия Белютина...

Многие сложившиеся репутации приходится переоценивать с точностью до наоборот. И всего интереснее на «Другом искусстве» не разочарования и не те, чье место и значение неоспоримо (прежде всего, разумеется, Кабаков). Интереснее художники вроде бы всем известные, но вспоминаемые обычно во вторую очередь. Чье имя не окружено ореолом мифов.

Например, Виктор Пивоваров минималистского периода, решительно захлопнувший в своих работах окна в пространства невнятных спиритических завихрений интеллигентского абстракционизма. Их гладкие поверхности ничего не символизируют, но означают лишь сами себя.

Михаил Чернышов, представленный на выставке двумя «Удвоениями» и куском обоев в раме. В Чернышове есть удивительная для художника шестидесятых последовательность, устремление к предельному пониманию, одиночество, требующее не политической, но метафизической отваги. Чернышов совершенно лишен всякой сентиментальности, всякой «начитанности», что бросается в глаза на выставке, где от целых стен веет сладким упоением собственной воспитанностью. В «Удвоениях» Чернышов оказывается прямым наследником конструктивизма — одним из немногих, если не единственным.

Еще один аутсайдер — Андрей Гросицкий, впервые полно представленный на Крымском: «Другое искусство», «Москва—Вашингтон», украшением которой он стал, и персональная выставка в Центральном Доме художника. В лучших своих работах Гросицкий отказывается от налета таинственной абсурдности в духе Магритта. Одиноко люминесцирующие «домашние вещи» — хозяйственная сумка, консервный нож, картофелина — излучают с его холстов мучительную невозможность проникнуть внутрь, сквозь поверхность, в суть.

Не укладывающиеся в схему, существовавшие вне направлений, не входившие в пантеон адских божеств брежневской эпохи, художники эти делали свое дело. Они не прославились. Может быть, отчасти поэтому их работы выглядят всего достойнее на «Другом искусстве» в момент общего уныния.

Три названных художника писали для смотрения — не для чтения, и нашли выход за пределы подавляющей русскую живопись литературности. В осознанном виде принятие этой литературной повествовательности присутствует в концептуалистах, о которых, впрочем, писать надоело.

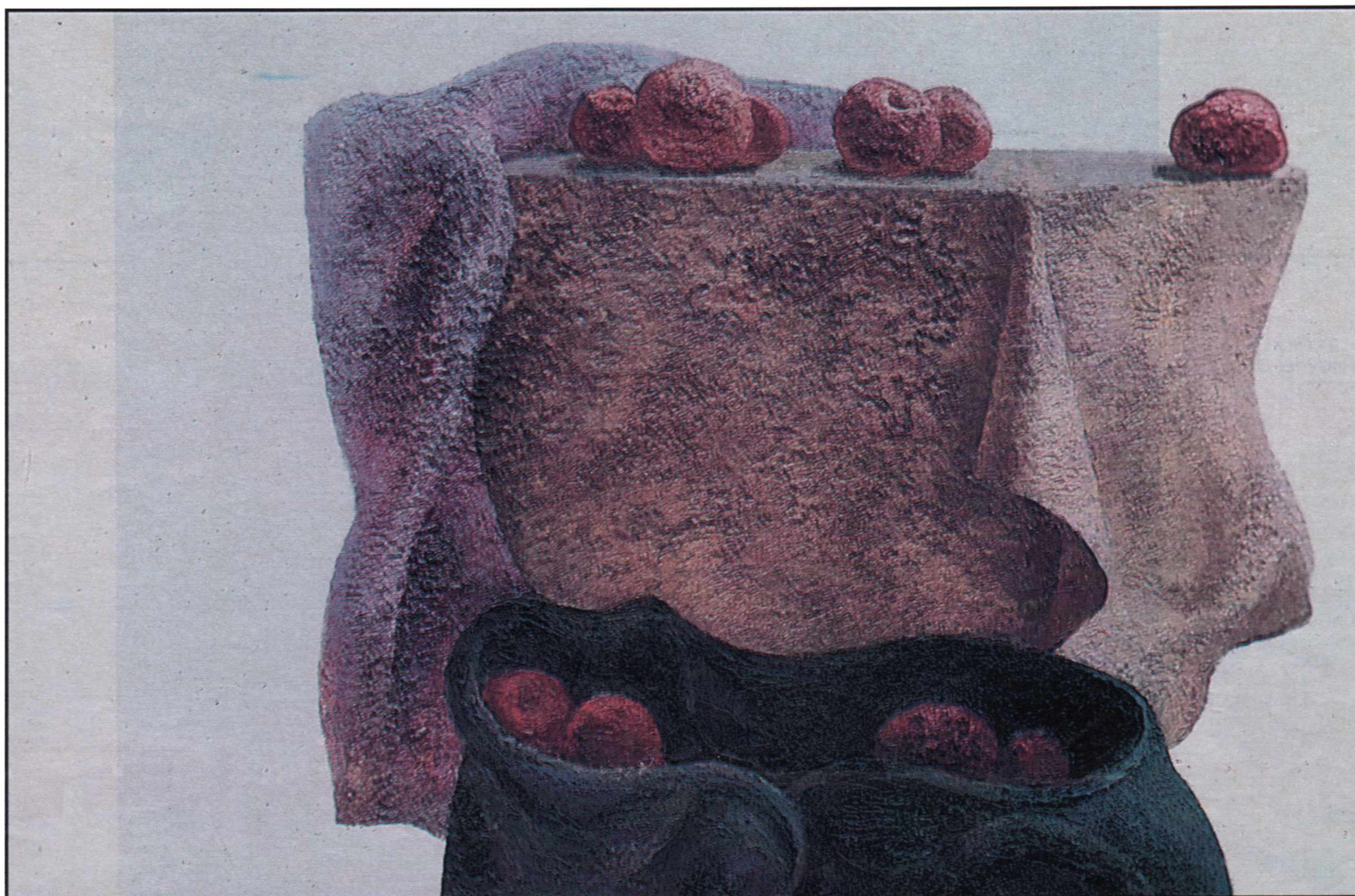
«Другое искусство» — финал этапа; музей с большей или меньшей охотой открывает свои двери для «других художников», превращая их личную драму в материал истории искусства. Следующий этап стоило бы открыть выставкой «Тоже искусство», объединив искусство официальное и неофициальное: не может же не быть общего у современников, сверстников, однокашников. Повесить рядышком Андрея Васнецова (начальника Союза художников) с Кабаковым и закрыть вопрос о разнице «того» и «другого» искусства, многословно оговоренной.

Новый для советского искусства период наступает и в чисто экономическом смысле. Давно ожидаемый конец моды на советское искусство совпал тоже с сотню раз предсказанным спадом на мировом художественном рынке, последовавшим за бумом восьмидесятых. Все это наложилось на общеэкономический кризис, вызванный войной в Заливе. Рискованный рынок изобразительного искусства набирается рассудительности и спокойствия. Цены падают, исключая лишь совершенно бесспорные вещи, которыми можно иллюстрировать историю современного искусства. Бесспорных же шедевров наша почва не порождает по крайней мере лет шестьдесят.

Недавно вернувшийся из Нью-Йорка художественный директор московского Центра современного искусства Леонид Бажанов описывает тамошнюю ситуацию следующим образом: «Эмигрантские галереи закрываются одна за другой. Нахамкин продал свою галерею — крупнейшую из эмигрантских. Фельдман, один из очень немногих дилеров с мировым именем, проявлявших к нам интерес, не захотел даже каталога раскрыть. Говорит, тошнит от русского искусства».

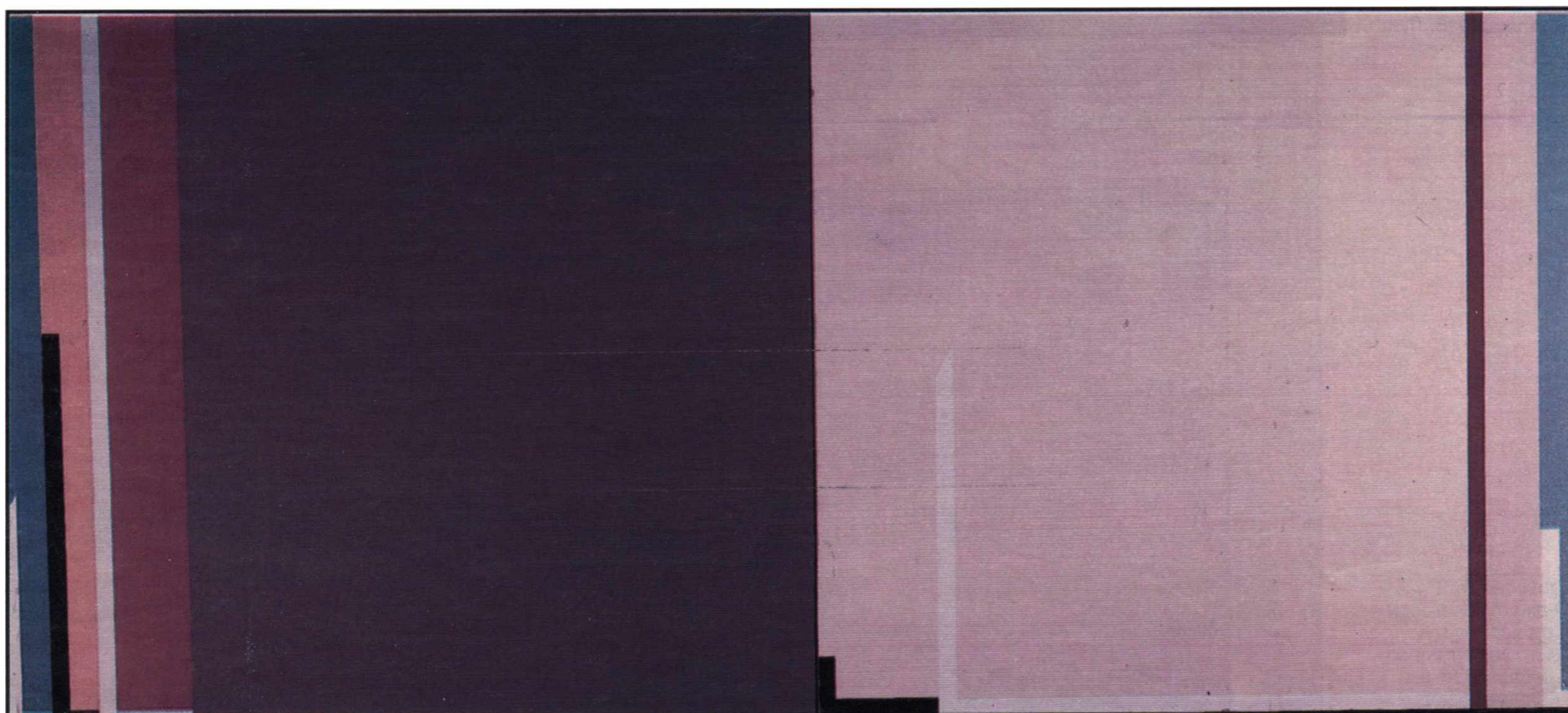
Исключительно благоприятные условия, выпавшие нашему перестроечному искусству на Западе пять лет назад, упущены. Москва не станет для художественного мира ни Кельном, ни Барселоной. Две сотни художников попали в подобающие ситуации быстрее обычного да сотня фарцовщиков обогатилась — вот и все итоги русской моды.

Тоска, тоска, и просвета не видно. Есть, правда, завидный шанс собраться наконец с мыслями. Поживем — увидим.

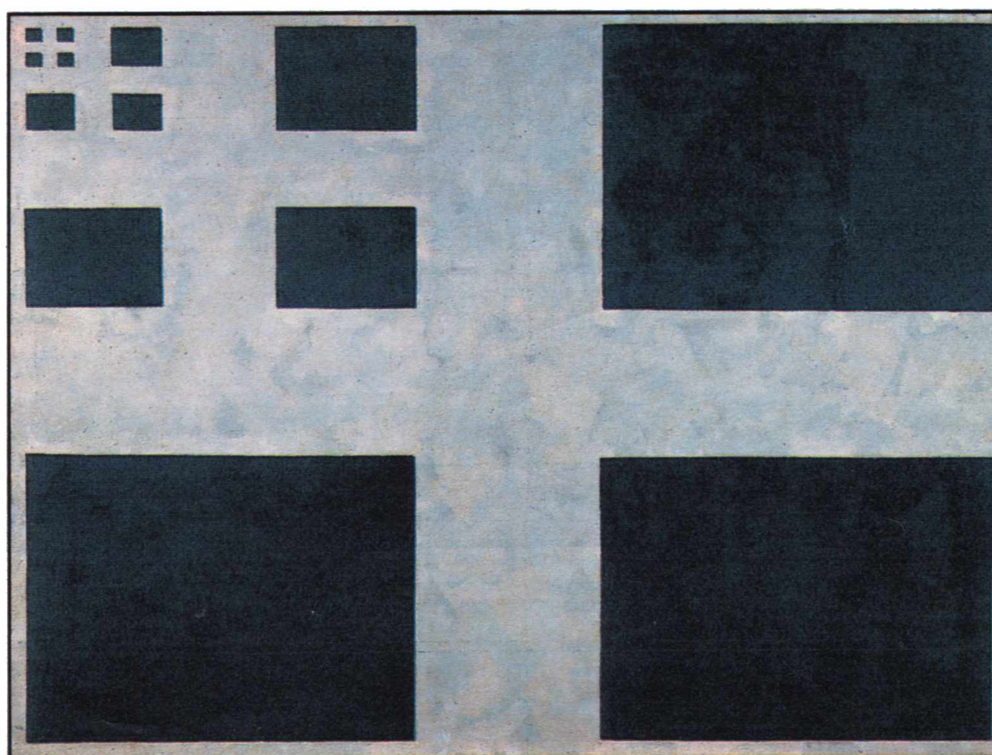

И. Чуйков. «БЕЗ НАЗВАНИЯ». 1973.

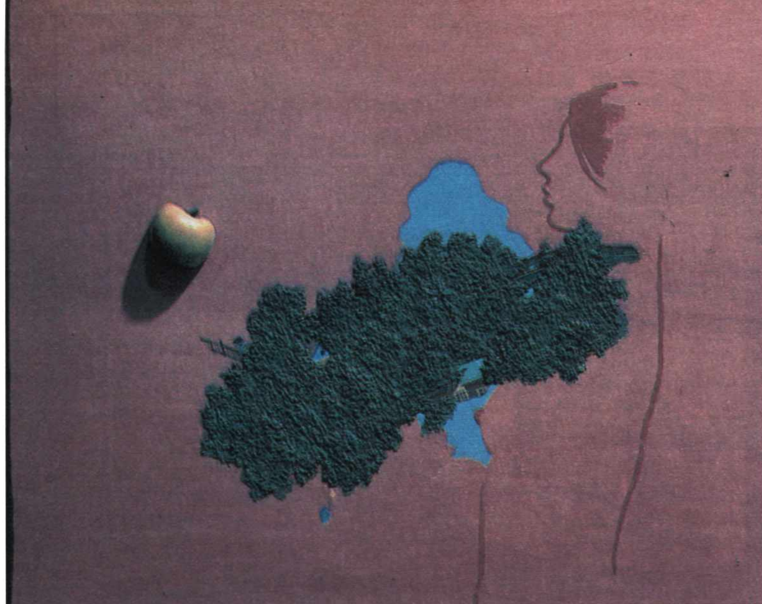
В. Пивоваров. «КОМПОЗИЦИЯ». 1976—1977.

О. Рабин.
«МОСКОВСКИЙ ПЕЙЗАЖ». 1960.
Коллекция В. Лун.

М. Чернышов.
«УДВОЕНИЕ 1». 1976.
Коллекция Л. Талочкина.

А. Гросицкий.
«МУЛЯЖ». 1985.

О. Целков.
«ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ». 1973.
Коллекция Е. Евтушенко.

Все работы, кроме «Муляжа» А. Гросицкого, репродуцируются с разрешения художественной галереи «Московская коллекция».

Импортные компьютеры
за рубли без предоплаты

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ПРЕДЛАГАЕТ ТОЛЬКО

ЗА РУБЛИ ПО ЦЕНАМ НИЖЕ РЫНОЧНЫХ С ОПЛАТОЙ ПО ФАКТУ

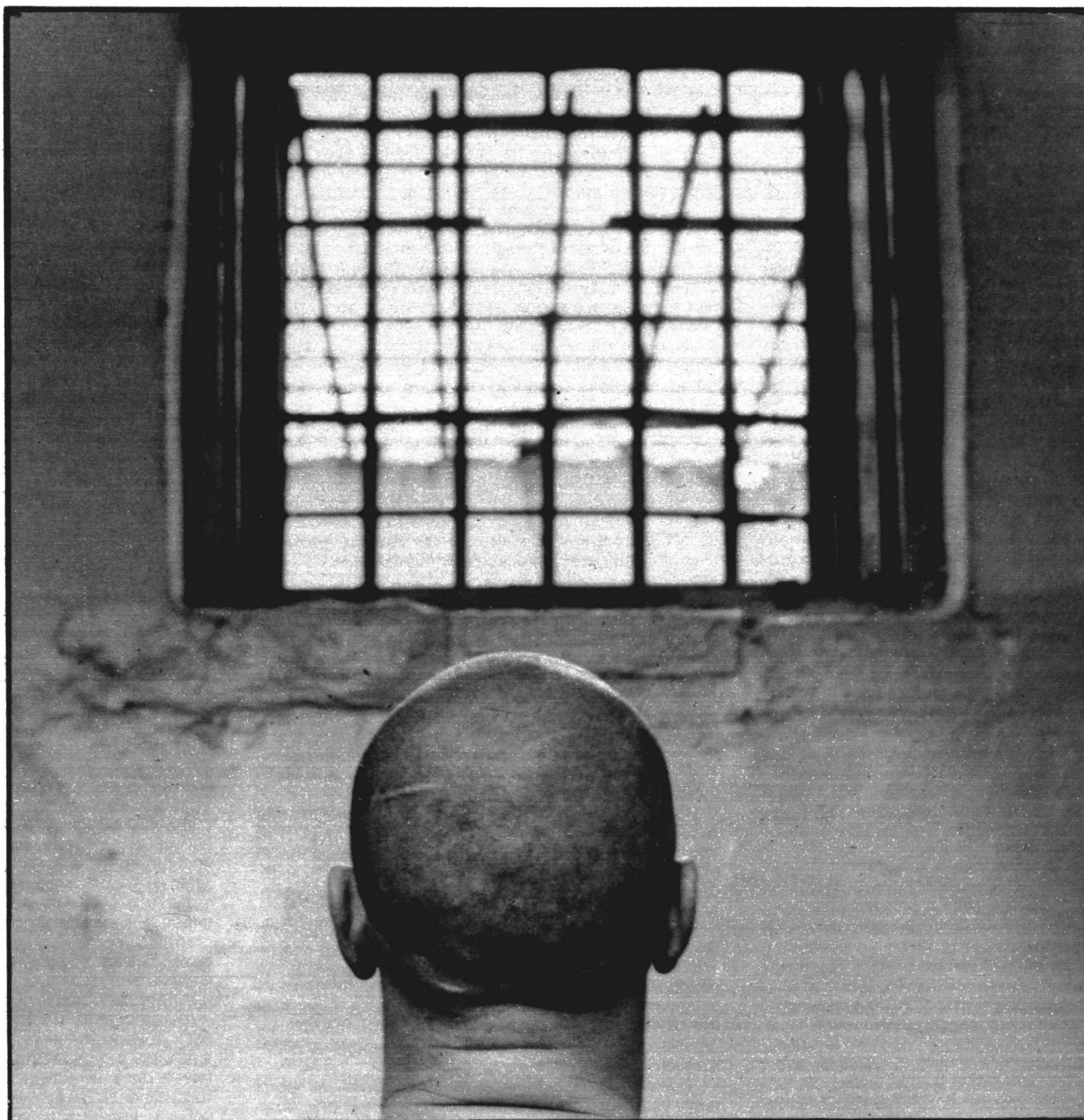
широкий выбор импортных (Западная Европа, США, Южная Корея и Япония) компьютеров, совместимых с IBM PS AT/XT с любой периферией (лазерные принтеры, плоттеры, сканнеры и стриммеры), и оргтехники (автоответчики, ксероксы и телефаксы).
В течение 10 дней вам поставят продукцию известных торговых марок: Canon, Newlett-Packard, Mita и Hyundai.

Адрес для заявок: Москва, ул. Газгольдерная, 10.
Тел. 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.
Объединение «МММ»

СМЕРТНИК

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

Михаил КОРЧАГИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

Он очнулся на кладбище. В полночь. Среди могил и крестов, где и решил переждать до утра. Внезапный дождь забарабанил по надгробиям и, вспугнув чуткий сон Валико, снова вернул его к событиям дня минувшего. К тем трем роковым выстрелам в упор, взбудоражившим покой тбилисцев... К трагедии, оборвавшей жизни... Валико уходил в горы потаенными тропами. Высоко в горах ждала его каменная пещера. А там, внизу, на одной из тбилисских улочек беспризорной оставалась виноградная лоза, увившая его дом. Возвращение вниз было равносильно гибели — в случае засады группа задержания могла открывать «огонь без предупреждения». Минуло более года. Домой он так и не вернулся...

ТРИ ВЫСТРЕЛА

...Первый выстрел был сделан перед зданием Глданского райсуда на глазах у всех. Человек в обтрепанной одежде подошел к судье И. Алания. После тихой десятиминутной беседы подошедший достал пистолет и выстрелил в упор. Покушение было настолько дерзким и неожиданным, что окружающие не успели среагировать на происшедшее и задержать убийцу. Истекающего кровью судью перенесли в карету «Скорой помощи». В больнице уже готовились к предстоящей операции. Но операционный стол так и остался пустым — судья скончался по пути в больницу. Убитый не успел назвать имени стрелявшего...

Оперативная группа уже спешила к месту происшествия. Но розыскные работы в районе убийства не давали результатов — словно зловещий призрак, стрелявший появился и исчез в неизвестном направлении...

А «призрак» тем временем неотвратимо приближался к зданию юридической консультации, где находилась его следующая жертва. Второй выстрел грянул через 45 минут. Операционный стол, до которого так и не дожил смертельно раненный судья, на этот раз ждал адвоката Д. Маткаву. Последний дотянул до больницы, но скончался во время операции, не приходя в сознание...

А никем не замеченный преступник-невидимка продолжал свою кровавую прогулку по утреннему Тбилиси. Растерявшиеся оперативники бездействовали — ни примет, ни каких-либо данных об убийце. Прильнув к городскому пульту связи, дежурные ждали следующего выстрела. И он прозвучал. В кабинете начальника Тбилисского управления снабжения и сбыта М. Николаишвили.

И снова, надрывно воя, спешит «Скорая». И снова хлопочут врачи, озабоченно склонившиеся над телом, из которого вот-вот ускользнет жизнь...

Итак, три выстрела — три жертвы. Таков трагический итог минувшего дня — 18 октября 1989 года. Лишь последний остался чудом жив благодаря усилиям врачей. Следствие в те дни было на нуле. Доподлинно известным было лишь то, что стреляли из одного и того же пистолета — на местах происшествия найдены три одинаковые гильзы. От мысли пускать по следу собаку отказались сразу: в миллионном городе след не взяла бы ни одна ищейка.

Так как пострадали именно судебные работники, следствие взялось изучать в архиве суда уголовные дела преступников, которых в свое время осудил Алания. Среди прочих в делах за 1982 год (когда председателем нарсуда был убитый Маткава) промелькнуло имя осужденного за злостное хулиганство Валико Чутлашвили, 1933 года рождения, проживающего на улице Джанджгава поселка Патара Глдани на окраине Тбилиси. По этому адресу и была устроена засада...

НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЛОСА

Столь трагического финала этой истории не ожидал никто. 12 лет назад трагедии не предвещал сам беспечный уклад жизни зарождающегося поселка. В подвалах закипало молодое вино, на улицах приветливо шутили новоселы. Строились просторные дома, а вместе с ними и сложные соседские отношения. В них-то и брала свои истоки история, предшествовавшая трем роковым выстрелам.

Все начиналось с банальной проселочной дороги, разделявшей два двора — Чанадыри и Чутлашвили. На «тропу войны» ступил Чанадыри. Последний нарушил неписаный закон добрососедства — забор был вынесен на проезжую часть, в сторону Чутлашвили. А дорога тут же превратилась в нейтральную полосу, границу между двумя враждующими «государствами».

Сужалась и без того узкая дорога, на которой, рискуя столкнуться, с трудом могли разъехаться две встречные машины. И Чутлашвили пожертвовал десятками метров своей территории — он вынужденно отодвинул свой забор внутрь собственного двора. Впрочем, помимо законов добрососедства, элементарно попирался другой закон. На чисто юридическом языке поступок Чанадыри имел свое конкретное название: «самовольный захват государственной земли».

По идее, эта банальная заборная история должна была исчерпать себя несколькими строчками из заключения инженерно-технической экспертизы: «Чутлашвили вынужден расширить проезжую часть за счет своего земельного участка. Считаем необходимым обязать Чанадыри привести дорогу в первоначальное положение».

Закон давал осечку. Вопрос затягивался на годы, а простая истина, закрученная в бумажном вихре, уже терялась из виду. В эту войну бумаг и был втянут Валико Чутлашвили. Но, отстаивая истину, никак не мог он предположить, что победителем выйдет не он, а его самого в итоге обрядят в полосатые одежды смертника...

* * *

...Арестовали его случайно. Так же случайно, как и напали на след, ведущий в пещеру. Сопротивления он не оказывал и оперативному работнику сам показал хорошо замаскированный тайник, где хранилась основная улика — пистолет системы «ТТ», из которого и были произведены те три выстрела.

— Молю тебя, убей... — просил в те минуты Валико, сделав шаг навстречу оперативнику.

Убийца просил о смерти, зная, что во время задержания в него можно было стрелять без предупреждения. Но щелкнули наручники, и задержанного изолировали в спецкамере до окончания суда.

Позже приговор венчала фраза: «Подвергнуть исключительной мере наказания — расстрелу...». Эту меру запросил на процессе прокурор. Ее же без колебаний поддержал суд. С этой же формулировкой под усиленным конвоем приговоренного отвели в камеру смертников, где вот уже более года ждет он исполнения приговора. В этой самой камере я и встретился с убийцей.

Честно говоря, если бы не приговор, с трудом поверил бы я, что передо мною сидел злодей. Открытое лицо и добрые глаза совсем не сочетались с ужасом содеянного. Как и на суде, он и не думал отрицать свою вину.

— Да, я убил! — говорил он мне.— И готов понести любое наказание.

— Только не подумайте, что я боюсь расстрела,— помолчав некоторое время, вдруг заговорил он горячо, испытующе заглядывая мне в глаза.— Я боюсь, что и вы меня не поймете!..— чуть ли не прокричал он в отчаянии.

Я решил выслушать этого человека и, несмотря на весь ужас совершенного им, все-таки попытаться понять. Я слушал его, а он говорил и говорил, будто куда-то спешил. Валико рассказывал сбивчиво и торопливо, словно боялся, что не успеет сказать самого главного и за ним явится специальный конвой, уводя туда, откуда не возвращаются. Я приходил к нему каждый день и часами слушал, как выяснилось позже, правдивый рассказ о жизни, прожитой на свободе, о времени, когда о случившемся не мог предположить никто... В том числе и он сам...

ДЕЛО О ЗАБОРЕ

До трагической развязки действительно было еще далеко. В те дни не хватало решительного росчерка на бумаге, и на злосчастном заборном деле стоял бы жирный крест. Но упорно отмалчивались власти, бездействовали правозащитники. Не дремал лишь сам правонарушитель Чанадыри. Как бы поощряемый молчаливым согласием властей, он и решил заняться земельным бизнесом.

На этот раз он переставил уже второй забор. На два метра сужалась другая дорога. Зато увеличивались его владения. Захваченная земля в итоге составила 1352 м^2. Эти метры государственной земли он и продал вместе с незаконно выстроенными на них двумя домами. Покупатели нашлись сразу — Хинчагашвили и Танделашвили, не имевшие на эту землю никакого права.

Это видели абсолютно все. Об этом и писал в официальные органы Валико, пытаясь унять не в меру предприимчивого соседа. Я читал все официальные ответы, стараясь понять логику отказов, и все больше запутывался в этом бумажном хаосе. Причем одно и то же ведомство умудрялось противоречить себе же. Вот два ответа из исполкома:

«Исполком решил просить нарсуд Глданского района решить вопрос о выселении Хинчагашвили из дома. Поручить Чанадыри и Хинчагашвили перенести забор на прежнее место. М. Николаишвили».

Проходит время, и снова ответ из того же исполкома:

«Райисполком не считает, что Чанадыри самовольно захватил земельный участок и передает этот участок Чанадыри».

Один суд, к примеру, выносит решение: «Перенести забор, вернуть государству землю», второй это же решение отменяет, как «противозаконное», третий... А забор тем временем продолжал стоять как ни в чем не бывало как монумент нашему правосудию и волоките исполнительной власти. Здесь я не буду утомлять читателя перечислением всех должностей лиц, к которым все 12 лет безрезультатно обращался Валико. Для удобства повествования и экономии журнальной площади нареку всю эту бюрократическую махину сложных взаимоотношений одним словом — Система.

В ее владения и ступил бесхитростный селянин Валико, откровенно удивляясь бумажной неразберихе. Хотя не осознавал он пока, что в этом самом беспорядке и был невидимый ему строгий порядок, хорошо отлаженный бюрократический механизм. В нем и была неодолимая сила этой самой Системы. Валико потревожил ее покой, и в ответ она издевалась над ним в приемных, томила в очередях, унижала в лакированных кабинетах.

Я не стану цитировать все его заявления — их множество. Не буду описывать и все его бесполезные визиты в местные ведомства — это скучно. Скажу лишь о том, чем это в итоге кончилось для самого ходока. В конце концов от донкихотствующего Валико просто решили избавиться. Не хватало удобного случая. И случай вскоре представился...

ВАРИАЦИИ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

...В тот день из зала суда Валико вышел победителем. После двухлетней волокиты дело о заборе, казалось бы, сдвинулось с мертвой точки — определением суда материалы о незаконно проданной земле поступили в прокуратуру для решения вопроса по существу. Валико вышел из суда с неподдельным чувством торжества справедливости. В коридоре его поджидали несколько близких родственников Чанадыри, его адвокат и он сам. Далее по приговору:

«После окончания судебного заседания С. Чанадыри и его супруга вышли в зал ожидания суда. В то время В. Чутлашвили совершенно без причины начал ругать нецензурными словами и оскорблять физически С. Чандари. В. Чутлашвили начал его избивать...».

Ну чем не удобный случай избавиться от неугодного правдоискателя. Дело, как говорится, за свидетелями. А их более чем достаточно, и все как на подбор родственники Чанадыри.

И, возможно, не стал бы я вдаваться в подробности инцидента, если бы именно с этого случая не начиналась настоящая ломка судьбы человека, обряженного сегодня в одежду смертника.

Я вчитывался в показания свидетелей. И, если прислушаться к каждому из них в отдельности, можно вполне сделать вывод: хулиган Чутлашвили избивал ногами беднягу Чанадыри. Но если выслушать всех вместе, то услышанное напомнит плохо спетый хор. Будто неведомый нам «хормейстер» в большой спешке репетировал их предстоящее выступление на последнем суде. При «прослушивании» тут же возникал вопрос: кто кого бил?

«Я помогала моему мужу и **ударила Чутлашвили** сумкой по голове»,— говорит на суде супруга Чанадыри.

А это другая вариация на ту же тему:

«По окончании процесса они били **друг друга** ногами» — утверждает следующий свидетель.

Теперь послушаем, что «пропели» они о месте, где конкретно происходила драка: «На улице...» — утверждают одни; «в коридоре» — другие. Причем если верить обвинительному приговору, написанному судьей Алания, происходило это «перед кабинетом судьи Г. Мовсесяна». Тогда как сам Мовсесян показал на суде: «От моего кабинета до места драки было приблизительно 15 метров».

Если снова довериться приговору Алания, то получается, что злодей бил свою жертву **ногами**, да так, что Чанадыри даже упал. А теперь послушаем «соло» жены Чанадыри, бывшей в гуще событий:

«У моего супруга после драки не было ранений, т. к. Чутлашвили **бил его рукой**».

«Кулаком!..» — вклинивается в общий свидетельский хор тенор самого измордованного Чанадыри (кстати, последний, будучи осужденным на 5 лет именно за злостное хулиганство, уже преуспел в подобных делах). И все-таки чем? Если кулаком по лицу, то как синяк мог оказаться «на ноге ниже колена», что было зафиксировано в травмпункте аж несколько суток спустя после «избиения». И, наконец, дадим слово самому «хулигану»:

«Зачем мне драка против 7 человек? Тем более я выиграл процесс... Когда они вышли из зала суда, то, огорченные этим событием (дело на Чанадыри передали в прокуратуру.— *М. К.*), они начали оскорблять меня. Одни ругались громко, другие проклинали тихо, чтобы никто не слышал. Кто-то ударил сумкой, кто-то исподтишка бил пинком».

Но судья Алания, охотно доверяя противоречивым показаниям родственников и адвокату Чанадыри (лицам, заинтересованным в исходе дела), не верит ни единому его слову. Мало того, лишая его элементарного права на защиту, Алания отказывает ему в ходатайстве о вызове в суд дополнительных свидетелей. В итоге согласно приговору Валико получает 2 года и 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии...

ДОСЬЕ

В камеру Валико бросили не сразу. О том его «злостном хулиганстве» давно забыли, а материалы дела около 10 месяцев пылились в архиве милиции. Но пылились до тех пор, пока местный Дон-Кихот снова не начал докучать законными своими требованиями, отстаивая истину. Тут же вспомнили о липовом деле, и правовая машина сработала безотказно: председатель Маткава самолично затребовал из милиции досье на неугодного Чутлашвили, прокурор, не раздумывая, подмахнул ордер на арест.

...Валико пришел в себя уже в камере. От наручников ныли запястья. Стылые тюремные нары холодили бока. Он с трудом поднял тяжелые от болезни веки. На нарах прямо перед собой Валико увидел серую крысу. Спасаясь от январских морозов, крыса грелась его дыханием... Это было его первое пробуждение в неволе. Впереди долгие месяцы проживания в камере по соседству с крысами. Позади 10 месяцев после того инцидента в коридоре суда.

В аресте не было никакой необходимости — Валико не представлял ни малейшей опасности для окружающих. Не было также острой нужды спустя многие месяцы поднимать из архива материалы и тем более возбуждать уголовное дело. На это не было даже законных оснований. Ведь конфликт в суде, даже если бы имел он место, вспыхнув между соседями, тут же угас. Это дело частного обвинения. И самое большее, на что «тянут» такие дела в судах, так это на 6 месяцев исправительных работ или «штраф до 100 рублей». Здесь и речи не могло быть о нарушении общественного порядка, что в первую очередь свойственно такому виду преступления, как хулиганство. Всего этого не могли не знать как председатель суда Маткава, так и судья Алания, принявшие участие в судьбе Валико.

Можно было бы долго повествовать о неделях, месяцах, годах пребывания его в камерах, колониях, спецкомендатуре, о тех унижениях, которые сносил, и о болезнях, навсегда подорвавших здоровье этого уже немолодого человека. Но все в итоге сводилось бы к тому незаконному судилищу, сыгравшему роковую роль в судьбе Валико. В итоге он потерял семью (жена так и не дождалась его возвращения из неволи); перенес тяжелую операцию, став нетрудоспособным инвалидом; лишился любимой работы (ему везде указывали на дверь ввиду его уголовного прошлого); наконец, ему пришлось пускать в дом квартирантов и продать машину, дабы было на что существовать...

Валико отбыл срок от звонка до звонка. А вернувшись, снова увидел тот же забор. Он словно врос в землю и стоял намертво, как неприступная вражеская крепость, надежно оберегая незаконно завоеванные владения... Близился час развязки...

Но не подозревал тогда вернувшийся Валико, что судьба снова уготовила ему новое испытание, после которого, покинув родной дом, ему пришлось уйти в горы...

ПОЧЕМУ ИСЧЕЗ ВАЛИКО

Это был роковой случай, никак не связанный с теми тремя выстрелами. Громко стукнула калитка, и в его дом ворвались трое. Впрочем, об этом ночном происшествии лучше узнать из показаний на суде одной из квартиранток — Сафроновой:

«В ту ночь я была в комнате и читала. И вдруг в окошке над комнатой я неожиданно увидела лицо незнакомого мужчины. Испугавшись, я тут же позвала хозяина дома Валико. Через несколько минут я увидела другое лицо и снова стала звать Валико. Тот поднялся с топором в руке. Мы увидели двух молодых парней. У высокого в руках был большой нож. Они стали нападать на Валико. Я закричала. Дерущиеся спустились вниз. Когда я вышла из комнаты и сошла вниз, то увидела, что высокий парень пытается взломать дверь во флигеле, где проживала девушка по имени Люба. Дверь открылась, и он ворвался туда. Люба начала кричать и звать на помощь... Когда я хотела подойти, чтобы открыть дверь, ко мне подошел парень низкого роста и прокричал: «Стой! Ни с места!» Я испугалась и забежала в дом. Возле двери я увидела драку и услышала 2 выстрела...»

Один выстрел был в воздух, другой — в дверь, за которой «уединился» бандит с насмерть перепуган-

ной Любой. Этим выстрелом «гость» и был случайно ранен в подбородок.

В ту ночь Валико был в состоянии вынужденной обороны. Да и что было делать ему, немолодому больному человеку, с теми тремя вооруженными молодчиками, вломившимися в его дом глухой ночью? Тем более о помощи взывали две слабые женщины. После этой жуткой ночи он собрал некоторый свой скарб и ушел в лес...

Но что помешало Валико тут же обратиться в органы по поводу ночного нападения? Тем более что, обороняясь, по закону он был прав. Зачем понадобилось ему, невиновному, скрываясь в лесах, жить отшельником в пещере?.. Об этом Валико сам сказал в своем последнем слове:

«Когда я ранил его, я ушел от людей. Я не пошел в милицию, потому что на протяжении 12 лет видел много ущемленных и обманутых законом людей. Этим же законом обманут был и я сам. За 12 лет я так и не смог найти правду. Не надеялся найти я ее и на этот раз. Поэтому я ушел и жил в пещере».

Валико ушел от людей, которые могли причинить ему куда больше зла, чем хищное зверье, населявшее горные леса. Это была его последняя обитель на свободе — укромная пещера высоко в горах, поросших диким лесом. Он сам обрек себя на одиночество, отрекаясь от внешнего мира. Валико становился отшельником, решив скоротать остаток жизни в этом каменном мешке. Пистолет, из которого он стрелял, пока покоился нетронутым...

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Он жил в пещере, как загнанный зверь. Но, озлобленный, выглядывая иногда из пещеры, он с грустью смотрел вниз, на долину людей. О ней он тосковал и ее же боялся. Ведь именно там, внизу, искалечили его судьбу, сломали жизнь, там жили его обидчики.

Но однажды он спустился в долину. В тот день он направлялся к Маткаве...

Нет, он не собирался его убивать. Валико шел по улицам города безоружным. Он шел к нему как к юристу — за советом: как поступить в данной ситуации с ночным ранением и что предпринять, чтобы снова невинно не пострадать от закона. У него еще теплилась пусть маленькая, но надежда. В Тбилиси, конечно же, много опытных юристов, но Валико направлялся именно к нему — к одному из своих обидчиков. Он все-таки рассчитывал, что, проникнувшись сочувствием к его судьбе, Маткава хотя бы в этой ситуации даст ему добрый совет.

Может быть, простой, доброй, человеческой беседы было бы достаточно Валико в тот день. Но обидчик так и не воспользовался данным ему шансом.

— Так, оказывается, тебя выпустили, хулиган!.. — услышал Валико.

Будучи изгнанным из кабинета, он снова уединился под сводами пещеры. Тогда, уже окончательно отчаявшись, он впервые вспомнил о спрятанном пистолете...

В то утро он сидел у здания суда, пороги которого обивал более десяти лет, так и не добившись правды. На этот раз вместо унизительного прошения о помиловании в кармане у него был пистолет. Таяли последние минуты, после которых исправить что-либо было уже поздно:

«Проснувшись в то утро, я решил пойти к Алания и поведать ему о своей беде. Спустившись в долину, я пошел в суд. Я подошел к Алания и, напомнив ему, что он испортил мне жизнь, попросил его, если это возможно, чем-то помочь мне. Я пытался рассказать ему о своей беде, но он не дал мне говорить, ответив грубо, чтобы я убирался прочь... Тогда я достал пистолет и выстрелил...»

Следующим был Маткава.

Но, когда во второй раз Валико направился к Маткаве, он все-таки медлил нажимать на курок. Он не терял надежду на то, что Маткава заговорит с ним по-человечески. На самом деле произошло следующее:

«Когда Маткава вновь увидел меня в своем кабинете, он снова закричал на меня, сказав, что еще раз посадит меня в тюрьму. Подняв руки вверх, он угрожал мне, опять называя хулиганом...»

В тот момент и прозвучал второй выстрел... Через 45 минут с тем же обращением вошел он и в кабинет бывшего председателя райисполкома М. Николаишвили, также в свое время имевшего, по мнению Валико, отношение к его судьбе. Последний тоже не воспользовался своим шансом.

Но это был и его, Валико, последний шанс остаться в этой жизни. Как никто другой, понимал он, что, нажимая на спусковой курок пистолета, подписывал он и свой смертный приговор. Он прекрасно знал, на что шел, а главное, почему.

«Я взял в руки оружие только тогда,— говорил он в своем последнем слове,— когда не нашел правды. Я долго искал правды, и за это судьи упрятали меня за решетку, отобрали здоровье. Они разрушили мою семью. Я более 10 лет добивался справедливости и по закону был прав. Где же она, справедливость? Я понял, что в нашем государстве для маленького человека ее нет. Судьи, которые должны были вершить правосудие, делали наоборот. Вот я и судил их за это. Они во всем виноваты...».

Это были последние слова Валико. Под проклятия и плач родственников убитых его уводили в зарешеченный мир...

ЗАЛОЖНИКИ

Валико закончил свой рассказ. Его уже уводил конвой. А я все пытался найти хоть какое-то оправдание тому, что содеял он. Все-таки невероятно трудно оправдать пролитую кровь. Оборвались две жизни, на которые не имел он ни малейшего права, каким бы тяжким испытаниям ни подвергала его судьба. Убийство человека, во имя чего бы оно ни совершалось, все равно остается убийством.

И все-таки, слушая рассказ о его покалеченной жизни, я все чаще задавался вопросом: кто же более всего повинен в том, что трагедия стала возможной? Ведь помимо двух обезглавленных семей погибнет и сам Валико, осиротеют и его дети. Однозначно ответил на вопрос сам Валико: виноваты те трое. Но давайте вернемся в то время, как бы проигрывая ситуацию заново.

Несомненно, каждый из названных Валико в той или иной мере был причастен к его судьбе. Но ведь дело о «хулиганстве» волею судеб могло бы лечь не на стол Алания. И председателем суда мог бы оказаться не Маткава, а кто-то другой. И у меня нет уверенности, что этот другой не поступил бы по негласным законам именно той системы, порожденим которой являлся.

Нет, не понимал тогда доведенный до отчаяния Валико, что, нажимая на курок, стрелял в главного виновника трагедии — в СИСТЕМУ. Именно она, обюрокраченная и порочная в своей сути, обрекала на гибель всех троих. Они и им подобные — з а л о ж н и к и во всех ее делах. Выстрелы Валико есть не что иное, как своеобразный вызов, неосознанный протест против жестокой бюрократической системы и беззакония. И далеко не случайно в своем заключительном слове опытный юрист, московский адвокат С. В. Гранина заметила:

«И пока в лице подсудимого в первую очередь мы не будем видеть Человека, боюсь, что подобные случаи самосудов не прекратятся. Скорее, наоборот, если сейчас нас, юристов, стреляют единицами, то потом, увы, будут стрелять рядами...»

В это страшно поверить. Но к этому невозможно не прислушаться...

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЗЛОДЕЯ

С судьей О. Я. Камкия я познакомился в том самом здании, где выносил он высшую меру наказания подсудимому Чутлашвили. Во время беседы председательствующий откровенно сетовал на то, что вынесенный им приговор до сих пор не приведен в исполнение, а человек не расстрелян.

Во время нашей встречи собеседник бесконечно повторял одни и те же фразы: «Чутлашвили не занимался общественно полезным трудом», «разведся с супругами» и т. д. Я же внимательно слушал солидного Отари Яковлевича, откровенно удивляясь: это ли сейчас главное в столь грустной истории? Или, может, решил снабдить он заезжего журналиста ценными штрихами к портрету «злодея»?

Но я-то уже знал, что «общественно полезным трудом» Валико занимался всю свою сознательную жизнь — односельчане, коллеги по работе и даже враг его Чанадыри называли «лентяя» отменным тружеником. Что же касается бывших его жен, то исключительно добрым словом поминали они Валико. Ну, а почему развелся, не наше это с вами дело, уважаемый Отари Яковлевич.

И уже после такой встречи не удивлялся я странным формулировкам в приговоре, таким, как «вел развратный образ жизни» и т. п. Причем на своем процессе блюститель нравственности так много внимания уделял супружеским отношениям Валико, что невольно складывалось впечатление, будто расстрел ему дали в основном за разводы, а не за убийство. Как же старался судья придать жизни подсудимого негативную окраску, создать ему отрицательный фон!.. Да, он преступник, да, он убил. Так и судите его за это. Но зачем же поливать из ушата грязью человека, который уже обречен, приписывая ему то, чего не было?

Совсем не удивительным было для меня и то, что в приговор был включен эпизод, в котором Валико, обороняясь, ранил в подбородок одного из ночных «гостей». Чутлашвили инкриминировали «покушение на умышленное убийство». Видимо, суд решил, используя любую мелочь, создать ему ореол отпетого злодея, чтобы надежнее подвести под расстрел и оправдать перед общественностью Грузии столь исключительную меру наказания. Суду уже не было никакого дела до того, что в то утро стрелял он в состоянии аффекта — в возбужденном и доведенном до отчаяния состоянии безысходности, усугубленным десятилетием незаслуженных страданий.

Но в погоне за «компроматом» на подсудимого так и не исследовал суд самого главного: почему в конце концов грянули три этих выстрела? Судьи совершенно оставили без внимания то, с чего вся эта история начиналась,— забор, эту неприступную доселе «крепость».

Столько бед, столько человеческих трагедий вокруг него!.. А он стоит как ни в чем не бывало, беспардонно вклиниваясь в и без того узкую улочку. Его осторожно объезжают машины, проклинают односельчане, но его в упор «не видят» в исполкоме. Заметили его лишь в городской прокуратуре. Следователь по особо важным делам О. Джапаридзе написал несколько грозных официальных представлений в местный райисполком.

А забор и ныне там...

КОГДА УБИВАЕТ ГОСУДАРСТВО

Это был тот самый коридор. Укрытый в глубоком подземелье, он невидим никому. Кроме, пожалуй, тех, кто это подземелье населяет. И одного человека, который спускается сюда, чтобы педантично делать свою работу.

Я шел по этому подземелью. Шел, чтобы перед отлетом проститься с Валико. По обе стороны коридора через низкие окошечки на меня испытующе смотрели чьи-то глаза. Пройдет день или месяц. На работу в подземелье спустится тот педантичный человек, и одна из камер опустеет... Чьему-то сыну, жене, адвокату придет официальный ответ со словами: «Приговор приведен в исполнение...». А мы с вами зададимся вполне естественным вопросом: ч т о и з м е н и л о с ь?..

Что изменилось в городе, республике, стране? Да и что, собственно, менялось в нашем с вами государстве от того, что смертная казнь применялась и применяется до сегодняшнего дня? Может, на убыль идет преступность? Отнюдь. Убийцы, насильники и грабители по-прежнему разгуливают по стране. Тогда ради чего все это делается?

Но, опасаясь повториться, я не буду подробно останавливаться на теме смертной казни, достаточно глубоко отраженной в «Огоньке». Упомяну лишь о встрече с одним высокопоставленным юристом Грузии, который заметил в беседе со мной, что общественное мнение, на его взгляд, пока не готово к отмене «высшей меры». Возможно, он и прав. Но в любом случае смертная казнь — это прямое нарушение права человека на жизнь. И попытка защиты этого права не должна зависеть от общественного мнения. Любое мнение нужно формировать. Или хотя бы уже начинать это делать. Само оно еще долго не сформируется. Иначе выстрелы в затылок будут звучать до бесконечности и мы останемся единственным государством, где юридически оформленное убийство человека будет нормой жизни.

Наличие казни в стране лишь ожесточает общество. Ведь приведенный в исполнение приговор — это не что иное, как юридически оформленный акт умышленного убийства. По сути своей оно ничем не отличается от убийства уголовно наказуемого. И отличие их лишь в том, что в первом случае роль убийцы берет на себя государство. Интересно, какие чувства испытывает каждый раз Президент СССР М. С. Горбачев при окончательном решении вопроса о смертном приговоре, являясь в этом варварском мероприятии последней и решающей инстанцией? И как все-таки наш Президент будет реагировать на обращение к нему Католикоса Илии II, который от имени православной церкви Грузии убедительно просит отменить смертную казнь и чтобы произошло это именно при его президентстве?

Великий классик литературы И. Чавчавадзе всю свою жизнь боролся за отмену смертной казни на родной грузинской земле. Это была мечта, цель его жизни. На этой же земле был убит он сам. Убийц поймали и приговорили к смерти. Жена писателя умоляла сохранить им жизнь, считая, что приведенный в исполнение приговор оскорбит память покойного, боровшегося за отмену казни. Но государство привело-таки приговор в исполнение...

* * *

...В день прощания с Валико я прошел коридором смерти, уткнувшись в глухую стену подземелья. Из самого крайнего окошечка на меня смотрели потухшие глаза — глаза Валико...

Минует день, неделя, месяц. Опустеет и эта крайняя камера... А мы в который раз зададимся все тем же вопросом: ч т о и з м е н и л о с ь? Что изменилось в городе, стране? А главное, в нас самих...

Тбилиси — Москва

ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАШЕЙ КУЛЬТУРОЙ

О трудной судьбе нашей серьезной музыки мы ведем разговор давно. Мы рассказывали о творческом пути, поисках новых направлений, нелегкой жизни наших замечательных композиторов Альфреда Шнитке, Николая Каретникова, Эдисона Денисова, Софии Губайдулиной, прославленных дирижеров Кирилла Кондрашина, Дмитрия Китаенко, Юрия Темирканова, пользующихся мировой известностью пианистов Николая Петрова и Андрея Гаврилова. Последним из этого цикла было интервью с Мстиславом Ростроповичем, в котором он, размышляя о своей жизни в изгнании, рассказал и о недавней работе с высоко оцененным им композитором Вячеславом Артёмовым.
Мы обратились к Артёмову, только что вернувшемуся после огромного успеха его симфонии из Америки, где ему было сделано предложение остаться, чтобы работать, не зная тех трудностей, которые окружают его на родине. Но он вернулся, считая это решение принципиальным для себя и своего творчества.

«ВАШИНГТОН ТАЙМС», 24 СЕНТЯБРЯ 1990 г.

«Новая советская симфония, посвященная американскому оркестру, явление достаточно необычное. «На пороге светлого мира» Вячеслава Артёмова — еще более редкая вещь, это — творение гения».

ПРОГРАММА НАЦИОНАЛЬНОГО СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА США НА 20—25 СЕНТЯБРЯ 1990 г. ЦЕНТР ИМЕНИ Д. КЕННЕДИ, ВАШИНГТОН:

«Артёмов появился, чтобы стать именно таким композитором, который особенно необходим своей стране в это трудное время. Он не просто персонифицирует бунтовщика против бывшего аппарата власти, важно, что он не принуждаем, как до него Шостакович, служить хроникером текущего момента или маскировать свои истинные чувства и стремления».

Владимир ЧЕРНОВ

Вячеслав Артёмов: «МОЕ СЛОВО — ЗДЕСЬ»

— Как вам работалось с Ростроповичем?

— Он необыкновенно чуток. Мало сказать, что он гениальный исполнитель музыки, он гениальный слушатель. Те духовные материи, которые можно прочесть в моей партитуре, нашли в нем необыкновенно трепетный отзвук. Я приписываю это исключительно тому, что через музыку он соприкасался с родиной. А он с болью воспринимает то, что происходит сейчас в нашей стране.

— Вы в основном общались с эмигрантами?

— Почти не общался. Я имею в виду эмигрантов из последней волны. Даже избегал. Видите ли, «хомо советикус» всюду приносит себя с собой, он и в Америке тот же, что здесь. Но русских среди тамошних наших знакомых было много, например, замечательная семья священника Виктора Потапова, это те потомственные русские, которые живут там давно или даже родились в Америке, но хранят русскую культуру, религию. И душой они — вместе с Россией. Собственно говоря, они от нее никогда и не отходили. В Америке у меня было много репетиционной работы, но нас с женой приглашали и просто в гости, и на разные встречи, читал я и лекции в университете. Более всего интересовал американцев мой Реквием. Мне говорили, желая сказать комплимент, что, наверное, это самое популярное произведение в Советском Союзе, особенно в силу происходящих там сегодня трагических событий. Предлагали остаться, работать в университете, в артистических колониях... Очень трогательно и тепло принимали.

— А вы что же? Вопрос, который, боюсь, возникнет у каждого сегодня: зачем вы вернулись в это страшноватое место, где нас вот-вот примутся вешать за ноги на фонарях? Мы, журналисты, пожалуй, единственная категория творческих работников, которым есть смысл здесь оставаться. Я говорю не за всех, только за себя, потому что абсолютно ясно вижу и понимаю, что ничего в мире интереснее нашей страны сегодня нет, а на моей жизни, вероятно, и не будет, я просто не могу все это пропустить, и, значит, мое место — здесь. Но вы, человек, чья профессия вроде бы не привязана ни к стране, ни к системе, ни даже к языку, вы живете в музыке, языке универсальном, в ней можно купаться, находясь где угодно...

— В ней действительно можно купаться, и на земле много такой музыки, в которой купаются. Но для меня музыка выполняет задачу миссионерскую. Симфония, которую я сейчас пишу по заказу Ростроповича,— о поисках Бога человеком, Бога потерявшим. Отождествление с тем, что случилось с нашей страной. С ее трагической, апокалипсической историей, которая вот-вот закончится вообще. Виден тупик. И для человека, который хочет написать именно такую музыку,— находиться здесь, на этой земле, чрезвычайно важно. Необходимо пережить со своим народом все грядущие роковые события. Ибо «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». В России, несмотря на обрушившиеся на нее тяжелые десятилетия, подспудно все равно жило стремление к Богу, в этом — духовный путь России. Быть причастным этому духовному току, быть погруженным в движение духа для меня абсолютно необходимо.

—Но не надежнее ли осуществить задуманное в спокойном, комфортном месте, где легко работается и нет этой думы о том, где достать завтра хлеба?

— Да, для композитора тихое место — это действительно порой все! Это то, чего мы обычно как раз все время и ищем. Но вы же знаете, как мы сызмала привыкли во всем себя ограничивать, мы не жили в ином. Мы жили в клетке и к этой клетке привыкли. Без нее как-то даже не по себе. В мире сытом, спокойном, все имеющем и ничего не желающем, в мире, который единственно чем обеспокоен — как бы не переесть, там мне не по себе. Цикл симфоний, который у меня складывается, называется «Симфония пути», это путь очищения от своих грехов, путь душевного просветления, и, знаете, вам может это показаться странным, но последняя, третья, симфония, которую сейчас я пишу здесь, она отнюдь не о трагизме нашей жизни, она как раз о первых шагах к просветлению. Что ж, что мы — в тюрьме. И в тюрьме можно писать светлые и возвышенные стихи. Не обязательно же описывать только тюремный быт. Не хлебом единым жив человек, но всяким Словом Божьим. А Слово, оно здесь. Это не значит, что я собираюсь, как Вагнер, идти на баррикады. У меня другое назначение, и его я должен выполнить.

— Но послушайте, сочинением светлой музыки в тюрьме занималось большинство советских композиторов. Они не описывали тюремный быт, нет, они воспевали тюрьму...

— Главная беда наша за все эти годы, что все были обмануты, и фальшивые ценности преподносились нам, как истинные, ложь была приравнена к правде. И музыканты лгали, играя спекулятивные сочинения, они старались из плохого сделать хорошее. Ну, видимость этого, музыкант ведь для того и создан. Хороший музыкант способен дотянуть до какого-то приемлемого уровня и слабое произведение, фальшивому придать видимость искреннего.

— Вам не кажется, что с музыкой у нас произошло то же, что и с языком? Вот сегодня есть два языка: есть русский, и есть советский, похожий на русский, но примитивный, усеченный, с неправильным употреблением слов, искажением или подменой их значения и смысла, с каким-то глумливым акцентом, такая своеобразная партийно-административная «феня», по которой «ботает» все наше начальство.

— Я скажу вам свое наблюдение. Я многие годы избегал концертов советской музыки. Нет, я старался на них ходить, но вынужден был их покидать, потому что сразу же у меня возникало ощущение, будто авторы музыкальных произведений просто хотят огреть меня хорошей дубиной. Это такая агрессивная музыка, назначение которой — доказать, что автор такой-то существует.

Он ничем вас не одаривает, да и не собирается, он просто утверждает, что он есть, и требует к себе за это внимания. И больше там нет ничего. А я со студенческих лет пытался увязать свою судьбу и свое творчество с тем, что некогда существовало в России, до катастрофы. Ну, это время Скрябина, время Вячеслава Иванова, время Серебряного века русской поэзии. Я старался оттуда себя выводить, оттуда происходить, из начала века, не подражая, но именно продолжая — насколько это возможно, насколько способен — тот великий настрой. Потому что последующие десятилетия, в которые пришлось существовать Прокофьеву и Шостаковичу, художникам гениальным, были и для музыки, и для человеческого духа губительны. Прокофьев еще сохранял те, ушедшие традиции, он ведь вернулся из-за границы лишь в тридцатые годы, после чего и ему, конечно же, как художнику, стало трудно. Шостакович уже «отражал действительность», он был таким музыкальным журналистом, писал своего рода фонограмму для Фильма Действительности. Он был более психологичен, чем Прокофьев, но чисто музыкальный материал у Прокофьева по выразительности, конечно же, выше. Так они еще как-то существовали, что-то и помимо них существовало, но это уже был закат.

— На какого же слушателя вы рассчитываете, сочиняя музыку? Россия — страна, где покорежен самый генотип нации, есть такой взгляд на эту страну, где были уничтожены лучшие умы, лучшие руки; за десятилетия варварского обращения власть имущих с собственным народом остался лишь придонный слой. У Жванецкого есть интересное замечание: «Народ — в отставку!». Ведь это же нынешний народ требует себе такое правительство, которое снова обратило бы его в рабство, требует тирана, грезит о насилии, о надругательстве над собой, отвергает Бога, отвергает культуру, требуя изгнать или уничтожить все талантливое, хочет себе взамен коммунистическую партию. Он требует чечевичной похлебки, соглашаясь взамен на невежество, убожество, грязь. И есть среди уезжающих такие, что ставят крест именно на этом народе как на народе проклятом и обреченном. И слова есть чьи-то, будто бы Бисмарка, который якобы сказал однажды социалистам: если уж так необходим вам ваш социализм, валяйте! Только надо выбрать народ, который не жалко. Вот выбрали наш. Многие уезжают потому, что их талант нужен любой стране, кроме нашей. И ваша музыка ей не нужна.

Есть, правда, и другой взгляд на происходящее: можно разрушить храм, но духовная субстанция его, как некий невидимый контур, каркас, не исчезает и, едва слабнет давление, начинает заполняться, и храм восстанавливается. То же и народ, через некоторое время, через ряд поколений даже изувеченная нация возрождается. В прежнем величии и значении. Поэтому нужно лишь выждать. Я верю, что Россия возродится. Но, боюсь, мы этого уже не увидим. Так к кому же вы обращаетесь? К тем, кто живет сегодня и в вашей музыке не нуждается, или к тем, кто родится лишь завтра? Но у них будет, возможно, другая музыка?

— Сейчас надо восстанавливать связи. Прежде всего духовные связи. Ведь и человек, как все в этой вторичной природе, созданной руками человека же, формируется тысячелетиями, а разрушить его ничего не стоит. Но то, что было разрушено, даже изменившийся, как вы говорите, генотип, не закрывает пути для возрождения и дальнейшего развития. Да, этот путь — на тысячелетия. Нужно восстанавливать все, создавать иерархию духовных ценностей. А для того чтобы помогать людям подниматься на высшие ступени, нужна и музыка. Потому что искусство наравне с религией — вещи формирующие. А музыка среди всех искусств наиболее близка к выражению сущности человека. И еще — она посредник между человеком и Богом. Она устремлена от человека к Богу. Каким бы ни был падшим и грешным этот человек. Я верю в преображение тварного мира через музыку, тварного существа в личность через соприкосновение с Богом. Бердяев различал индивидуальность и личность. Личность — это уже связь человека с Богом. А у нас аберрация языковая происходит, и эти слова стали означать одно и то же. А это совсем разные вещи. И говорить надо не об индивидуальности в музыке, а о присутствии в ней личности, потому что музыка — это прежде всего проводник чувствования Божественного начала.

— У многих художников сейчас заметна усталость, особенно у тех, кто работает с крупными формами, многие не берутся за вещи большие, надолго: будущее наше темно. Как вам представляется наше будущее? И ваше? Если уж вы связываете его с этой страной?

— Россия — особая страна. Она страна босяков, и я не думаю, что в обозримом будущем здесь произойдут какие-то кардинальные изменения. Что касается политической ситуации, то России никогда не везло на хороших правителей. Говорят, что Иван III был мудрый государь. А после него как-то и не слышно было ни о ком таком... А сейчас вообще сложно. Партократия создала невиданное доселе рабовладельческое государство. Говорят, что ни в Древнем Египте, ни в Риме такого не было, у них жилось посвободней...

— У ацтеков что-то такое похоже было...

— Ну, у нас сложился самый рафинированный тип рабовладения. Потому и не надо удивляться всяческим формам насилия. Раб поднял голову? Конечно же, по ней бьют лопаткой. Бьет другой раб, по велению хозяина. Не унимается — танком по рабу проехали. Надо ждать танкового террора. По всей стране. Слишком много поднялось голов.

— А что же остается художнику? Я вижу, вами движет не отчаяние, а такое рабочее состояние, ощущение, что, несмотря ни на что, нужно работать, делать дальше свое дело, не останавливаясь, не впадая в панику оттого, что нет близких и явных перемен, работать вне зависимости от того, свершится ли обновление через 20 или через 200 лет. Осуществляя свое назначение. Так?

— Ну, разумеется. Вы знаете, сейчас некоторые священники едут в заброшенные деревни. На служение народу. Для меня совершенно очевидно, что сегодня все культурные силы, духовные силы, еще оставшиеся в этой стране, должны объединяться, концентрироваться, чтобы заложить основы для будущего.

«ВАШИНГТОН ПОСТ», 22 СЕНТЯБРЯ 1990 г.:

«Артёмов пишет музыку о своей душе — или, как он это называет,— «о глубочайших сокровенных событиях духа»; он убежден, что его музыка — о душе России.

Симфония названа «На пороге светлого мира», и Артёмов, который уже прошел через темную ночь души, надеется, что это тот порог, на котором он стоит вместе со своей Россией...

Новая симфония Артёмова стала выражением судьбы России».

Окончание.
Начало на стр. 2.

ЗАЛОЖНИКИ

И женщинам, что на улице собрались у единственного на четыре барака по 18 квартир «удобства», никто не помнит, когда чищенного...

А что стыдиться-то? Наше все, заработанное. Ну где этот стол, по которому кулаком стукнуть? Ну где этот кабинет, куда лбом вломиться? И что услышать? Всем трудно, у всех проблемы, в год не решишь. И в шесть перестроечных не решишь? И в сорок шесть послевоенных? И в семьдесят три советских? Потерпите, женщины, потерпите, мужики, до обновленного Союза хоть потерпите...

* * *

Участковый Анатолий Филиппович Лычак почти целыми днями здесь, на шахте.

— Нет, ребята порядок держат. Они ведь с начала забастовки постановили: в пьяном виде явишься или прогуляешь — вплоть до увольнения. Вообще-то у шахтеров оно, конечно, бывает. От такой жизни-то, да если каждый день, как последний,— чего говорить? Но сейчас понимают — нельзя им, не игры играют. Им нельзя, а кому-то можно. Иду тут по коридору, слышу голоса, стекло бьется. Стучу, заперто. Молчат. Потом зашебуршились, но открывать отказываются. Сейчас, говорю, из рабочего комитета позову — смеются: они кто? Позвал администрацию, отомкнули. Оказалось, гуляют технический инспектор да начальник участка. Ну доставил их в отделение, а инспектор, бац, на стол удостоверение: внештатный сотрудник госбезопасности. Так теперь меня и обвиняют, провоцирую, мол, беспорядки.

Вечер того же дня

— Вас всех в провокаторы и запишут. А-а, не получится у вас ничего. Политик нашелся. Да таких, как я, большинство. Иди нас раскачай!

Таня Мялова укладывала детей, и наши с Анатолием полуночные разговоры ей порядком надоели.

— Ну что с бабы взять! На сберкнижке 24 копейки, зарплаты сколько еще не будет, а она полдня за «Командором» отстояла, 17 рублей за одеколон.

— И купила, что же теперь, не жить? От тебя дождешься чего. Принес тут, на шахте выдали, две пачки спагетти. Бастуйте, бастуйте, еще подадут!

— Пойдем в сени, что ли? Вы ее не слушайте. Это нервы все. Боится: «Посадят тебя, о детях подумай». Я про них и думаю. По ночам не сплю. Семнадцать лет не курил, а сейчас, видите, одну за одной.

Она вот инженером на заводе, за 160 вкалывает. Я на шахте. Дети одни. А им всего-то: сыну восемь, дочке четыре. Вы думаете, я не понимаю, что мы многим больно сейчас делаем? А жить, как живем, не больно? Мы, говорят, безумцы, самоубийцы. Мы вот коксовые батареи разрушаем, ущерб все считают. А кто его за 73 года посчитал? За последние шесть лет и сколько там еще они собираются социализм кувалдой забивать — от этого ущерб посчитают? Это замкнутый круг, но мы должны его разорвать.

Народ, говорят, от политики устал. Да он только, может, осознавать начал, что это за жизнь наша. Тут народа своего любимого и испугались. И обиделись. Ах, неблагодарный, мы стабилизируем, а он разрушает. Что стабилизируют-то? Обратно, телегу подправим, починим — и покатились? Куда? Я в норе привык работать, так мне и то свет в конце туннеля нужен. И где ж он? Вы нам расскажите, чего хотите-то? «Обратного пути нет». Ладно. А вперед — куда? К социализму, что ли? Кто-нибудь его видел, построил? Швеция вот жила-жила при капитализме, а тут раз, и выясняется — единственная страна развитого социализма.

Я на Горбачева зла не держу. У него две заслуги — разоружение и гласность. Но дальше что? Все экономические реформы уперлись в налог и повышение цен. Где программа Шаталина — Явлинского? Мы изучали, мы поняли. Он сам поддерживал. День проходит, крутанул — и нет программы. Так кто из нас вредит перестройке?

А самостоятельность наша где? Объясните мне, дураку, что такое арендная собственность. Либо аренда — я у вас вашу собственность арендую,— либо собственность, сам хозяин, сам распоряжаюсь. А в результате ни того, ни другого. Про приказ № 4 министра нашего слыхали? А то-то, черным по белому: собственник — объединение, и точка. Молчком хотели, да мужики докопались...

Я одного боюсь, не поймет нас народ, отвернется, отвергнет. А шахтеры, уж мне поверьте, народ эмоциональный, больше нам не подняться. Все потонем...

Мы говорили и говорили. И про коксовые батареи, и про то, что весь мир до основания мы уже разрушали, и про то, что не вяжется как-то требовать отставки Президента и тут же встречи с ним, что самодеятельности в рабочем движении еще полно (где они, эти силы направляющие?) и что юрисдикция России тоже пока не панацея... Анатолий курил и мрачнел, откашливался и снова курил.

— Но ведь кто-то должен взвалить это на себя? А пролетариату, как раньше, терять нечего. Или вы знаете другой путь?

Я не знаю. Я хочу, чтобы на улицах наших городов нас не встречали дубинки и бэтээры. Я хочу, чтоб работали коксовые батареи. Я хочу, чтобы мы снесли черные бараки и чтобы Анатолий не терял друзей. Я хочу, чтоб его жена купила ему ящик «Командора» и всего, что ей захочется, в ближайшем магазине. Я хочу, чтобы нас перестали пугать друг другом, а мы бы перестали друг друга грызть, когда плохо по-своему всем.

Но я не хочу, чтобы единственными заложниками будущего благоденствия вновь оказались эти крутые ребята, упрямые, недоверчивые, ко всему готовые, кроме отступления, давно уже выросшие из своей робы. Они нас, наверное, простят. Нам самим будет труднее...

День последний: Прокопьевск, разрез

Утром на попутной машине ГАИ мы мчались по безжизненным, изможденным морщинам старых разрезов. У края отвала молча стояли шахтеры. Этот разрез не бастовал, работал на городскую котельную. Огромный «БелАЗ», почти незаметный сверху, беспомощной грудой железа лег на дне карьера. Мы спустились вниз вместе с врачами «Скорой помощи».

Мы опоздали. Шофер успел выскочить. Горный мастер остался там, куда выкинуло его ударной волной,— словно специально отведенная, маленькая, в человеческий рост, площадка над пропастью... Все было кончено. И только Анатолий требовал и требовал: «Пульс прощупайте, пульс. Ну почему вы так уверены, ну с чего вы взяли?..» А врачи уже начали свой нелегкий подъем по почти отвесной стене.

Шел двадцать первый день стачки.

Трудовой коллектив «Огонька» принял решение перечислить в помощь бастующим шахтерам свой однодневный заработок и такую же сумму из прибыли журнала.

Надежда АЖГИХИНА,
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

ГОРОД, В КОТОРЫЙ НЕЛЬЗЯ ВЕРНУТЬСЯ

Солнце выскользнуло из-за тучи, скатилось по шпилю собора святого Яана, не удержалось на Девичьей башне и разбилось о мостовую перед ратушей, взметнув тысячи осколков, зажгло значок на рукаве синей куртки парня из «кудукайтце» и круглую солдатскую пуговицу на фуфайке стройбатовца, сверкнуло на острие телебашни и покатилось дальше кубарем — по Командантэ, Харью, Герцена, по широким тротуарам между фиолетовыми кубиками новостроек... Там, где уже и Таллинна-то не может быть.

Продавщица цветов читала газету: сначала эстонскую, потом русскую, потом снова эстонскую. Поворачивала гортензии в горшках, строго поглядывала на застенчивые фиалки и жилистые шеренги тюльпанов.

Мальчик Тоом сидел с книгой в углу комнаты и смотрел, как сестра разговаривает с куклой. Старший брат Юхан долго и страстно объяснял кому-то по телефону политический смысл последних событий.

Солнце, приседая над крышами старого города, просквозив лучом решетки, лестничные пролеты, мансарды, штопало лоскутья дня, и внизу, в заливе, над сейнерами и подлодками трудились неустанные пряхи, свивающие из обрывков пламенных речей и обид, сожалений и парадов, слов, ошибок, заверений и суеты,— светящуюся нить судьбы.

В этот воскресный день 24 февраля в городе не произошло ничего неожиданного. Парламент не принял новых законов и не отменил старых. Комитеты, не согласные с парламентом, тоже отдыхали. Над промышленными постройками, как всегда, возвышался красный флаг, над Тоомпеа, как водится, на рассвете был поднят «триколор». Собрались люди. МВД в дневных сводках также не отметило ничего выдающегося. Бывшая студентка факультета журналистики Таня Бармакова в этот день встретилась со своей однокурсницей, которая приехала в командировку. Бывший аспирант факультета общественных наук Микк Титма гладил рубашку к завтрашнему правительственному заседанию и обдумывал тезисы к докладу в Принстоне. Арво Валтон написал страницу нового рассказа. Экскурсантка из Великих Лук плакала, потому что ей не достались импортные босоножки. Рядовой Смирнов сочинял письмо домой. Влюбленные и журналисты торопились на вечерний поезд навсегда. Потому что нельзя вернуться в тот Таллинн, где уже был однажды. Как вообще нельзя вернуться никуда.

И все это понял мальчик Тоом, стоящий на Ратушной площади, покинутой уже музыкантами, рядом с которым замешкался фотограф — замешкавшийся перед жизнью, которая вдруг открылась ему, раздвинув объектив фотокамеры, просочившаяся, как эта весна, как ветер с залива, коснувшись щеки, как неизвестный прохожий, уже скрывшийся в городской толпе. Обычной человеческой жизнью. Которую не замечаем в эйфории митинга и азарте политического диспута, мчимся мимо, подобно платоновскому Дванову, к неведомым идеалам, не замечая, как проскакиваем не только годы и дали, но и судьбы, и свою собственную судьбу, и пыль и копоть скачки ложится на оконные стекла все толще и толще... Наверное, нам тоже пришла пора вымыть окна. Как говорила старая таллиннка госпожа Анна. Госпожа Анна, в доме которой мы встретились этим днем в Таллинне и с чьими внуками мы бродили по аллеям и улицам старого города.

Благотворительный валютный счет Фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» — 70000015 во Внешэкономбанке СССР

Благотворительный рублевый счет Фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» — 700645 ОПЕРУ Правления Жилсоцбанка СССР.

«ОГОНЕК» АНТИСПИД»

Советский благотворительный фонд

Наших детей продолжают заражать СПИДом в больницах. Пока Минздрав бездействует — от всех нас зависит предотвратить новые жертвы. Мы обращаемся ко всем, кому небезразлична жизнь наших детей, кто в силах нам помочь. В благотворительных грузах просим присылать не только одноразовые шприцы — также и одноразовые системы для переливания крови, одноразовые внутривенные катетеры, стерилизаторы медицинских инструментов, дезинфицирующие растворы, защитные перчатки и маски для врачей. Всего этого катастрофически не хватает в больницах. На ваши пожертвования в валюте будет закуплена технологическая линия по производству одноразовых медицинских инструментов. Ваши пожертвования в рублях идут на выплату ежемесячных пособий детям, инфицированным ВИЧ. Друзья! Мы рассчитываем на вашу помощь!

15 июля 1990 года умер выдающийся скрипач Олег Каган. Жестокая болезнь сразила Олега на гастролях, обрекла на месяцы разлуки с домом. Олег умер в Мюнхене, куда его едва довезли после заключительного концерта на фестивале в Кройте.

В последние месяцы перед смертью, потрясенный публикациями в «Огоньке», Олег очень хотел помочь детям, над которыми нависла угроза СПИДа. Он пытался организовать благотворительные концерты, создать фонд помощи — не успел. Многие знали об этом, и в объявлении о панихиде в мюнхенских газетах появились такие слова: «Вы исполните волю покойного, если деньги, которые, возможно, собирались истратить на цветы или венки, переведите на счет Фонда «АнтиСПИД». Собранные деньги вместе с пожертвованиями семьи — 20 000 немецких марок — жена Олега Кагана Наталия Гутман перевела на счет Фонда «Огонек» — АнтиСПИД».

ХРОНИКА ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Оркестр под управлением Евгения Светланова — 11 499 одноразовых шприцев и 2 500 одноразовых игл, 15 одноразовых катетеров. Благотворительный груз передан в Павлово-Посадскую детскую больницу.

Василий Аксенов — 1 350 одноразовых шприцев и 300 одноразовых игл.

14 января в Фонд «Огонек» — АнтиСПИД» обратились из Литовского Центра борьбы со СПИДом с просьбой срочно передать одноразовые шприцы для больниц Вильнюса. Мы передали в Литву шприцы от В. Аксенова и 500 одноразовых игл от японской газеты **«Секай Ниппо»**.

Госкино СССР передало в дар Фонду «Огонек» — АнтиСПИД» документальный фильм режиссера **Сергея Баранова «Остров СПИД»** для широкой просветительской работы и для коммерческого проката в пользу детей, инфицированных ВИЧ.

Общество германо-советской дружбы (Берлин) — 51 посылка с рождественскими подарками для детей. Фонд передал подарки детям, инфицированным ВИЧ, в Шахты, Элисту, Москву.

Анна Саакянц (Канада), прихожане Кафедрального Собора св. Петра и Павла (Монреаль) — гуманитарный груз (995 кг): медицинское оборудование, продукты и одежда для детей. Благотворительные посылки были переданы в Волгоград, Элисту, Ленинград, Москву, Челябинск.

ВНИИ биологического приборостроения государственного концерна «Биопрепарат» передал дозаторы пипеточные ДП-8-200 в количестве 10 штук. Дозаторы переданы в лабораторию диагностики СПИДа при станции переливания крови (г. Шахты).

«Мы, члены Ассоциации советских женщин, проживающих в Коста-Рике, не могли остаться безучастными к призыву, прозвучавшему со страниц вашего журнала. Невелик наш вклад, но он от всей души. 30 января 1991 года нами переданы в посольство СССР в Коста-Рике для отправки в Фонд «Огонек» — АнтиСПИД» 3 тысячи одноразовых шприцев».

Фонд «Огонек» — АнтиСПИД» передал 3 тысячи одноразовых шприцев в Орехово-Зуевский роддом.

Советско-американский фонд «Культурная инициатива» передал в безвозмездное пользование Фонду «Огонек» — АнтиСПИД» персональный компьютер: PC/AT-286 MAGITRONIC GM212, YGA, 40 MB HDD FDD 5.25 монитор 14VGA EMERSON, телефакс AUDIOVOX AFX-2000; пишущую машинку CANON «Type Star 2»

Французская благотворительная организация «Врачи мира» передала для детской больницы г. Троицка: пенициллин — 250 флаконов, антибиотики — 74 флакона, одноразовые иглы — 26 500 шт., одноразовые шприцы — 5 мл — 7 650 шт., 2 мл — 6 700 шт., 1 мл — 500 шт., одноразовые иглы-бабочки — 1 200 шт., перчатки одноразовые — 300 шт., вата — 10 коробок, компрессные салфетки — 74 упаковки, молоко сухое для грудных детей — 28 коробок, печенье с витамином — 36 коробок, эндотрахиальные трубки одноразовые — 16 шт. Для созданной в Ленинграде республиканской инфекционной больницы: шприцы одноразовые — 10 000 шт., иглы одноразовые — 6 000 шт., иглы-бабочки одноразовые — 1 500 шт.

Кронид Любарский и журнал «Страна и мир» (ФРГ) — 9 тыс. одноразовых шприцев для детской больницы г. Степанакерта.

Фирма «Био-Рад» (США) и совместное предприятие БиоХимМак вносят свой вклад в Фонд «Огонек» — АнтиСПИД» в виде 300 тест-наборов для проверки на СПИД серии Novarall на основе иммуноблоттинга.

Фирма «Био-Рад» — крупнейший в мире производитель оборудования и реактивов для диагностики СПИДа, в производственной программе фирмы «Био-Рад» также: система REMEDI для токсикологии, система DIAMAT для диагностики сахарного диабета, научное аналитическое оборудование (системы жидкостной хроматографии высокого и низкого давления, оборудование для всех видов электрофореза, ИК-Фурье-спектрометры, лазерные микроскопы).

Московским центром фирмы Био-Рад является совместное предприятие БиоХимМак, которое обеспечивает консультационный и технический сервис, а также самостоятельно производит широкий спектр оборудования (люминометры серии EMILITE, агрегометры) и расходуемых материалов для хроматографии (сорбенты, колонки, концентрирующие патроны). Адрес: 119899, Москва, Ленинские горы, тел.: 939-24-21.

300 тест-наборов для диагностики СПИДа переданы в Центр анонимного обследования на СПИД («АнтиВИЧ»).

В предыдущих хрониках мы писали о благотворительных грузах, посланных **Московским народным банком (Лондон).** Эти грузы были закуплены на пожертвования следующих организаций:

«Московский народный банк», фирмы «Бичем Резерч», «Глэксомедикал», «АПВ Бэйкер», «Риджент Лабораториз», «ЛРС Оверсиз», «Тернер Кеннет Браун», «Бэрри Мартин Трэвел», «Филлипп Бразерс», «Камерон Маркби Хьюит», «Эрнст и Янг», фирма «Рэнк Ксерокс», Московский симфонический оркестр.

Господин Генри Дэйкин (Дэйкин и Компани, Сан-Франциско) — 500 долларов.

Священник Лев Михайлович Тимофеев — 500 долларов.

Герман Андреев — 100 долларов.

Зоя Грей: «Я пишу вам от имени русских женщин, проживающих в Кувейте. Мы с большим волнением следили за вашими публикациями в журнале «Огонек». Особенно мы переживали за судьбу детей, которые оказались невинными жертвами равнодушия и жестокости взрослых. В начале этого года мы провели благотворительный базар с целью сбора денег для Фонда «Огонек» — АнтиСПИД». Многие русские женщины приняли участие в проведении и подготовке этого мероприятия, среди самых активных участников можно назвать Людмилу Ульянову, Ольгу Крушеву, Валентину Ал-Кантари, Тамару Ал-Катан, Валентину Хедестром. Мы надеемся, что наш скромный вклад (всего мы собрали 440 фунтов стерлингов) поможет вашему благородному делу».

Жена бургомистра г. Берлина фрау А. Момпер — 100 немецких марок.

Сотрудники Ленинградского НИИ лесного хозяйства — 1000 рублей.

Кооператив «Купрум» — 10 тыс. рублей.

Илья Красавин: «Прошу принять мой вклад в благородное дело борьбы со СПИДом — гонорар за книгу «Королевские войска». Может, стоит литературе пойти войной на эту грозную болезнь — тогда и ей конец?..»

Пенсильванский государственный университет, студенты группы по изучению русского языка: «Наш класс был очень тронут вашей статьей в «Огоньке», где вы пишете о пациентах со СПИДом в инфекционной больнице № 2 Москвы. Особенно тронул нас рассказ о маленькой девочке Ире. Мы посылаем Ире подарки и наилучшие пожелания».

Вальтер Шеллибаум и Адриан Шнейтцер — 500 швейцарских франков.

Объединение «МММ» подарило Фонду для передачи в реанимационное отделение 2-й инфекционной больницы принтер «EPSON».

Научно-медицинский центр «Джуна» — 50 тыс. рублей.

* * *

Подведены итоги конкурса на лучший плакат о СПИДе, объявленного в № 38 журнала за 1990 год.

Второй премии удостоены работы художников Г. А. Шлыкова и В. И. Живоглядова (Николаев Днепропетровской обл.);

третью премию получили О. А. Векленко (Харьков), Р. Акмаев (Донецк), А. Резаев (Москва);

В. Игнатьев из Чебоксар, москвич В. Чекашов и художница из Днепропетровска М. Агеенко стали обладателями поощрительных призов. Специальный приз получил восьмилетний участник конкурса Ярослав Пан из Ялты. Первую премию жюри под председательством В. Цветова решило не присуждать.

45 из более чем 300 работ, присланных на конкурс, были представлены на выставке «Плакат против СПИДа», которая прошла в феврале в выставочном зале Государственного Культурного центра на Петровских линиях.

Спонсором выставки стала французская фирма «РЕВЕО», производящая краски и другие профессиональные принадлежности для художников. Безвозмездную помощь в формировании призового фонда оказала внешнеторговая фирма «Совдизайн», Москва.

Фонд благодарит А. Лобанова («Дом «Москворечье» СП «Геракл») за безвозмездное проведение в день открытия выставки небольшого аукциона. Выручка от него, а также от продажи презервативов, которую организовали наши постоянные помощники — учащиеся и педагоги техникума советской торговли, составила 5 000 рублей и полностью поступила на благотворительный счет фонда.

Благодарим Рекламно-информационный комитет Московского метрополитена, редакции газет «Советская культура», «Экран и сцена», «Вечерняя Москва», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Архитектор», «Московский художник», «Куранты», радиостанцию «Эхо Москвы», редакции телевизионных программ «120 минут», «Взгляд», «Добрый вечер, Москва!» за бесплатную рекламу конкурса и выставки; телепрограмму «До 16 и старше», посвятившую ей сюжет.

Благодарим всех, кто принял участие в нашем конкурсе, профессионалов и любителей, взрослых и детей. Присланные на конкурс работы мы назад не высылаем, но авторы могут получить их лично.

Госпиталь № 2 для инвалидов Отечественной войны в мае 1991 года проводит благотворительный концерт с целью сбора средств для лечения инвалидов Отечественной войны и воинов-афганцев.

Приглашаем для участия в качестве спонсоров промышленные предприятия, СП, кооперативы и частных лиц.

Заявки и справки по телефонам: 376-49-41, 172-97-20 (с 10 до 16 часов).

Наш адрес: 109472, г. Москва, Волгоградский проспект, дом № 168.

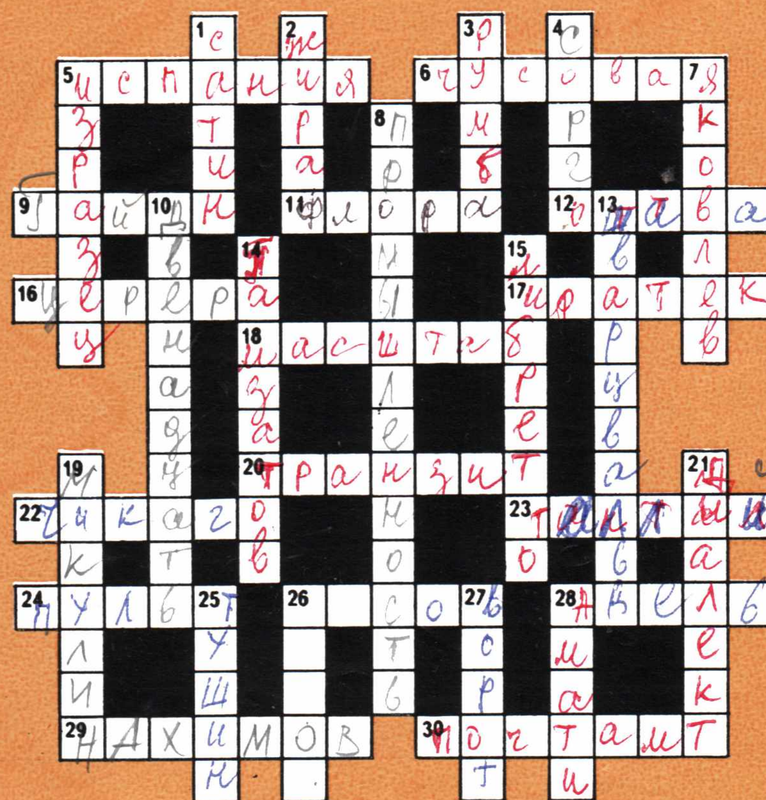
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Государство в Европе. 6. Приток Камы. 9. Австрийский композитор. 11. Растительный мир. 12. Город в Канаде, на побережье озера Онтарио. 16. Одна из самых крупных малых планет. 17. Чешский писатель. 18. Отношение отрезка линии на карте, чертеже к действительной длине на местности. 20. Перевозка товаров без перегрузок на промежуточных пунктах. 22. Город в США. 23. Химический элемент, мягкий и легкоплавкий металл. 24. Подставка для нот. 26. Советский архитектор, академик. 28. Стихотворение А. С. Пушкина. 29. Русский флотоводец, адмирал. 30. Предприятие связи.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Действующее лицо в пьесе М. Горького «На дне». 2. Северное околополюсное созвездие. 3. Бальный танец. 4. Растение семейства злаков. 5. Керамическая плитка, кафель. 7. Народный артист СССР, актер Театра имени Вахтангова. 8. Отрасль народного хозяйства. 10. Поэма А. А. Блока. 13. Горный массив в ФРГ. 14. Народный поэт Дагестана, Герой Социалистического Труда. 15. Словесный текст музыкально-вокального произведения. 19. Конструктор двигателей самолетов, академик, Герой Социалистического Труда. 21. Говор, местное наречие. 25. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 26. Приток Печоры. 27. Простейшее грузоподъемное устройство. 28. Семья итальянских мастеров смычковых инструментов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Водолаз. 8. Топорик. 9. Акаба. 10. Монотип. 11. «Ниночка». 12. «Выстрел». 14. Сплав. 15. Мерси. 17. Юморист. 18. Кадриль. 20. Адана. 23. Кефир. 26. Тротуар. 28. Колибри. 29. Бутафор. 30. Тутти. 31. Кулинар. 32. Душевая.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Солоха. 2. Конотоп. 3. Волопас. 4. Шишкин. 6. Заплыв. 7. Паритет. 8. Тандем. 12. Вариант. 13. Лендлер. 14. Семга. 16. Иллер. 19. Острота. 21. Данилин. 22. Арбитр. 23. Карбид. 24. «Исламей». 25. Глобус. 27 Прокат

SUCCESS
САКСЕСС

Турецкие мечети, пляжи Сингапура, рыбалка в Сибири, спелеологические маршруты Кавказа и многое другое — все это советско-американское совместное предприятие SUCCESS.

Цены на 20% ниже государственных.

СП SUCCESS — это удачное сочетание бизнеса, комфорта и отдыха!

СП SUCCESS — это ваш успех!

ЭКАРТ

ОПЛАТА В РУБЛЯХ И СКВ.
ТЕЛЕФОН: 148-99-66.
ФАКС: 282-65-11 ANKRAS 002934.

1 руб. Индекс 70663